

5 ВЗГЛЯД ОДНОГО ЭЗОТЕРИКА НА ИСТОРИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

5.1 Введение

¹Историю философии можно писать по-разному. Можно рассматривать ее как историю или как философию. Можно подчеркивать различные попытки различения понятий, или излагать различный вклад философов в псевдорасширения философских псевдопроблем, или концентрироваться на различных принципах, или критиковать, демонстрируя противоречия внутри философских систем, или вынимать идеи из их рамок, не понимая жизне- и мировоззрений философов в целом.

²Нижеследующий очерк исходит из описания реальности, содержащегося в эзотерической ментальной системе пифагорейцев (главы 1.4–1.41), и пытается показать попытки – в целом безуспешные – философов уловить некоторый проблеск этой реальности. В этой связи использовались и другие идеи и факты, все больше которых предоставляли человечеству наши старшие братья. Без того, что было сказано выше, следующее будет «висеть в воздухе». Очерк – это попытка освободить человечество от его зависимости от спекуляций воображения философии и научить людей мыслить самих.

5.2 Базовые проблемы философии

¹Так называемая теоретическая философия (мировоззрение) делится на онтологию, метафизику, космологию, психологию и теорию познания, а так называемая практическая философия (жизневоззрение) – на этику, правовую, политическую и социальную философию.

²Во всех этих вопросах острые и глубокие философы придерживались различных мнений. Поскольку жизневоззрение должно основываться на мировоззрении, они не смогли договориться даже по «практическим» проблемам.

³Мнения неизбежно должны расходиться, так как философские проблемы не могут быть разрешены без знания фактов существования, а эти факты отсутствовали. Невозможно правильно сформулировать проблемы, что невозможно до тех пор, пока не будут известны правильные ответы. Человек должен обладать знанием, прежде чем он сможет разумно задавать вопросы. В том виде, в каком они были сформулированы, они являются абсурдными и неразрешимыми псевдопроблемами.

⁴Эзотерическим аналогом «онтологии» (учения о реальности) философии является учение о материи, ее происхождении и составе (эзотерическая химия).

⁵Метафизика стремится объяснить движение (процессы в природе, процесс проявления) и эзотерически является учением об энергиях, их происхождении и природе (эзотерической физикой). В просторечии термин «метафизика» применяется ко всему сверхфизическому. «Метафизика» философии есть спекуляция невежества, и ее не следует смешивать с «сверхфизикой» эзотерики. Непосредственным пониманием эзотерики обладают только те, кто обладает знанием латентно (вспоминанием заново).

⁶Космология – это учение о вселенной, о происхождении миров и т. д. (эзотерическая астрономия).

⁷Психология – это учение о сознании.

⁸Теория познания, или эпистемология, есть проблема возможности познания и т. д. Эта псевдопроблема, которая была главной проблемой философии со времен Локка, Юма и Канта, будет устранена, когда человек приобретет знание о реальности, жизни и основных фактах существования.

⁹Этика (правовое представление) стремится решить, что является правильным и неправильным, что является правильным действием и правильными мотивами для действия.

Эти основы права в конечном счете определяются представлениями индивида о смысле и цели существования с точки зрения его взгляда на реальность и жизнь. История философской этики – это изучение всех различных правовых представлений, выдвигаемых невежественным в жизни остроумием.

ГИЛОЗОИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

5.3 Пифагор

¹Необходимо, чтобы три абсолюта (материя, движение, сознание; совокупность существования), существующие для всего сознания, могли быть установленными прямо, непосредственно, неразмышляюще самым элементарным сознанием (также животным сознанием). Необходимо, чтобы они могли быть осознанными человеческим здравым смыслом как наиболее очевидное из всего, как простейшее применение закона тождества: это есть это. Эту основную проблему философии, самую очевидную из всех проблем, философы еще не смогли разрешить. «Реальность ведь мне дана» (Тегнер); так просто то, что непосредственно и что было сделано неразрешимой проблемой.

²Пифагор объяснил, что реальность имеет три аспекта, которые неразрывно и неразделимо связаны без смешения или обращения, что все три необходимы для правильного восприятия реальности.

³Троица существования состоит из:

аспекта материи,
аспекта движения (аспекта энергии),
аспекта сознания.

⁴Односторонность спекулятивного подхода к теории познания видна в том, что каждый из трех передовых философских способов рассмотрения сумел открыть только одну сторону действительности, но не пифагорейский синтез.

⁵Ученые утверждают, что «все есть материя». Субъективистские философы Запада и Востока утверждают, что «все есть сознание». Физики-ядерщики теперь ратуют за то, что «все есть энергия». На их глазах наблюдаемая физическая материя растворяется в «ничто», или энергетические явления, и они сразу же заключают, что «материя растворяется в энергию». Только эзотерики знают, что она растворяется в материю, невидимую для физиков, энергетический эффект которой неизмеримо больше, потому что она принадлежит к более высокому молекулярному виду.

⁶Это единственно правильное восприятие реальности Пифагор называл гилозоикой (духовным материализмом), устраняя тем самым противоположность духа и материи и объясняя, что «дух» есть неразрушимое сознание атомов.

⁷Пифаго осознал, что тот, кто в физическом мире хочет приобрести как можно более точное восприятие реальности, должен исходить из аспекта материи существования как неизбежной основы научного исследования. Это и было блестяще подтверждено. Естествознание доказало свое превосходство не только в технологическом отношении, но и в том, что оно представило наименьшее число заблуждений. Тот, кто приобрел чувство реальности здравого смысла в физическом мире, не так легко становится жертвой иллюзий эмоционального воображения, фикций ментальной деятельности и бывших до сего времени идиологий жизненного невежества.

⁸Западные люди исходят из объективного аспекта материи, индийцы – из субъективного аспекта сознания. Космос состоит из серии атомных миров разной степени плотности. Все высшие миры охватывают и пронизывают все низшие миры. Восприятие реальности (логически абсолютное восприятие сознанием аспектов реальности) различается в разных мирах в зависимости от различий в первоатомной плотности, что приводит

к различиям в измерении, длительности, материальном составе, движении, сознании и закономерности. Восточный человек совершает логическую ошибку, называя восприятие реальности «иллюзией», потому что оно меняется с каждым миром.

5.4 Другие эзотерики

¹Общепринятые учебники истории философии заставляют философскую мысль начинать примерно с 600 г. до н. э. Этот период напротив обозначает окончательно беспомощный упадок греческой культуры и, вместе с ней, так называемых мистерий. Именно для того, чтобы противодействовать предвиденному падению, Пифагор (около 700 года до н. э.) основал колонию (названную Кротона) за городом Таормина на Сицилии, население которой должно было однажды уничтожить колонию и убить его самого. Существует три различных легенды о Пифагоре. Все сказанное о нем ложно, далеко от истины, так как Пифагор был эссенциальным я и основателем ордена эзотерического знания.

²Членам этого ордена было передано под обетом секретности, как и в первоначальных мистериях, то знание реальности, которое невежество всегда искажает и которым властолюбие всегда злоупотребляют.

³Орден имел несколько степеней. В наинизшей степени знание передавалось в форме мифа. В более высоких степенях давалось все больше толкований символов. Некоторые из этих мифов, искажены и они, стали известны потомкам.

⁴Высшим посвященным было дано знание о существовании более высоких материальных миров, чем физический. Вся материя состоит из первоатомов, которые Пифагор называл монадами (наименьшими возможными частями первоматерии и наименьшими твердыми точками для индивидуального сознания). Эти монады неразрушимы, из-за чего не может быть никакой смерти, только распад формы. Как только потенциальное сознание монад пробуждается к жизни, их развитие сознания продолжается через серию природных царств во все более высоких мирах, пока они не достигнут наивысшего божественного царства.

⁵Пифагорейцы символически записали учение своего учителя, помимо прочего, о трех равноценных аспектах существования. Они учили, что смысл жизни – это развитие сознания, что «сознание спит в камне, видит сны в растении, пробуждается у животного, становится самосознанием у человека, сознанием единства в пятом природном царстве и всеведением, охватывающим все более, во все более высоких божественных царствах».

⁶На то, чему они еще учили, отчасти намекают последующие эзотерические (так называемые досократовские) философы.

⁷Коперник, Галилей и Джордано Бруно, среди прочих, имели доступ к копиям этих пифагорейских рукописей.

⁸Вероятно, было неизбежно, что некоторые из эзотерических высказываний стали известны непосвященной общественности и стали предметом спекуляций воображения. Судя по всему, некоторые из посвященных принимали участие в этой игре воображения не в последнюю очередь для того, чтобы направить дискуссию в область ментального анализа (который, конечно, выродился в бессмысленную изошренность) и тем самым развить способность мыслить у «необразованных».

⁹История философии разъясняет, что известно немногим больше, чем имена некоторых из этих досократских философов. Неизвестно даже, когда они родились. Все, что известно о них, – это легенды и попытки разумного невежества истолковать символические стихи и остальные фрагменты приписываемых им произведений.

¹⁰Все досократские философы были гилозоиками. Даже от их мнимой мудрости не осталось ничего, кроме нескольких скудных высказываний. Один этот факт должен был бы внушить осторожность в оценке их.

¹¹Эти мудрецы обладали знанием реальности, которого не хватает современным

ученым. Для традиционной нерассудительности характерно то, что они выдвигаются в качестве примеров «первых попыток мышления». И это несмотря на утверждение о том, что о них известно следующее:

¹²Они учили, что неподвижные звезды – это солнца; что планеты вращаются вокруг Солнца, светят отраженным светом и когда-то были жидкими массами, отделившимися от Солнца. Они излагали периоды обращения Солнца и Луны, предсказывали затмения Солнца и Луны. Они знали, что Земля круглая, давали правильные цифры относительно ее размеров. Они высказывались о самых фундаментальных понятиях и самых трудных проблемах, например, о механических или целесообразных причинах процессов в природе.

¹³Этим людям потомки приписали самое примитивное невежество; что они будто бы дали абсурдные объяснения того, что составляет вещи и как все произошло. То, что просматривается в этих фрагментах, полностью символично и свидетельствует о том, что эти останки когда-то принадлежали к писаниям, предназначенным для «посвященных». (Настоящее знание передавалось только в тайных орденах знания.) Их также не интересовала практика остроумия и глубокомыслия. В этом отношении логика вообще не продвинулась вперед за 2500 лет. Философы все еще применяют принципиальное мышление контрдикторного «закона противоположностей», хотя понимание перспективным мышлением значимости релятивизации дает о себе знать в последнее время. Они так же далеки от высших ментальных способностей, как и их собратья пару тысяч лет назад. Эзотерик, который «знает, как мало людей способны мыслить и что еще меньше людей способны мыслить правильно», улыбается, читая, как некоторые из этих высказываний, приписываемых мудрецам, были истолкованы и искажены.

¹⁴«Все произошло из воды» (Фалес, первый общеизвестный гилозоик). Это намек на то, что твердое состояние агрегации кристаллизовалось из жидкого состояния. Это было эзотерическое положение, которое было приведено в древней Каббале халдеев, которую евреи позже переработали. Именно поэтому, «согласно Моисею», дух произвел все, «носясь над водой».

¹⁵«Все возникло из воздуха» (Анаксимен). Жидкое состояние произошло из газообразного.

¹⁶«Все происходит от огня» (Гераклит). Огнем подразумевалось эфирное состояние агрегации. Все должно было быть эфиром, прежде чем оно могло стать газообразной, жидкой и твердой материей. Они не могли пойти дальше «огня», не выдав секретов. Сверхэфирное состояние агрегации позже получило латинское название «quinta essentia» («квинтэссенция»).

¹⁷Анаксимандр учил, что космосы, которых существует неограниченное количество (!), происходят из хаоса и что каждый космос развивается сам по себе. Говоря это, он провозгласил две величайшие истины эзотерики. И это называется примитивной спекуляцией!

¹⁸Когда Ксенофан на своем символическом языке объясняет, что Вселенная есть бог и что божество сферично, он приводит некоторые эзотерические факты. Космос – это сфера, или шар, в первоматерии, которая является поистине безграничным пространством. В то же время космос – это космическое коллективное сознание, которое является наивысшим божеством. Неудивительно, что он резко критиковал антропоморфизм!

¹⁹Парменид проводил различие между видимым (феноменом) и мысленным (ноуменом), терминами, которые позднее были неправильно использованы, особенно Кантом. Например, понятие стола как ментальное понятие остается неизменным, как только оно получает свое определение, в то время как его физическое соответствие может изменяться и иметь различные формы и цвета. Если с этой точки зрения кто-то хочет рассматривать «мир понятий» как «истинно сущее», то он, конечно, может это сделать.

Парменид показывал на остро сформулированных примерах, как мы запутаемся в противоречия и придем к абсурду, если попытаемся постичь реальность посредством наших сконструированных понятий. Если бы парменидовское различие между феноменом (физическим существованием) и ноуменом (понятием) было правильно понято, то понятие как субъективная реальность не было бы смешано с его объективным физическим соответствием, и люди увидели бы, среди прочего, различие между основанием и следствием логики и причиной и действием физического существования.

²⁰Зенон неопровержимо доказал, что «стрела в полете находится в покое» и что «Ахилл не может догнать черепаху, если у нее есть отрыв», и другие вещи. Ясно, что еще не было понято, что он имел в виду под такими доказательствами. На самом деле, нас обманывает наш субъективный разум, так как логические доказательства, которые субъективисты считают убедительными, в действительности абсурдны. Основная идея состояла в том, что мы не можем объяснить существование обычными средствами разума, что экзотерическое обучение, ограниченное физической реальностью, остается фикционализмом.

²¹Гераклит объяснил, что все находится в движении, находится в состоянии вечного изменения и перемены. Это эзотерическая фундаментальная аксиома, касающаяся аспекта движения существования. Он также учил, что мир развивается циклично, что все изменения происходят в соответствии с вечными законами природы, которые являются единственным неизменным во Вселенной. Все это эзотерично!

²²Эмпедокл составил и систематизировал то, что до сих пор было разрешено сделать экзотерическим. Он также учил понятиям притяжения и отбора, идее перевоплощения и проповедовал против употребления мяса.

²³Демокрит был первым, кто особо подчеркнул аспект материи.

²⁴Пифагор учил, что существование состоит из серии взаимопроникающих материальных миров различной степени плотности. Каждый мир построен из своего собственного атомного вида. Атомы низших миров содержат атомы всех высших миров. Таким образом, существует целая серия различных атомных видов.

²⁵Демокрит пытался, в пределах допустимого, построить экзотерическую теорию природы материи. Для этого он ввел понятия «пустоты» и «падения» атомов. Чтобы объяснить свойства материи, он совершил досадную ошибку, разделив их на объективные (форма, плотность, вес) и субъективные качества. С тех пор это неудачное псевдообъяснение должно было преследовать философию. Демокрит также учил, что движение атомов определяется «слепой необходимостью» (ананке), то есть механическими причинами, а также что душа имеет материальную природу (подразумевается: материальная оболочка для монады).

²⁶Демокрит знаменует собой начало философии, или известной экзотерической спекуляции, и поэтому вполне оправданно говорить, что «материализм» (собственно физикализм) так же стар, как и философия (субъективизм).

5.5 ПЕРВЫЙ СУБЪЕКТИВИСТСКИЙ ПЕРИОД

¹Культуры строятся кланами на стадиях развития культуры и гуманности. Когда их работу берут на себя кланы на более низких стадиях, наступает более или менее быстрый упадок. Это происходит не только потому, что у этих индивидов отсутствует приобретенный, латентный жизненный опыт, который является предпосылкой здравого смысла и правильного инстинкта жизни, но и потому, что несправедливость с эгоистической ненасытностью (эксплуатацией), бесчеловечностью (рабством) и всеобщей коррупцией все больше заявляет о себе. Мировая история была названа мировым судом. Она есть вечный пример действительности закона посева и жатвы.

²Секрет превосходящей культуры греков заключается в том, что все их ведущие деятели в области философии, науки и искусства были посвященными орден

эзотерического знания. Софисты (как и современные люди) не только не знали смысла и цели жизни, но и к тому же не могли понять.

³Еще до того, как появились софисты, мистерии вместе с оракулами и т. д. оказались в глубочайшем упадке. То, чему учили, стало просто делом поверхностной веры и, следовательно, предметом сомнения. Если бы это было иначе, то явление, подобное софистам, было бы невозможно.

⁴С софистов началась та спекуляция воображения жизненным невежеством, которая называется философией. Они были первыми теоретиками познания. Софисты не были посвященными. Они усвоили все доступное эзотерическое обучение. С неоспоримым остроумием они осознали, что это обучение не дает им знания о реальности. Таким образом, эзотерическое обучение не могло быть столь примитивным, как это утверждают историки философии. Подобно Локку в более поздний субъективистский период, они считали, что человек поступает неправильно, что вместо того, чтобы пытаться исследовать материальный внешний мир, он должен начать с исследования возможности познания разумом.

⁵Протагор, самый значительный из софистов, считал, что «человек есть мера всех вещей». Знание – это отношение между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом. Качество объекта зависит от воспринимающего (Кант). К этому субъективизму прибавился индивидуализм. Объекты кажутся разными разным индивидам, и они всегда таковы, какими кажутся индивиду. Все существование – это личное восприятие индивида. Мы не можем знать, существует ли реальность, независимая от этого восприятия (Юм).

⁶Эти утверждения уже отражают так называемую проблему реальности теории познания, ту псевдопроблему философского субъективизма, которая до сих пор не раскрыта. Если онтология (учение об аспекте материи существования) и метафизика (учение об аспекте движения существования) вместе с психологией (учением об аспекте сознания) не могут предоставить требуемых фактов о реальности, то никакая теория познания тоже не поможет. В лучшем случае это будут безуспешные попытки объяснить ту реальность, которая остается недоступной для нормального индивида. Эзотерика утверждает, что само сознание, без инструментов или вспомогательных средств, может исследовать весь аспект материи, что высшие миры могут быть изучены органами восприятия, еще не развитыми у нормального индивида, что вся материя обладает сознанием и что это сознание – когда оно стало самоактивным – может исследовать свою собственную материю. Она утверждает, что все есть прежде всего то, чем оно «кажется», но в то же время всегда нечто совершенно иное и бесконечно большее, «великое неизведанное». Этот логический абсолют («это есть это» закона тождества), различный в разных мирах, субъективисты никогда не понимали.

⁷Мудрецы хотели обратить внимание на многие проблемы физического мира, поскольку этот мир является единственным миром, о котором нормальный индивид может приобрести знание. Он должен сначала освоиться в этом мире и решить проблемы физической жизни, прежде чем он приобретет требуемую способность для решения несравненно более трудных проблем высших миров.

⁸Легко понять, как невежество пришло к субъективистскому восприятию существования. Наши чувства иногда обманывают нас, так как наш организм и мозг не всегда функционируют идеально. Если затем мудрецы говорят нам, что материальные объекты состоят из атомов, которые мы не можем видеть, то почти сразу же напрашивается вывод, что эти объекты должны быть чем-то иным, чем они кажутся. Если эту тему развивать и дальше, то в конце концов все будет лишь видимостью. И если эта мысль повторяется достаточно часто, человек в конце концов не сможет осознать, что внешний мир должен быть реальностью.

⁹В отличие от субъективистов объективисты утверждают, что сознание может быть как субъективным (разумом), так и объективным (умом), что при наблюдении внешней, материальной реальности сознание прямо и непосредственно определяется этой реальностью, что только объективные факты об объективной материальной реальности, установленные в объективном сознании, могут дать знание о внешнем мире. Без объективного сознания мы теряем себя в субъективности. Это особенно очевидно для тех, кто в своих высших оболочках в высших мирах способен установить ту же самую объективность.

¹⁰Софисты были «философами просвещения» Древней Греции. Они отвергли все, чему традиционно учили, все в миро- и жизневоззрении. Они анализировали все мыслимое, особенно восприятие реальности, религию, правовые понятия и формы правления. Случилось так, как и должно было случиться, когда нормальный индивид с своим чрезвычайно ограниченными ресурсами отваживается разрешить загадку существования: бесплодные догадки обо всем, что не может быть непосредственно установлено в физической реальности. Беспокойное размышление начинает свою работу разрушения, растворяет все понятия, заимствованные из эзотерики, не подозревая, что им соответствует «неизвестная» реальность. Человек не понимает, что эти вспомогательные понятия выполняют важную функцию. Они делают возможной дальнейшую ментальную обработку до тех пор, пока мы не приобретем полное знание соответствующих реальностей и не сможем заменить вспомогательные понятия более точными понятиями.

¹¹Согласно эзотерике, видимый мир составляет около одного процента аспекта материи всей реальности. Нормальный индивид может быть величайшим ментальным гением, но он глубоко невежественен в отношении существования. Он ничего не может знать о смысле и цели жизни, о том, что в этих отношениях истинно и ложно, правильно и неправильно. Он не в состоянии сформировать для себя подлинно разумное миро- и жизневоззрение.

¹²Несмотря на то, что ранние софисты были серьезными исследователями, все это вскоре выродилось. Поскольку все мнения имеют свое так называемое оправдание, каждый должен был позволить свету своего гения сиять в сгущающейся тьме нарастающего эмоционального и ментального хаоса. Были выражены самые разнообразные мнения, составив в конечном счете спектр всего произвола самодовольной, суверенной лжемудрости у так называемых самостоятельных мыслителей на стадии перехода от мышления умозаключением к принципиальному мышлению. Переоценивая свою новую способность, они воображают, что могут мыслить в соответствии с реальностью, будучи неспособными увидеть фиктивность своих гипотез.

¹³Некоторые придерживались мнения, как позднее Руссо, что человеческая природа добра, а культура зла, что все люди рождаются равными и что законы были учреждены теми, кто находится у власти, чтобы угнетать людей. Другие думали, как позднее Ницше, что природа выше добра и зла, что мораль – это изобретение слабых, чтобы обезоружить сильных, и что единственно разумная форма правления – аристократия.

¹⁴Софисты, будучи учителями риторики, обещали обучить, разумеется за звонкую монету, любого политического авантюриста или так называемого социального реформатора трюкам искажения слов риторики и юридической казуистики. Они развили искусство спора, эристическое, которое своими уловками оставляло любого противника без ответа. Единственное, что имело значение, – это победа в споре. Они дошли до того, что в конце концов попытались доказать, что черное – это белое, и заставили худшее дело казаться лучшим, в результате чего слово софист (учитель мудрости) стало ругательным словом.

¹⁵Растущая политизация всего и демократизация постоянно снижали, как это всегда бывает, стандарты солидности, надежности и компетентности. На смену им пришли

предприимчивость, презрение к авторитетам и болтливость. Все не так хорошо, как есть. Все старое должно быть отвергнуто. Лжемудрость знает, как все должно быть сделано. Изменение – это то же самое, что и улучшение. Просто снесите, чтобы получить воздух и свет, и все снова выстроится в стерильной пустыне. (Конец его мы видим в пустынях и развалинах.) Лучший способ получить совершенный космос – это вызвать хаос. Лучший способ возбудить зависть – это дать преувеличенную картину того, насколько лучше живут другие. Лучший способ вызвать недовольство и дух бунта – это обещать удовлетворение ненасытного эгоизма. Поскольку притязания возрастают по мере удовлетворения требований, безответственная демагогия привела в движение слепую силу природы, которая не будет остановлена до тех пор, пока национальная нищета не станет свершившимся фактом, пока диктатура не положит конец безумию. Но тогда, конечно, «бедность переносится с выдержкой, когда она разделяется всеми поровну». То, что не должно быть причин для зависти, кажется самым существенным.

5.6 РЕАКЦИЯ ПРОТИВ СУБЪЕКТИВИЗМА

¹Софисты своими учениями, лишенными принципов и системы, вызвали всеобщее смешение понятий. Противодействовать этому стремились три мужественных человека. Они видели, что все это может привести только к интеллектуальному затемнению, социальной и экономической катастрофе. Но реакция пришла слишком поздно, чтобы предотвратить опустошение. Интеллектуальное вырождение зашло слишком далеко. Способность понимать что-либо по-настоящему разумное проявлялась все реже. Даже способность постигать уменьшилась.

²Тремя великими были Сократ, Платон и Аристотель.

³Сократ стремился найти те исходные основные понятия жизневоззрения, которые были латентны у него, но которые ему никогда не удавалось актуализировать. Он тщетно искал ту систему, в которой понятия обретают твердость, будучи помещенными в свои правильные контексты. Несмотря на похвальные попытки, он лишь в исключительных случаях достиг принципиального мышления.

⁴Платон и Аристотель обладали эзотерическим знанием. Но так как они были ограничены использованием экзотерических фактов и способов представления, они потерпели неудачу в своих попытках, поскольку только используя фундаментальные факты и идеи эзотерики, можно построить действительно разумную и целесообразную систему мышления в соответствии с реальностью.

5.7 Сократ

¹Субъективизм софистов привел (как это логически и должно быть) к сомнению во всем. Их индивидуализм грозил вырождаться в произвол и беззаконие. Их понятийный анализ разрушил все правовые понятия, подорвал все основы познания и деятельности. Это звучит почти как о наших собственных временах.

²Чтобы противодействовать этому пагубному влиянию, в Афинах появился человек силы и воли, поразительного величия, Сократ, который могуществом своей цельной личности и энтузиазмом к взятой добровольно на себя задаче привлек к себе группу преданных учеников. Самый блестящий из них, Платон (которого потомки называли «божественным»), должен был иметь большее влияние, чем любой другой философ, влияние, которое всегда будет длиться. Читая его диалоги, можно почти представить себе, что слушаешь интеллектуальные дискуссии нашего времени. Те предметы, с которыми он имел дело, не подвластны времени.

³Сократ сделал это своей жизненной задачей попытаться внести порядок в общее смешение понятий. Он ясно видел насквозь псевдофилософию софистов благодаря своему латентному более правильному восприятию, хотя и смог актуализировать его лишь

частично. Благодаря своей превосходной диалектической способности, он мог бороться с софистами их собственным оружием. Его метод состоял в том, чтобы требовать объяснения того, что подразумевается под определенным понятием: например, добродетелью, справедливостью, мужеством, мудростью и т. д. Большинство людей тогда готовы дать волю мудрости своего невежества. Ответы были просто обычными фразами и лозунгами, которые люди подхватили и поверили, что постигли. Ловкими расспросами Сократ скоро дал им понять, что они не знают, о чем говорят. Тогда пришло время Сократу спросить, а не подойдет ли им «это объяснение». Те, кто был достаточно проникновенен, постигли иронию.

⁴Тот, кто поставил своей задачей научить людей видеть, что их воображаемая мудрость ничего не стоит, должен рискнуть не выйти невредимым из этого предприятия. В наши дни используется более «гуманный» метод убийства – молчание. Все те волнения и раздражение, которые софисты вызывали у консервативных людей, были обращены против Сократа. Они не хотели понимать больше всей его жизненной работы, чем то, что они могли бы превратить в обвинение его в совращении молодых, распространении учений, подрывающих государство, и в том, что он является самым опасным из всех софистов. Этот человек, который пытался освободить людей от их бессмысленного привычного мышления и неразумного попугайства, был обвинен в нечестии и приговорен к смерти собранием граждан. Еще один яркий пример истинности лозунга Ватикана: «голос народа – это голос Бога».

⁵Материальная реальность Сократа не интересовала. Он считал, что мы знаем слишком мало, чтобы сформировать правильное мировоззрение. Так же он был убежден, что то жизневоззрение, которому учили великие мудрецы, является истинной мудростью жизни. Но так как он не был посвященным и, следовательно, не имел случая вспомнить свои старые знания заново, он был ограничен исключительно одобрением своего жизненного инстинкта к тому, что говорили древние. Он также не понимал, что жизневоззрение всегда основано на мировоззрении, что нормы действия основаны на определенных условиях, что нужно иметь некоторое знание о том, как обстоят дела, чтобы иметь возможность сказать, какими они должны быть.

⁶Сократ не проводил необходимого различия между постижением и пониманием. Те, кто понимает, имеют латентное знание от предыдущих воплощений. Они его уже обработали и, по крайней мере частично, смогли применить на практике. Человек может реализовать то, что он понимает, а не то, что он может только постичь и что находится выше его уровня развития. Сократ смог реализовать то, о чем он получил знание, и он думал, что другие могут понять и реализовать то, что он с трудом мог заставить их постичь. Как только его ментальные вибрации улетучились из мозгов слушателей, то, что он сказал им, было так же непостижимо, как и раньше, и, конечно же, невозможно реализовать.

⁷Изречения древних он сделал своими собственными. Например, он думал, что лучше терпеть несправедливость, чем причинять несправедливость; что мы должны воздерживаться от несправедливых действий не из страха, а из долга; что тот, кто живет так, как учили нас мудрецы, и видит во всем волю богов и довольствуется тем, что дает жизнь, обретет счастье и освободится от страха и беспокойства.

⁸Сократ попытался определить понятия. В отношении них все еще царит большая неопределенность. Существуют объективные и субъективные, конкретные и абстрактные понятия. Особым видом исключительно субъективных понятий являются те построения воображения невежеством, которые называются иллюзиями и фикциями. Эти плоды воображения не имеют основания в реальности.

⁹Опыт материального предмета (скажем, стола) объективен. В виде картины памяти этот опыт становится конкретным представлением через визуализацию предмета.

Абстрактное понятие стола включает в себя все виды столов. Поэтому, определяя понятие стола, воображение должно вызывать из памяти столы всех форм и цветов. Понятие мебели – это более абстрактное понятие, чем понятие стола: оно содержит понятия стола, стула, шкафа, кровати и т. д. Еще более абстрактным понятием является понятие домашнего имущества, так как оно включает в себя понятия еще больших видов предметов. Чем абстрактнее понятие, тем богаче его содержание и шире его объем. У обычных индивидов, чем больше объем, тем меньше содержание визуализации, так как способность нормального индивида к визуализации чрезвычайно ограничена и невежество относительно того, что входит в понятия, велико. От этого и зависит ошибочность общепринятой логики относительно содержания и объема, конкретного и абстрактного.

¹⁰Определение объективных понятий аспекта материи, тем не менее, относительно легко, так как существует объективность, то, что может быть установлено всеми. Гораздо труднее определить все понятия, относящиеся к субъективному аспекту сознания. В большинстве случаев мы ограничиваемся общепринятыми, до некоторой степени произвольными, традиционными понятиями. Почти всегда человек будет вовлечен в субъективные оценки.

¹¹Если действие должно быть правильно оценено, то должна быть возможность выделить мотив. Фактические причины могут лежать в прошлых жизнях. Устанавливая, какие действия рано или поздно имеют хорошие или плохие последствия в жизненном смысле, можно надеяться в конечном счете приобрести знание законов жизни и открыть значение тех качеств существа, из которых проистекают действия.

¹²В истории встречается огромное разнообразие оценок и восприятий. На нынешней стадии развития человечества даже оценки крупнейших коллективов не имеют доказательственной силы, но могут быть столь же произвольны, как и индивидуальные.

¹³Культура в эзотерическом смысле достигается только целесообразным, сознательным или неосознанным применением законов жизни. Для того, чтобы быть обнаруженными, они должны быть сначала применены. Именно это неосознанное стремление Сократ пытался сделать сознательным.

¹⁴Поскольку Сократ не знал природы существования, его смысла и цели, ему не хватало личной уверенности в том, что он поступает правильно в делах, не противоречащих учению мудрецов. В отдельных случаях он зависел от «голоса», своего даймония (Аугойда), которого, таким образом, он принимал за вдохновение извне. Он не знал эзотеризма, что «ангелы шепчут только ложь», что человек должен следовать только тому, что исходит из его собственного здравого смысла. Ошибки являются правилом на нынешней стадии развития человечества, но именно на ошибках мы учимся. Если мы совершаем ошибку, следуя чужим советам вопреки собственному убеждению, то это серьезная ошибка и не лучший способ учиться.

5.8 Платон

¹В течение многих лет Платон имел возможность слушать беседы Сократа с софистами и другими заинтересованными проблемами жизни. Многие диалоги Платона, по-видимому, являются отчетами о таких дискуссиях. Очевидно, что он превосходным способом улучшил то, что услышал. Неподготовленные беседы не ведутся так логично. Разговоры так точно не записаны. «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта дают лучшее представление о том, как все это происходило. Сократ стал тем анонимным рупором, в котором Платон нуждался, чтобы избежать преследования. Благодаря Платону казнь Сократа была признана судебным убийством. Таким образом, Сократу отныне было позволено говорить свободно. Последовательно вкладывая свои взгляды в уста Сократа, Платон избегал риска привлечь к себе слишком много внимания. Демократический комплекс равенства и зависть не допустили, чтобы кто-то из живущих поднялся над

толпой. («Если кто велик среди нас, пусть будет велик где-нибудь в другом месте») Перикла (единственного из «великих» Афин) спасло от участи быть низвергнутым то, что он умел льстить толпе, прося прощения за свое существование и со слезами на глазах умоляя простить его гений. За исключением его, все великие люди Афин подвергались преследованиям, остракизму или были убиты.

²Никто лучше Платона не был способен обсуждать проблемы, анализировать иллюзии и фикции софистов. Часто скрывая решение проблем, делая дискуссию ответом на вопрос, предоставляя читателю делать свои собственные выводы, он умел поддерживать интерес и, как никто другой, развивать способность мыслить. Бесспорно, это искусство – уметь, подобно Платону, дать непосвященным хотя бы слабое представление о существовании, используя столь неадекватный материал и намеками показывая инстинкту жизни, в каком направлении искать истину.

³Каждый философ тщетно пытался истолковать Платона по-своему. На то, что должен был иметь в виду Платон, было потрачено немало остроумного и глубокого вздора. Для тех, для кого видимый мир является единственно существующим, а «духовная реальность» – плодом воображения, он был, конечно, просто фантазером. Он пишет так просто, что люди верят, что понимают его. Они не знают, что самое простое – это не только самое трудное для открытия, но и самое трудное для понимания потомством – если только оно не является непосредственно самоочевидным – и поэтому неосознанно пропускают. Такие редкие авторы рассчитывают только на читателей, о которых Гете думал, когда писал: «Ты похож на тот разум, который понимаешь». Безусловно, следует скептически относиться к попыткам интерпретации переводчиков.

⁴Платон был посвящен не только в орфические мистерии, но и в пифагорейский орден, который перенес в Афины ученик Пифагора Клиний.

⁵Чтобы понять Платона, особенно его учение об идеях и воспоминании заново, нужно знать пифагорейское мировоззрение, на котором основывалось его авторство. Платон хотел дать людям намек на высшие миры, перевоплощение и развитие сознания, не выдавая ничего из эзотерики. Отсюда и те трудности, с которыми ему приходилось бороться.

⁶Пифагорейцы учили, что существование состоит из взаимопроникающих материальных миров различной степени плотности. Монады начинают свое развитие сознания в минеральном царстве, затем продолжают его в растительном, животном и человеческом царствах, а также в высших царствах. Возвращение из высшего царства в низшее невозможно.

⁷Эволюция четырех низших природных царств происходит в трех низших планетных мирах (точнее, «материальных шарах»): физическом, эмоциональном и ментальном мирах.

⁸В физическом мире человечество может со временем приобрести собственное знание об этом мире. Человечество может само по себе приобрести знание о высших мирах, как только он приобрел высшее объективное сознание. До тех пор оно должно полагаться на знание авторитета. Эмоциональный мир – это мир иллюзий, а низший ментальный мир – мир фикций. В этих двух промежуточных областях реальное знание исключено. Только в высшем ментальном мире, или мире идей, индивид может приобрести знание реальности и жизни, смысла и цели существования, потому что только в этом мире идеи (ментальные атомы и формы из них), воспроизводящие реальность, могут быть правильно поняты интуицией.

⁹Материя каждого мира имеет свой характерный вид сознания. Эмоции соответствуют вибрациям в эмоциональной материи, мысли – вибрациям в материи ментального мира.

¹⁰Монады развиваются, приобретая способность воспринимать вибрации во все более высоких областях своих миров и вступать в контакт со все более высокими мирами.

Наивысшие виды растений могут достичь контакта с эмоциональным миром, а наивысшие виды животных – с ментальным миром. Человек стремится ориентироваться в низшем ментальном мире. Его цель – высший ментальный мир, мир интуиции, мир платоновских идей.

¹¹Ментальное развитие человека состоит из пяти основных фаз: дискурсивное умозаключение от основания к следствию, принципиальное мышление, перспективное мышление, системное мышление и, наконец, интуиция, или мышление платоновскими идеями.

¹²Знание как воспоминание заново – это фундаментальный принцип учения Платона. Эзотерика объясняет это.

¹³Монада ничего не забывает. Все, что она пережила, сохраняется латентно в ее подсознании. Для того чтобы определенное ранее приобретенное знание возродилось в новом воплощении, необходимо возобновить контакт с этой областью знания. В противном случае это знание остается латентным. Соответствующее относится и к ранее приобретенным способностям. То, что не культивируется в новой жизни, остается латентным. «Дарование» зависит от специализации в течение нескольких жизней: как правило, три для «таланта» и семь для «гения» (практически на любом уровне развития). Все, что монада пережила в человеческом царстве, не становится доступным до тех пор, пока индивид не приобретет интуицию и не сможет изучать в мире идей (но только там) все свои предыдущие жизни как человек. Многие люди не успевают вновь достичь в новом воплощении своего действительного, латентного уровня развития.

¹⁴Все, чему мы однажды научились и что мы обработали (!), нетеряемо. Все, что мы знали и могли сделать, латентно. Знание становится мгновенным пониманием в более поздних жизнях. Приобретенные качества и способности существуют как предрасположенности. Они могут быть быстро актуализированы, если это нужно, если есть интерес и предлагается возможность для повторного приобретения.

¹⁵Ничто не приобретается легко. Бесчисленные переживания одного и того же рода требуемы в жизни за жизнью, прежде чем переживания очень медленно собираются в понятия, и эти понятия могут быть помещены в свои правильные контексты, быть обработаны в озарение и понимание. Монада проводит миллионы лет в каждом царстве, прежде чем она узнает все, что можно узнать в этом царстве, что необходимо для ее дальнейшей эволюции.

¹⁶Способность воспринимать внешние предметы, узнавать больше о качествах предметов через их вибрации, является результатом долгого и сложного процесса в царстве за царством. В каждом высшем мире постижение становится все более точным и пронизательным. Монада познает все, «отождествляя» себя с его вибрациями.

¹⁷«Платоновские идеи» нельзя понять без следующего осознания. Идеи мира идей являются как объективными формами, так и субъективными, и, таким образом, идеи являются верными воспроизведениями непреходящих объективных и субъективных реальностей. Всякая интуиция соответствует ментальной системе идей реальности. Низшие миры существуют в идеях мира идей, и поэтому знание этих низших миров содержится в системе идей интуиций. «Созерцание идей в мире идей» означало переживание содержания реальности, со всеми ее отношениями, системы знания, присущей каузальной идее.

¹⁸Мир идей – это, помимо всего прочего, неподдельная память обо всех прошлых событиях в физическом, эмоциональном и ментальном мирах с момента возникновения планеты. Содержание субъективного сознания этих идей дает нам точное знание реальности без возможности ошибки, фиктивности или обмана. Они также составляют наши идеалы, поскольку объясняют цели и способы их реализации. Формы в мире идей – это совершенные формы красоты.

¹⁹Когда каузальные идеи интуиции ментализируются в ментальные понятия, эти идеи становятся идеалами для разума, а когда эти идеалы эмоционализируются, они становятся догмами для эмоционального мышления. Но когда идеи были таким образом дважды уменьшены по измерению, их относительная значимость стала абсолютной, и таким образом они стали враждебными к жизни.

²⁰Помещая непреложные, объективные основания и причины истинного, прекрасного, доброго в мир идей как истинно существующее, недоступное низшему сознанию, Платон стремился лишить софистов их суверенитета и авторитета. Справедливо «идеалисты» всех времен считали Платона спасителем от субъективного и индивидуального произвола.

²¹История философии полностью подтвердила опасения Платона о том, что Аристотель с той экзотерической системой, которую он планировал, только предоставит непосвященным свежий материал и новые стимулы для продолжения их праздных спекуляций. Только мир идей и могучие откровения интуиции могут дать правильное решение проблем философии.

²²Идеальное государство Платона никогда не предназначалось для реализации. Он очень хорошо знал, что такое сообщество никогда не может быть построено, никогда не может возникнуть без лидеров, достигших стадии единства (пятого природного царства), что идеальность предполагает индивидов на стадии идеальности. Его не интересовала практическая политика, и он очень неохотно позволял себе экспериментировать с ней. У него было много возможностей изучить различные системы и он пришел к выводу, что демократия – это худшее из всех. На его взгляд демократия отдает власть в руки нерассудительного большинства, которое позволяет софистам и демагогам руководить собой, **ВЗЫВАЯ** к его худшим инстинктам, чтобы получить власть и затем удержать ее, оставаясь равнодушным к тому, что результатом может быть только экономический крах, общественный беспорядок и культурный упадок.

²³Платоновское государство было завуалированной критикой демократического идеала равенства наряду с указанием на то, в каком направлении следует искать решение. Наиболее целесообразным обществом является классовое общество, в котором общественные задачи распределяются между классами. Компетентность (знания, умения, готовность к труду) определяет, к какому классу принадлежит индивид. Каждый получает возможность свободного соревнования. Государство терпит неудачу в своей задаче, если оно не создает разумных условий и справедливости в соответствии с заслугами каждого. Только неподкупно праведным индивидам, обладающим требуемыми знаниями, качествами и способностями, должно быть позволено управлять делами государства, занимать властные посты и править другими. Если государством управляют коррумпированные элементы (а это неизбежно более или менее во всех демократических государствах), коррупция будет распространяться как чума. В разумно управляемом государстве распределение труда определяется уровнем развития граждан, их жизненным пониманием и общей компетентностью.

²⁴Правовое представление Платона явствует из его учения о праведности, кардинальных добродетелях и законе добра.

²⁵Правильно делается, когда каждый выполняет свой долг. Он был досконально знаком с индийским учением о дхарме, в котором понятие долга ясно вытекает из жизненной задачи индивида и уровня его развития. Если человек хочет быть праведным, он должен обладать идеей праведности. Эта идея – не малокровная абстракция, а совокупность знаний о проявлениях праведности во всех отношениях жизни.

²⁶Кардинальные добродетели Платона вызвали большое недоумение и были подвергнуты критике. Они представляют наиболее желательные способности индивида на различных стадиях развития: физическое «мужество» на стадии варварства, «самообладание» на эмоциональной стадии, «мудрость» (правильное знание) на ментальной

стадии, «справедливость» (возможная только при наличии реального знания) на интуитивной стадии. Сравните их с эзотерическим «дерзать, хотеть, знать, молчать» (способность молчать о том, что знаешь, перед теми, кто не понимает).

²⁷Когда Сократ узнавал, что правильно, он делал это, не колеблясь и не задумываясь о последствиях для себя. Когда он осознавал, что неправильно, ничто не могло заставить его действовать вопреки этому осознанию. То, что другие поступали не так, как он, – он считал результатом их невежества. Просветите человека, и тогда он поступит правильно, поскольку в его собственных интересах действовать разумно и целесообразно. Это то же самое жизненное невежество, которое всегда характеризовало всех благонамеренных энтузиастов-просветителей, то есть отсутствие понимания огромной разницы между теоретическими возможностями и образованными способностями практических навыков.

²⁸Платон смотрел глубже. Для тех, кто уже приобрел знание, понимание и способности в предыдущих жизнях и имеет все это латентно, это легко. Им нужно только соприкоснуться со своим латентным знанием, чтобы сделать правильное автоматически и спонтанно. Согласно закону добра, человек всегда следует тому наивысшему, которое он действительно видит и понимает (а не просто верит или решает), потому что он не может поступить иначе, потому что для него это потребность и радость делать это.

²⁹То, что Платон проводил различие между ученостью и мудростью, между теоретическим обучением и латентным пониманием и способностью, вытекает из его принципа, что мудрец имеет данные для того, чтобы стать самым искусным во всем, что его интересует.

5.9 Аристотель

¹Аристотель был всегда оппозиционным учеником Платона. Если Платон рассматривал экзотерическую философию как педагогическое умение, для Аристотеля она была прежде всего логическим, методическим и систематическим умением. Он был убежден, что Платон не сможет остановить необоснованную спекуляцию софистов. Какая польза была экзотеристам от мира идей? Поскольку им не хватало интуиции, он должен был казаться им плодом воображения. Прежде чем они смогли бы достичь интуиции мира идей, они должны были бы развить четыре различных вида ментального сознания: мышление умозаключением, принципиальное мышление, перспективное мышление и системное мышление. На это были способны только посвященные наивысшей степени ордена знания. Аристотель считал, что единственный способ остановить спекуляцию – это построить систему мышления, соответствующую способности нормального индивида к постижению. Другое дело, что только эзотерик был способен понять его правильно. Итак, эта система была такой, какой и следовало ожидать. Как искусно она все же была сделана, лучше всего явствует из того, что она занимала философскую мысль более двух тысяч лет.

²Как с понятиями, так и с фактами. Они почти бесполезны, если не помещены в свои правильные контексты. Вырванные из контекста идеи и факты стимулируют спекуляцию к построению контекстов, которые, казалось бы, придадут им смысл. Именно потому, что факты были помещены в неверные контексты – то «зерно правды», которое существует во всех суевериях, – весь ментальный мир представляет собой хаос фикций.

³Эзотерическая ментальная система убедила Аристотеля, что единственный способ дать людям ясность – это дать им систему. Ментальную уверенность дает только дедукция. Эзотерическая система дает ясность и определенность, поскольку из нее можно вывести знание и показать, что результат согласуется с реальностью. Совершенная система включает в себя все факты в их правильном контексте, но такая система, конечно, была исключена. Он должен был довольствоваться тем, чтобы собрать как можно больше фактов и систематизировать их. После смерти Платона Аристотель взял на себя

руководство учениками учителя и поручил каждому исследовать определенную область, в которой лежала его особая склонность. Его огромное личное состояние позволило ему купить рукописи, относящиеся ко всем областям знания, и нанять научных работников для сбора информации из всех стран. Материал, представленный тысячами рукописей, подвергнулся методической обработке. Так был заложен фундамент экзотерической науки Запада. Созданная им научная терминология до сих пор широко используется. Большая часть того, что историки знают о более ранних философах, приходит через Аристотеля. У него была привычка сообщать по-своему то, чем он сам не пользовался.

⁴Появились обширные трактаты, охватывающие изучение в то время математики, физики, химии, географии, метеорологии, астрономии, ботаники, зоологии, анатомии, логики, психологии, этики и политики.

⁵Из всей этой огромной энциклопедии лишь немногие, фрагментарные остатки, большей частью неясные, бессистемные, произвольные приспособления, можно было найти, когда через пару сотен лет было решено спасти то, что еще можно было спасти.

⁶Аристотель не делал секрета из своего превосходства, из того, что он титан среди пигмеев. Это было опасно с преобладающим комплексом равенства демократии, который требует нивелирования всего превосходящего. Когда до Афин дошла весть о смерти его могущественного покровителя, царя Александра, Аристотель, чтобы избежать ярости толпы, покинул город, убивший Сократа.

⁷Далее следует не изложение экзотерической системы Аристотеля, а лишь указание на ее эзотерические основы.

⁸Постижение – это результат размышления. Понимание – это непосредственное восприятие в результате воспоминания заново по завершенной обработке определенного предмета. Глупейший человек может делать выводы от основания к следствию, от причины к действию. Способность делать выводы от следствия к основанию, от действия к причине требует рассудительности. Невежество – это отсутствие знания фактов. Рассудительность – это интеллект (здравый смысл) и предполагает способность анализировать и синтезировать. Суждение требует фактов, понятий и принципов. Они абсолютны, рассматриваемые отдельно. Но они приобретают относительное значение, когда вступают в отношения с другими в своей правильной системе. Понятия необходимы для постижения. Принципы необходимы для обзора понятий. Принцип – это обобщение четких случаев, которые редко встречаются в реальности. Как правило, для правильного суждения требуется много взаимно модифицирующих принципов. Рассудительность может правильно судить о фактах, помещать их в правильные контексты, проводить различие между фактом и фикцией, между слепой верой и тем критическим взглядом, который спрашивает, имеется ли достаточно фактов для того, чтобы сделать временное предположение.

⁹Аристотель хотел дать людям ментальную систему. Он осознал, что система – это способ мышления ориентировать себя в существовании. Факты ума по большей части бесполезны до тех пор, пока разум не сможет поместить их в правильные контексты: исторические, логические, психологические, причинные. Задача разума не в том, чтобы строить фикции. Все мышление основано на принципах и системах. Каждый мыслящий человек осознанно или невольно создал свою собственную систему. Качество системы показывает уровень развития индивида, его рассудительность и знание фактов. Системы большинства людей – это фиктивные системы или системы верований эмоционального мышления. У каждого есть свое мелкое убеждение относительно почти любого абсурда, потому что большинство людей не имеют возможности получить реальное знание о чем-либо, кроме окончательно установленных фактов видимого мира. Они не имеют доступа к миру интуитивных идей.

¹⁰Жизненное понимание требует наличия фонда систематизированного опыта. Это то

основание, которое приобретает в течение длительного процесса ментального развития на стадии варварства. Большое изобилие упорядоченных принципов влечет за собой ментальное превосходство как в отдельных областях знания, так и в отношении жизни в целом.

¹¹Предпосылкой постижения является обладание чем-то более общим, чем то, что человек пытается постичь логически. Ибо постижение идет от общего к частному, от еще более общего, от ментально высшего к ментально низшему. Наиболее общие из всех – это идеи интуиции, которые содержат все факты. Именно принципы придают системе ее точность.

¹²Платон указывал на необходимость однозначных понятий. Аристотель осознал, что для того, чтобы понятия (факты) имели свои правильные значения, они должны быть помещены в свои правильные контексты, и что именно это все более широкое взаимосвязанное целое в конечном счете оказывается системой или наивысшим ментальным восприятием. Интуитивные идеи еще выше и еще обширнее. Но задолго до того, как способность человека к восприятию может достичь идей мира идей, она должна овладеть высшими ментальными способностями. Люди еще не способны мыслить интуитивно, то есть без понятий, принципов и систем. Чтобы иметь возможность открыть более общее, мы должны обладать знанием большего количества фактов, чем может быть объяснено менее общим. Как сказал Гете в своем «Фаусте», мы можем иметь части в своей руке (требуемые факты), но все еще не имеем объединяющей связи. Именно открытие более общего делает возможным расширенное понимание.

¹³Каждая платоновская идея или интуиция, если ее конкретизировать, становится целостной системой, включающей в себя все понятия и факты, входящие в ее область.

¹⁴Эзотерические ментальные системы представляют собой упорядоченные обзоры фактов, собранные методически. Они практически никогда не бывают правильными, так как никогда не могут быть полными, но изменяются добавлением каждого нового факта. Их значение для науки состоит в том, что они облегчают ориентацию и усвоение того, что уже было исследовано. Однако, если они не могут быть постепенно заменены все более совершенными системами, они становятся препятствиями к мышлению и исследованиям. Попытка Аристотеля создать систему стала таким препятствием, поскольку невежество сделало ее абсолютной.

¹⁵Что наиболее характерно для логического взгляда, приписываемого Аристотелю, так это совершенно неудачная попытка отделить форму и содержание как в субъективном, так и в объективном отношении.

¹⁶Это привело к формулировке так называемого третьего закона мысли, который не является законом мысли. Тем самым мысль была формализована. Чем абстрактнее понятие, тем больше его объем и тем более ограничено его содержание. Пытаясь построить схему все более абстрактных понятий, они надеялись прийти к наивысшим абстракциям, категориям, и тем самым к «абсолютному знанию».

¹⁷Во всем этом есть зерно правды. Логик вскоре видит, что ясность не может быть достигнута без единства и системы. Ошибка заключалась в попытке построить систему из понятий без фактов. Это логическое суеверие должно было господствовать над схоластикой и мышлением вплоть до XIX века, пока наука со своими фактами не **предоставила** знание реальности и тем самым не опровергла это псевдознание.

¹⁸Когда индивид, не зная реальности, начинает спекулировать, он имеет дело с пустыми понятиями. Он вкладывает в них не факты, ибо у него их нет, но произвольное содержание. Вот как возникают фикции. Вся история философии – это постоянные попытки заменить старые фикции новыми фикциями. Спекуляция без фактов становится фикционализмом. Только исследования могут дать нам факты. Когда в древности исследования прекратились и люди думали, что они могут найти обобщенное знание в

философии без опыта реальности, результатом должно было быть суеверие. Те объяснения, которые постепенно давались, никогда не проверялись в материальной реальности.

¹⁹Различие между формой и содержанием в объективном отношении должно было оказаться столь же вводящим в заблуждение.

²⁰Отдельные предметы считались продуктами формы и содержания. Материя была потенциальностью, возможностью реальности. Подобно тому, как Платон считал, что идеи также являются силами, действующими целесообразно, так Аристотель заставил «форму» оказывать ту же услугу. «Возможность реальности», присущая форме, была реализована через разные стадии развития. В этом непрерывном процессе низшее всегда было материей по отношению к высшему как принципу ее формы. Наивысшей формой был всеобъемлющий разум, источник силы всего сущего, божество.

²¹Очевидно, что это разделение дает бесконечные возможности для фантастических спекуляций. Они и были использованы, пока мысль не зашнуровалась в безнадежный лабиринт. Учение о божестве как о наивысшей форме материи и учение о возможности материи (атомов) достигать наивысшей божественной стадии оказались хорошо замаскированными эзотеризмами, как и учение о том, что высшая материя относится к низшей материи как энергия к материи.

²²Уча о непрерывности материи и отрицая существование абсолютного вакуума, Аристотель высказал два эзотерических факта.

²³Аристотель все время боролся с теми же трудностями, что и Платон: создание экзотерической системы из системы эзотерического знания. Но только эзотерические факты делают возможной систему реальности. Однако он достиг своей цели – покончить с семантикой софистов. Только в наше время, после двух тысяч лет и общего фиаско философии, принцип субъективного произвола был провозглашен заново.

²⁴Система Платона может быть понята теми, кто однажды был посвященным ордена эзотерического знания и обладает этим знанием латентно. Им нетрудно отождествить каузальный мир с миром платоновских идей. Но для непосвященных, предоставленных обычному пути невежества, индуктивному пути, система Аристотеля была единственно реалистичной.

²⁵Конечно, Аристотель знал, что каузальный мир – это мир реального знания, что каузальное сознание может установить все факты, требуемые для постижения и понимания в различных мирах человека, установить причины процессов. Но поскольку каузальный мир был недоступен непосвященным, им пришлось показать другой путь к системе знаний. Это и есть индуктивный путь исследования, путь установления фактов и упорядочения их в постижимую систему. Эту мысль можно назвать идеально правильной, но неосуществимой, поскольку знание всех фактов существования является представляющей воображению конечной целью исследования.

²⁶Платон исходил из того, что каузальный мир идей и знания есть конечная цель развития человеческого сознания, и называл его «истино сущим» как наивысшую достижимую стадию в развитии человека как человека. Аристотель не одобрял этого термина, намекая на то, что «истинно сущее» – это однородная первоматерия (в которой образуются бесчисленные космосы и растворяются, как только их цель реализована). Когда Аристотель своим реалистическим способом перефразировал то, что Платон называл иерархией идей, он попытался показать, как все более высокие формы возможны благодаря тому, что высшие потенциально существуют в низших. Метод, использованный им при этом, очевидно, никогда не был понят его учениками. И вот вместо этого развилась вся та процедура формы и материи, реального и возможного, которая особенно занимала схоластов.

²⁷Те термины, которые использовал Аристотель: материя, возможность и потенциальность, форма, реальность и актуальность, механические и целесообразные причины,

никогда не были правильно поняты. Добавьте к этому то, что его преемники не смогли отделить логическое основание от материальной причины и смешали их. Неудивительно, что в так называемых аристотелевских сочинениях обнаруживаются неясности и противоречия.

²⁸Аристотель был знаком с эзотерическим принципом, что «форма есть способ существования материи» (и это во всех мирах). Под реальностью он имел в виду то, что является фактическим, устанавливаемым. То, что не может быть установлено, конечно, может существовать как теоретическая возможность. Так как только небольшая часть материальной реальности может быть установлена в физическом мире, то следует, что большая ее часть существует только как возможность.

²⁹С тех пор как разум достаточно развился настолько, что у человека появилось некоторое правовое представление, человек в своем самоутверждении и самомнении предпочитал учиться только на болезненном опыте жизни, не подчиняясь иным нормам, чем те, которые возникли в результате социального принуждения. Такие правовые понятия возникают лишь медленно из стабилизированного порядка и освящаются традицией. В социальных переворотах уважение к закону и праву вновь утрачивается.

³⁰Самостоятельное правовое представление индивида указывает на достигнутый им уровень развития и приобретенное понимание жизни.

³¹Аристотель исходил из того, что все добро в пределах, определенных законами жизни. Вне закона добро становится злом, а добродетели – пороками. В своем учении о золотой середине между крайностями («парами противоположностей» эзотерики) он пытался установить те нормы, которые человек должен применить, чтобы стать гармоничным и счастливым. Согласно Будде, это путь мудрости.

³²«Во всех отношениях может быть одна мера, которая слишком велика, одна, которая слишком мала, и одна правильная, которая лежит посередине между двумя другими. Эту меру нельзя вычислить математически, но разум познает правильную меру на опыте. Добродетель – это средний путь между двумя пороками, которые находятся по обе стороны добродетели.» Добродетель предполагает опыт. Тем самым Аристотель ввел принцип относительности, поскольку он показал, что срединный путь изменяется с каждой новой ситуацией, представляется различным с разных точек зрения и может быть определен только с целью ориентации.

³³«Добродетель храбрости находится посередине между пороками трусости и безрассудства. Трус называет храбрость безрассудством, а безрассудный человек называет храбрость трусостью. Щедрость – это добродетель, лежащая между жадностью и расточительностью. Умеренность – это правильный средний путь между жадной наслаждений и аскетизмом, дружелюбие – между заискиванием и недоступностью, кротость – между медлительностью и гневом и т. д.»

³⁴Мы становимся добродетельными благодаря привычке поступать правильно, которая предполагает опыт, здравый смысл и рассудительность.

5.10 ФИЗИКАЛИЗМ

¹Вместе с ростом политизации и демократизации уровень греческой культуры резко упал, конечно, всего за несколько поколений. Спекуляция воображения распространялась все больше. Каждый умник с банальностями, выставленными на продажу, должен был блистать своей гениальностью. Чем меньше понимали великих философов, тем больше стремились их разъяснить. Графомания стала эпидемией. «Общее образование» увеличивалось по мере уменьшения рассудительности, и все восхваляли свой «просвещенный век». Нельзя не вспомнить о нашем времени.

²Устав от всей этой чепухи, естествоиспытатели того времени ограничивались, как и после Гегеля, видимым миром и искали твердого мировоззрения в пределах здравого

смысла и физической реальности. Это воззрение было названо философским или научным материализмом. Правильнее было бы назвать его физикализмом, так как оно принимало во внимание только физическую материю, а существует целая серия все более высоких материальных миров.

³Материализм – это единственное из различных метафизических воззрений, которое удалось научно подтвердить. Атомная теория больше не может быть включена в «метафизику», как это было традиционно, теперь, когда исследования так великолепно подтвердили этот фундаментальный эзотерический факт: все материальные формы состоят из материальных частиц. В истории философии материализм представлял суверенное здравомыслящее восприятие реальности, утверждающее существование объективно устойчивого внешнего мира. Субъективистские теории, отрицающие существование внешнего мира, опровергаются сами себя тем, что всегда вынуждены признавать существование материи, как только они им приходится объяснять природные явления.

⁴Физикалист ошибочно полагает, что видимый мир – это единственно существующий мир, что организмы – это единственные формы жизни, что органы чувств организма – это единственное средство восприятия человеком материального внешнего мира.

⁵Пифагорейцы утверждают, как и философы йоги, что для нормального индивида, желающего пройти требуемую для этого подготовку, возможно развить органы восприятия, которые позволят ему иметь объективное сознание высших видов материи.

⁶Физикализм представляли две философские школы, критикующие друг друга. Одну школу возглавлял Эпикур, другую – Хрисипп. Об этих двух главах школ мало что можно сказать. Оба были трудолюбивыми писателями, но сохранились лишь фрагменты их сочинений. Однако до наших дней дошли сплетни об их личной жизни – тема, которая всегда вызывает огромный интерес. Чтобы более убедительно опровергнуть взгляды оппонента, ученики учителя делают его святым и чудом остроумия, тогда как другой делается неопишимо жалким, смешным существом, чье представление о существовании, следовательно, должно быть совершенно бесполезным. Согласно господствующему моральному фикционализму, именно эмоционально суверенный «святой» обладает своего рода патентом на знание реальности в отличие от ментального гения.

5.11 Эпикур

¹Мы мало знаем от самого Эпикура о том, каково было его представление о существовании. Экзотеристы утверждают, однако, что его учение верно передал Лукреций, римлянин, который все еще имел доступ к его писаниям.

²Эпикур был материалистом в более узком смысле слова – физикалистом. Для него видимый мир был единственным. Свои взгляды он основывал на Демокрите. Кроме того, благодаря Эпикуру и Лукрецию мы узнали подробности учения Демокрита, эзотерической атомной теории. Демокрита, возможно, следует считать материалистом, но не физикалистом, ибо он отнюдь не был невеждой в существовании материй высших миров.

³Следующее является существенным в объяснении мира Эпикуром, теми фактами и гипотезами, которые все еще характерны для «философского материализма».

⁴Всякое восприятие должно основываться на опыте и исследованиях. Произвольное предположение едва ли лучше суеверия. Знание индуцируется из установления объективным умом фактов реальности. Повторные наблюдения того же рода дают уверенность в том, что это знание верно. Понятия, образованные субъективным разумом, руководимым непосредственным восприятием объективного ума, должны быть проверены на опыте.

⁵Реальность состоит из атомов и пустого пространства. Они – объяснительные элементы существования. Время – это не что иное, как восприятие последовательности событий в пространстве. (Это согласуется с эзотерикой: время означает длительность,

непрерывность существования и является просто способом измерения процессов в природе, например, дня и ночи, времен года и т. д., которые зависят от вращения планеты и ее обращения вокруг Солнца.) Число атомов бесконечно.

⁶Образование и растворение материи, все процессы, от движения атомов до хода планет, происходят в соответствии с вечными механическими законами природы (ананке). Та целесообразность в природе, которую мы можем установить, является частным случаем бесчисленных механических причин. Упорядоченный космос – это частный случай вечной игры атомов в течение бесконечного времени. Целесообразность, которая делает жизнь вообще продолжительной, обусловлена тем, что именно целесообразное является наиболее устойчивым и способно передавать свою целесообразность.

⁷Душа состоит из материи, а сознание – исключительно функция мозга. Сознание – это особое качество органической материи, возникающее в результате механических причин. Изменения в состоянии сознания души вызваны движением в материи. Мышление, таким образом, физически детерминировано, всегда является результатом внешнего воздействия. Из этого следует, что нет возможности самоиницированной деятельности.

⁸К этому Хрисипп мог бы добавить следующие комментарии.

⁹Число атомов не бесконечно, но настолько велико, что человек не может его вычислить. Единственно бесконечное – это бесконечное пространство, состоящее из недифференцированной первоматерии. Космос – это шар в первоматерии, и таких шаров бесчисленное множество.

¹⁰Неразрушимы только первоатомы, а не материя, сформированная из них. Все материальные формы существования постоянно меняются. Энергия состоит из тока эфирно (электрически) заряженных атомов, «точек силы».

¹¹Материя и сознание – это аспекты одновременно тождественные и несходные. Материя влияет на сознание, а сознание влияет на материю. В этой связи мы можем пренебречь тем фактом, что на самом деле не сознание является конечной причиной движения, а третий аспект существования, вечно самостоятельная динамическая энергия первоматерии.

¹²Эпикур не в состоянии объяснить ни происхождение сознания, ни его единство, ни его способность воздействовать на материю, ни причины процессов или самоиницированного мышления.

5.12 Хрисипп

¹Хрисипп, теоретик стоической школы, был посвященным эзотериком. Он решил разработать экзотерическую гилозоическую систему, которая была передана потомству должным образом искаженной и осмеянной, если не считали более подходящим подать ее как союзницу стоицизма.

²Таким образом, физическая гилозоика была ограничена физической реальностью, физической материей и видимым миром. Кант является доказательством того, что эта гилозоика была совершенно неправильно понята. Считая себя способным судить обо всем, он произнес свое часто цитируемое суждение, демонстрирующее свое действительное невежество: «Гилозоизм был бы смертью всей натурфилософии». Напротив, она способствует исследованиям. Утверждение, что она исключает механическое объяснение природы, ошибочно. Законы природы фундаментальны.

³Согласно Хрисиппу, существование имеет два равноценных аспекта: материю и сознание. Вся материя обладает сознанием.

⁴Земля происходит из воды, вода – из воздуха, воздух – из огня. Все исходит из изначального огня и возвращается к нему в вечном круговороте в соответствии с непоколебимыми законами. Некоторые из них целесообразные, другие чисто механические. У всего есть цель. Все в мире управляется совершенной мудростью.

⁵Божество, как и душа, имеет материальный аспект. Божество – это космос и источник целесообразности. Душа живет еще некоторое время после смерти. Глупые проводят это время в подземном мире, мудрые – на елисейских полях. Всюду просвечивает знание о предсуществовании и перевоплощении (не метемпсихоз).

⁶Судьба, которая есть воля божества, ведет все к божеству. Те, кто не добровольно стремится к божеству, рано или поздно вынуждены делать это силой обстоятельств. Зло в существовании есть низшее добро, необходимое для продолжения целого, и побуждает индивида к божеству.

⁷Человек ответственен за свои поступки, поскольку у него есть разум, возможность выбора и знание того, что правильно. Чем выше стоит человек, тем он свободнее даже в том, что касается судьбы. Только мудрец свободен, богат и прекрасен: свободен, ибо хочет того, чего хочет его судьба, богат, ибо обладает всем, что пожелает, прекрасен, ибо он естественен, и только естественное прекрасно. Он ничего не боится, ибо ничто не может ему навредить. Характер, мотив – это единственно существенное. Все остальное – адиафора. Свобода от аффектов, нетронутость ничем – это самое желанное состояние, к которому нужно стремиться.

5.13 ГНОСТИКА

¹Эффектом все более крутого упадка культуры в сочетании с нарастающей политической, социальной и экономической суматохой (как всегда при переходе к новой зодиакальной эпохе) и кланов на варварских уровнях, воплощающихся главным образом в такие периоды разложения, было уменьшение интереса к более серьезным проблемам знания.

²Иерофанты орденов эзотерического знания тщетно искали подходящих неофитов. Халдейский каббализм в Месопотамии, орден Митры в Персии, герметики в Египте влачили жалкое существование из-за отсутствия стремящихся. Пифагорейский орден должен был все больше ограничивать свои интересы научными проблемами эзотерического мировоззрения. Даже старые формы религии утратили свою власть над умами людей.

³В этом бедственном положении гностический орден был учрежден в Александрии, в 300 году до н. э. У него была как теоретическая, так и практическая задача. Поскольку жизневоззрение должно покоиться на прочном фундаменте – знании реальности, учредители приняли существенные элементы герметики, эмоционально акцентированной, и ментальной гилозоики. Тем самым они обладали гнозисом (знанием бытия, его смысла и цели). Практическая и самая важная задача ордена состояла в том, чтобы использовать новые, свободные от догм формы представления, чтобы привлечь тех искателей, которые, признавая неадекватность старых форм, искали единственно истинную религию, вечное стремление человека к божественному, каким бы именем он ни называл его.

⁴Эта оригинальная, подлинная гностика осталась тайной. Ее деятельность продолжалась около шестисот лет (300 лет до и 300 лет после нашей эры). Орден вымер в результате распространения того христианства, которое он невольно породил. В истории философии последнее ответвление ордена получило вводящее в заблуждение название «неоплатонизм», а Плотин – его наиболее известный представитель. Наиболее важными из остальных были Ориген, Ямвлих и Прокл.

⁵Из-за требований, предъявляемых к поступлению в орден (высочайшие эмоциональная и ментальная способности), он с самого начала пользовался большим уважением. Быть принятым было само по себе отличием. Общество распространилось относительно быстро и имело ложи в Египте, Аравии, Персии и Малой Азии. Его члены ожидали того аватара, о котором было предсказано, что он родится после того, как точка весеннего равноденствия вошла в зодиакальное созвездие Рыб. И он пришел, родившись в том, что

сейчас называется мартом, в 105 году до нашей эры (по принятой хронологии).

⁶Родители Иешу были евреями по происхождению, состоятельными и принадлежали к наивысшему социальному слою. Марии было предложено родить нового аватара, и, поскольку и она, и Иосиф были гностиками, они знали, что это означает. В возрасте двенадцати лет Иешу решил присоединиться к еврейскому ордену ессеев, который, хотя и был тайным, не был учрежден планетарной иерархией. Иешу прекрасно осознал, какому риску он подвергает себя. Избегаемый всеми и втайне ненавидимый за свою несравненную свободу от человеческих слабостей, он покинул орден в возрасте девятнадцати лет и предпринял путешествия в Индию через Египет, вернувшись в Палестину в 76 году до нашей эры.

⁷Там он собрал вокруг себя группу учеников, принадлежащих ко всем эзотерическим орденам, и передал им множество новых эзотерических фактов о процессах проявления, инволюции монад и т. д. Также большому количеству символов им было дано новое толкование. Одним из них (неизвестным остальным посвященным) был символ трех крестов, установленных на «алтаре» гностиков. Средний крест представлял спасителя человечества (планетарное правительство), два других: раскаявшегося разбойника (планетарную иерархию) и нераскаявшегося (человечество).

⁸Однако вскоре эта деятельность была прервана. Обвиненный ессеями в раскрытии тайн, наказанием за которое была смерть, он был побит камнями по приказу верховного совета подстрекаемой к этому толпой в 72 году до нашей эры.

⁹Чтобы сохранить память о несравненном (это слово сегодня употребляется неправильно) учителе, еврейский гностик решил изобразить так называемую совершенную человеческую жизнь, призывая людей к подражанию и вызывая размышления своей потрясающей трагедией. Эта идея существовала и раньше, в древнеегипетском символическом повествовании о человеческой жизни. В него он искусно вложил гностические символы и изречения, известные эпизоды из жизни учителя и то, что ему удалось собрать из его притч и т. д. Над этим первым наброском затем индивидуально работали ОКОЛО пятидесяти гностиков Александрии.

¹⁰Неизбежно тем самым гностические высказывания менялись по форме и таким образом приобретали другое значение. Одним из примеров этого является утверждение: «никто не приходит к отцу, как только через меня». Это была реинтерпретация эзотерического факта, что прежде чем монада сможет достичь божественного царства (отец = оболочка монады в мире 43), она должна приобрести оболочки в промежуточных мирах (сын = оболочка в мире 46).

¹¹Бесчисленные копии этих пятидесяти легенд были одна за другой сделаны и распространены. Возникло религиозное массовое движение, получившее свое название от центральной фигуры – Христа, сына божьего. Это почти социал-революционное движение распространилось по всей Римской империи, несмотря на все усилия властей задуть его. Наконец, единственным выходом было направить эту революцию в подходящие русла и превратить ее в государственную религию.

¹²По приказу императора Константина отец церкви Евсевий подготовил необходимые письменные источники того Нового Завета, который нам известен. То, как он это сделал, явствует из того, что в эзотерической истории он назван величайшим в мировой литературе фальсификатором. Желательно, чтобы 46-я проходило через Евангелия стих за стихом, указывая происхождение: сказанное Христом, сказанное Иешу, текущее гностическое высказывание, собственные формулировки авторов Евангелия, измененное и добавленное Евсевием. Таковы первоначальные пять источников. Этот Завет был одобрен на Соборе епископов, созванном императором (Никея, 325 г. нашей эры). Об образовательном уровне присутствовавших епископов можно судить по тому, что единственными, кто умел читать, были император и Евсевий. Возможно, право голоса не

является непогрешимым доказательством знания и рассудительности. Демократическая система голосования, возможно, не совсем разумна.

¹³Однако от квазигностических сочинений также был еще один эффект. Многие из тех, кто читал их, верили, что то странное учение, которое они тем самым приобрели, сделало их зрелыми для вступления в орден гностиков. Однако, к разочарованию большинства людей и к негодованию многих, оказалось, что из всех тех, кто считал себя призванными, были выбраны немногие.

¹⁴Однако те, кто был отвергнут, нашли выход. Если высокомерные гностические доктора не посвятили их, они могли бы быть «духовно посвящены» и получить полномочие «в верховной инстанции», чтобы учредить свои собственные ложи. Такие, конечно, росли повсюду, как грибы. Подсчитано, что существовало более семидесяти квазигностических сект, которые яростно спорили о том, кому принадлежит единая истина, и сыпали друг на друга пасквилями. (Узнаем ли мы эту тенденцию?) Это зашло так далеко, что подлинные гностики изменили название своего учения на теософию, когда гностицизм стал ругательным термином и как таковой вошел в собрание легенд, называемое историей.

5.14 Плотин

¹Некоторые из учеников Платона также стали посвященными пифагорейцами, но не достигли высоких степеней. Чтобы восполнить недостаток эзотерических фактов, они переняли множество неистолкованных символов из других обществ. Все это вскоре выродилось в хорошо известную спекуляцию на символах. Наследники этого «квази» называли себя платониками. То, что Плотин был причислен к их числу, объясняется незнанием большой разницы. Под общим названием «неоплатоники» историки объединили: членов пифагорейского и гностического орденов, «платоников» и традиционалистов-консерваторов учений Платона и Аристотеля.

²Чтобы объяснить общее восприятие красоты, Платон сказал, что все мы однажды в мире идей видели идею красоты. Этого было достаточно, чтобы каждый фантаст вообразил себя в этом мире как дома.

³Плотин, наиболее известный из «неоплатоников», понимал, что если невежество должно быть предотвращено от разрушения всего своей спекуляцией, то по крайней мере самое высокое должно быть помещено вне досягаемости мысли. Чтобы сделать дальнейшее фантазерство невозможным, божество должно было быть освобождено от понятия личности и всех других унижительных определений. Более того, человек мог бы полагать, что в мире идей приобрел знание через «созерцание иерархической системы идей», но и не догадываться о том, что было еще более существенным, а именно о единстве существования.

⁴Плотин, который был посвященным, знал, что существуют высшие миры: эссенциальный (46) мир (буддхи индийцев) и суперэссенциальный (45) мир (санскрит: нирвана), миры пятого природного царства. Следующий высший мир – это эссенциальный мир, мир единства. Но об этом ведь не следовало говорить. Однако всегда можно было сделать символическое понятие этого, и поэтому он сделал «Единое» источником всего.

⁵От Единого исходит существование, как мы его знаем, в трех стадиях (ипостасях). Сначала идет мир идей. Из него происходит «мир душ» (ментальный и эмоциональный миры), а из него, наконец, физический мир.

⁶У «неоплатоников» встречается старый символ «сотворения из ничего». Он начинает вновь появляться в современных исследованиях. Ядерная физика «расщепляет атомы» так, что «ничего» не остается. Согласно Пифагору, атомы первоматерии кажутся «непрозрачными, бесконечно малыми пустотами в первоматерии» и, следовательно, «ничем». Космос состоит из первоатомов и, таким образом, «создан из ничего».

⁷Для Плотина все сущее было божественным, даже его физическая часть настолько совершенной, насколько это вообще возможно. То, что мы считаем несовершенным, есть лишь низшая стадия. Зло – это низшее добро. Добро становится злом, если оно мешает человеку приобрести некое еще более высокое добро. Все это – эзотерика. Жизнь – это школа. Мы здесь для того, чтобы иметь опыт и учиться на нем. Мы учимся, отождествляя себя с тем, что нам неизвестно. Мы освобождаемся от низшего в бесконечном процессе. Каждый идеал указывает за пределы самого себя на другой, еще более высокий идеал, который мы не можем открыть до того, как реализовали низший идеал, и не можем полностью понять до того, как реализовали высший идеал.

⁸Восприятие красоты, согласно Плотину, зависит от союза симметрии, гармонии и целесообразности.

5.15 СХОЛАСТИКА

¹Когда клан, построивший греческую культуру, перестал воплощаться, это был конец той эпохи. Те, кто воплощался во времена Римской империи, работали главным образом над тем, чтобы дать людям жизневоззрение с правовым представлением. Те варварские кланы, которые воплощались после этого, не имели никаких предпосылок культуры и философии. Результаты, достигнутые исследованиями, должны были быть забыты, знание о том, что природа управляется законами, должно было быть утрачено, а суеверная вера в произвол всемогущего должна была заменить почти на две тысячи лет то объяснение естественными причинами, которое предоставил здравый смысл.

²Все отцы церкви изначально были квазигностиками. По какой-то причине никто, кроме Климента и Оригена, не был посвящен. Те, кому было отказано в посвящении, по тому, как они мстили за себя, показали, что они не созрели для учения посвященных. С трогательным единством они решили, что впредь не должно быть причин заниматься философией и какими-либо другими «дьявольскими наваждениями». Они старались очистить свое учение от всего разумного, что еще оставалось в нем. Они преуспели сверх своих ожиданий. Систематическое уничтожение всех рукописей было невероятно эффективным средством. Августин сделал все возможное, чтобы навсегда отделить теологию от науки. Его представление о божественной любви показательное: «Уничтожьте всякое сопротивление! Убей того, кто не обратится!» Церковь оказалась готовой учиться.

³Пифагорейцы различали три мира: ментальный, эмоциональный и физический. Отцы церкви, слышавшие об этом тройственном делении, но не имевшие понятия о том, что оно означает, изобрели «небо, землю и ад», также в связи с елисейскими полями и Гадесом греков.

⁴Интеллектуальный уровень лучше всего явствует из того, что даже епископы, за очень немногими исключениями, не умели читать и писать. Быть способным на это считалось почти грехом. В семинариях, где обучались священники, все наставления давались устно. Рукописи были очень редки. Их заставляли постоянно повторять наизусть все, что им нужно было знать и говорить. Применяя тактику запугивания (фикцию непростибельного греха как преступления против бесконечного существа, которое совершает бесконечное наказание, распространяя страх смерти и вечного ада), церковь знала, как управлять умами людей, чтобы в конечном итоге стать важнейшей политической и духовной силой, которая назначала и смещала королей и императоров.

⁵Обретя желанную власть, церковь все больше чувствовала необходимость заботиться об обучении духовных лидеров. Были учреждены университеты, в которых студентам преподавали в основном теологию и кухонную латынь, ставшую обязательным «универсальным языком». Чем больше утверждалась ее власть, тем меньше у церкви было причин бояться критики. Контакты с арабами, сохранившими знания греческой философии,

особенно Платона и Аристотеля, представленной «неоплатониками», дали церкви некоторые разумные понятия. Лишь много позже, в эпоху Возрождения, раскопки позволили обнаружить остатки литературных сокровищ Греции и Рима.

⁶Схоластику можно разделить на три основных периода. Первый период характеризовался слепой верой и неразумной убежденностью. Ницше, цитируя известное изречение Тертуллиана, одного из отцов церкви, сатирически заметил, что это должно было быть не «credo quia absurdum est» (я верю, потому что это абсурд), а «credo quia absurdus sum» (я верю, потому что я идиот). Второй период характеризовался «credo ut intelligam»: я верю, чтобы понять. Это понимание было таким, как и следовало ожидать. Третий период, все еще характерный для католической церкви, делает возможным осторожное признание тех результатов научных исследований, которые уже нельзя отрицать.

⁷По мере того как число разумных представлений росло и занимало все большее место в теологическом фикционализме, размышление медленно стало усиливаться. Тем самым росла способность подвергать критическому анализу основы веры, так называемые священные источники (Библию, писания отцов церкви и решения соборов). Одним из результатов этой критики было то, что церковь оказалась вынужденной назначать профессоров философии в университеты. Им было дано задание использовать свой разум, просвещенный богом, для борьбы с критическим разумом, затуманенным дьяволом. Со временем появилась богатая литература. Существующие способы рассмотрения были сведены к догматике теологического разума и той схоластической логике, которая должна была парализовать мышление вплоть до середины XIX века.

⁸Согласно Фоме Аквинскому, важнейшему из философов церкви, некоторые догмы можно было доказать. Другие (например, троица) были недоступны постижению разума, но в них нужно было верить.

⁹Философия схоластики в целом является обработкой трудов, традиционно приписываемых Аристотелю. То, что в них не было ясно и казалось противоречивым, стало предметом бесчисленных остроумных и, конечно же, неудачных объяснений того, что на самом деле имел в виду Аристотель.

¹⁰Образовался целый спектр предположений о мире идей Платона, платоновских идеях, об отношении между платоновскими идеями и физическими природными формами, о том, что Аристотель думал об этих понятиях, существуют ли платоновские идеи до вещей или в них или производят ли они формы, что Аристотель имел в виду под потенциальностью (возможностью) и актуальностью (реальностью) и т. д. И ученые до сих пор спорят об этих и относящихся к ним псевдопроблемах.

¹¹Та система, которую Аристотель построил своим индуктивным методом, рассматривалась схоластиками как система абсолютного знания, из которой знание может быть произведено дедукцией. Они также полагали, что знание может быть получено логически путем все более широких обобщений или абстракций. Если бы только человек «мыслил правильно», он пришел бы к предельным абстракциям, или категориям, и, таким образом, к абсолютному знанию. Неясность всего этого лабиринта мысли ввела впоследствии Канта в заблуждение, заставив его построить «чистый» разум категорий или абсолютных понятий.

¹²Факты эзотерики о различных оболочках человека (по одной в каждом мире) дошли до схоластиков, разумеется, в искаженном виде, через Аристотеля, квазигностиков и арабов. Таким образом, они учили в своей психологии, что человек состоит из трех отдельных друг от друга душ: *anima vegetativa* (растительная душа), которую он разделяет с растениями и животными; *anima sensitiva* (чувствительная душа), которую он разделяет с животными; и *anima rationalis* (душа рациональная), которая была только его и которая считалась бессмертной и божественной по своему происхождению. Функция растительной души состояла в том, чтобы усваивать пищу; функция животной души –

двигаться, воспринимать и желать.; и человеческой души – мыслить.

¹³Способность к размышлению растет по мере ее осуществления, если только она не парализована идиотизацией разума. Несмотря на все жестокие усилия церкви воспрепятствовать критике, беспокойное размышление, однажды пробудившись, стало мало-помалу обнаруживать одну нелепость за другой. В университетах они все больше стали различать, что истинно согласно теологии и что истинно согласно философии. Насколько ценились теологические истины, лучше всего показывают расхожие в то время фразы: «Ничто уже не может быть познано по той причине, что богословы это знают. Теологи основывают свои учения на баснях. Философы – единственные мудрецы в мире.»

¹⁴Однако началась реакция, которая стремилась заглушить всю подобную критику. Церковь, руководимая инквизицией, в конце концов увидела, как и все диктатуры, что только подавлением, отменой свободного выражения мнений, силой и, если все остальное терпит неудачу, террором можно защитить веру. Только после Французской революции философы осмелились открыто выступить против догматизма. Условия в протестантских странах были почти такими же плохими, как и в католических. Даже в 1840-х годах Шопенгауэру пришлось проконсультироваться с юристом, чтобы решить, осмелится ли он опубликовать одно из своих произведений. Теология, как и любая другая диктатура со своей тиранией мнений, предписывает людям, что они должны думать, и исследованиям, какова должна быть реальность. Церковь, враг свободы, начала бороться за свободу, когда сама потеряла власть. Типично.

5.16 РАЗРЫВ СО СХОЛАСТИКОЙ

¹Существует два вида объективного знания реальности: знание мира идей и знание естественных исследований. Схоластика не имела ни того, ни другого. Она не имела ничего общего с ментальной системой эзотерического знания. Она знала о реальности не больше того немногого, что сохранилось в остатках аристотелевского естествознания. Схоластическая система была догматической системой невежества, критика которой запрещалась под страхом смертной казни. Война, которую должен был вести против нее пробуждающийся здравый смысл, была долгой и ожесточенной. Лишь в середине XIX века все остатки схоластической мысли были устранены. Так трудно искоренить догматические системы, в сущности основанные на эмоциональных аргументах. Но в конечном счете никакие диктаторы, никакие лживые идеологии, никакие силы подавления не могут помешать человеческому духу искать истину и находить истину, препятствовать исследованиям в их бесконечном, непрерывном открытии реальности или философии в ее построении новых временных систем для ориентации в результатах, полученных исследованиями.

²Борьба против схоластики была столь длительной, потому что церковь имела привилегию решать, чему следует учить в университетах и в тех городских школах, которые постепенно создавались. До XIX века образование в основном ограничивалось теологией, латынью, греческим и древнееврейским языками наряду с содержанием относящихся сюда литератур. Все должно было следовать традиционному стилю, все отступления от которого считались предосудительными.

³Разрыв начался с открытия античной литературы в эпоху Возрождения. Кузанский и Бруно, Галилей и Коперник сумели выступить первопроходцами, потому что все четверо завладели пифагорейскими рукописями, посвященными астрономии, физике и другим вопросам. В этих трудах они узнали о гелиоцентрической Солнечной системе, о космосе как наполненном солнечными системами и т. д. История науки сохранила имена некоторых пионеров исследований и свободной мысли. Она часто забывает о миллионах мучеников за истину.

⁴Новые открытия теперь медленно, шаг за шагом делались в большинстве отраслей

естествознания. В метафизике Бэкон, Гоббс, Декарт, Спиноза, Лейбниц и другие пытались сломить суверенную власть схоластики и поставить на ее место нечто более разумное. Их усилия, однако, сводились большей частью к неуверенным попыткам истолковать то, что в последнее время было открыто в учениях древних.

⁵Как правило, именно интуитивная идея побуждала мыслителей строить свою систему. Те, кто, освободившись от всеобщего фикционализма, посвящают себя попыткам постичь реальность в некотором отношении, могут испытать некоторую интуицию, конкретизированную в ментальное видение. Это настолько мощный опыт, что мало кто может избежать его власти, но должен посвятить жизнь самоотречению, чтобы сформировать идею в систему с редким материалом, доступным в остальном. Поэтому, как правило, только первоначальная идея остается после того, как наружное укрепление наконец рухнуло. Таким образом прививается одна эзотерическая идея за другой, и тем самым постепенно становится возможным подготовить людей к пониманию эзотерической системы. За неимением фактов эти мыслители прибегают ко многим аргументам, которые воспитанные в схоластике принимали за доказательства, но которые дети более поздних времен часто находят озадачивающими и непонятными. Чтобы проникнуть в попытки этих мыслителей разрешить философские псевдопроблемы, нужно быть знакомым со способами рассмотрения их современности. Для глубокомыслия было характерно то, что оно было склонно видеть нечто изначально аксиоматическое в явном абсурде, мучительно пытаясь истолковать это новыми абсурдами.

5.17 Бэкон

¹Философия, согласно Фрэнсису Бэкону, есть наука о существовании, дедуцированная из совершенной системы. Это эзотерика. Пока человек не сможет дедуцировать, он не овладел системой. Но откуда получить эту совершенную ментальную систему?

²Системы мышления, построенные на основе установленных и систематизированных фактов, являются средствами ориентации в хаосе несистематически собранных, разрозненных фактов. Такие системы показывают, как далеко продвинулись исследования. Не имея достаточных фактов, система дополняется гипотезами и теориями, более или менее произвольными предположениями и догадками.

³Отдельно от этих естественнонаучных систем философы и теологи строят свои системы, совершенно иные. Естественнонаучные системы рушатся, когда устанавливаются новые факты, которые не могут быть в них вмещены. Философские системы разрушаются под ударами тарана критического анализа. Теологические догматические системы не должны подвергаться критике, ими следует только восхищаться.

⁴Бэкон, пользуясь покровительством королевы Елизаветы, смог напасть на схоластическую систему, которую он назвал «Аристотелем». Это была жестокая, разрушительная атака на все предыдущее, даже скромные, новые неуверенные попытки. Только естественное исследование, установление фактов, описание реальностей и помещение фактов в их правильные контексты обеспечивали знание объективной реальности. Естествоиспытатели должны были ограничиться исключительно причинными законами природы и пренебречь целесообразными. Господствующая догматическая система невежества должна была быть устранена, потому что ей было позволено слишком долго вводить человечество в заблуждение.

⁵Бэкона обвиняли в том, что он не выдвинул ту систему знания, которой, как он утверждал, обладал. Он был осужден и за многое другое. Когда история эзотерики однажды будет обнародована, эзотерическая аксиома, что то, что мы знаем о великих, является легендой о них, окажется правильной.

⁶Бэкон был главой ордена розенкрейцеров и той системе, на которую он намекал, он обучал тех, кого посвящал в этот орден. В наше время появилось множество

розенкрейцерских сект, которые ложно выдали себя за обладательниц подлинного учения розенкрейцеров, которое никогда не попадало в руки непосвященных и которое еще долго не будет разрешено публиковать, потому что оно содержит факты о еще не открытых силах природы, которыми человечество неизбежно злоупотребило бы для уничтожения жизни на нашей Земле.

⁷Что касается той части эзотерической системы, которой теперь позволено стать экзотерической, то следует отметить, что безнадежно наивный вопрос: «как они могут это знать?», конечно, не имеет ответа, поскольку он не имеет отношения к делу. Эзотерик довольствуется тем, что просит критиков опровергнуть эту систему, вещь, которую они должны найти простой: указать на ее ложные отправные точки, ее логическую несостоятельность, ее внутренние противоречия, абсурдные следствия и т. д. Другого способа опровержения не существует. Тот, кто отвергает все это как просто вопрос веры (обычный вид «опровержения»), никогда не рассматривал дело логически. Эзотерическая ментальная система никогда не может быть ничем иным, кроме рабочей гипотезы для большинства людей. Как таковая она однажды будет признана единственно по-настоящему разумной.

⁸Только в разумной ментальной системе царит согласие между «бытием и мышлением», между ментальным построением разума и реальностью. Эта ментальная система может быть получена двумя способами: индукцией или дедукцией. Невежество должно идти медленным путем индукции и анализа, устанавливая факты и синтезируя их. Эзотерик идет быстрым и безошибочным путем дедукции из системы идей.

⁹Бэкон хотел заменить систему Аристотеля атомной теорией Демокрита.

¹⁰Нескольких символических намеков, которые сделал Бэкон, было вполне достаточно, чтобы в глазах потомства заклеить его как суеверного шарлатана.

¹¹То, чего невежество не понимает, его авторитеты называют надувательством. Прежде чем система идей может быть обнародована, ее фундаментальные идеи должны быть привиты одна за другой, чтобы они могли быть распознаны, когда придет время выдвинуть всю систему. На самом деле, она была обнародована слишком рано. Вступительные испытания эзотерического ордена были предназначены для того, чтобы выяснить, что латентно у неопита и какой степени ордена он сможет достичь. Ибо невежество либо отвергает, либо искажает все, чего оно не понимает, кроме того, что эгоизм злоупотребляет эзотерическим знанием о неизвестных иначе силах природы.

¹²У Бэкона никогда не было возможности продолжить свою новаторскую философскую работу, и экзотерически он смог лишь продемонстрировать полезность индуктивного метода исследования. Его критика схоластического метода, однако, проникла так глубоко, что люди все еще не видели, что дедуктивный метод превосходит при школьном обучении. В школе речь идет о том, чтобы ориентировать молодых людей в неизвестной им вселенной, а не послать их исследовать ее самостоятельно. При такой ориентации нельзя поступать индуктивно, если хотите создать порядок, метод и ясность в умах молодых людей. Страх догматизма ввел в заблуждение тех, кто не видел, что самоуверенность – это вопрос «темперамента», независимо от того, какой метод используется.

¹³Индукция – это метод для исследователей, которые уже ориентированы и сформировали свою собственную систему, пусть и неосознанно. В противном случае всякое установление было бы случайным и бессвязным. Отрывочные факты без системы просто вводят в заблуждение. Дедуктивный метод делает обучение гораздо более интересным и легким для постижения, поскольку постижение идет от общего к частному. Дедуктивный метод, без формализующих способов вывода и догматизма, является лучшим уроком систематического мышления. Почему в школе учили таким несущественным вещам, как, например, зубы хищников, но ничего не говорили о биологической эволюции? Это придало бы смысл биологии. Слишком многие люди с латентным пониманием теряют в

школе интерес к учебе.

¹⁴Бэкон восстановил доверие человека к здравому смыслу и научил его видеть необходимость исследования, видеть, что есть разница между способностью к логическому умозаключению, которой может научиться самый простой ум, и способностью судить, которая предполагает знание и понимание; что первая является техническим методом, тогда как вторая требует знания фактов; что суждения общественного мнения не являются суждениями реальности; что большинство людей судят обо всем исходя из своего собственного ограниченного восприятия и тем самым становятся жертвами своих собственных идиосинкразий; что ученость большей частью состоит в знании догм и других догадок; что философы не постигли философских проблем, а только думали, что они постигли.

5.18 Декарт

¹При всей своей нелепости схоластика позволила человечеству сохранить свое объективное восприятие существования внешнего мира.

²Две проблемы, которые в основном интересовали философов, когда естественные исследования снова начались с Галилея, касались природы материи и отношения сознания к материи, особенно отношения между телом и душой. Декарт, Спиноза и Лейбниц изобрели разные объяснения. Гоббс держался за Эпикура.

³Декарт должен был начать свою философскую спекуляцию с сомнения во всем и пришел к выводу, что он может сомневаться во всем, кроме того, что он мыслит, а поскольку он мыслит, то он существует. Скептицизм нельзя опровергнуть этой фразой. Скептик также не принял бы софизм о том, что реальность должна существовать, поскольку иначе божество было бы обманщиком, который обманом заставил бы нас поверить, что она существует. Его доказательство существования бога столь же умно. Это звучит примерно так: Если у нас есть особенно прекрасная фикция, то она правильна. Иначе у нас ее не было бы.

⁴Декарт был субъективистом. Согласно субъективизму, восприятие человеком объективных, материальных предметов или внешнего мира является чисто субъективным и не определяется ни предметами, ни внешним миром. Были предприняты все мыслимые попытки заставить людей поверить, что они не видят того, что видят. Например, утверждалось, что предметов может вообще не быть, что они могут быть, но что мы не можем этого доказать или объяснить, что предметы, возможно, отличаются от нашего восприятия их, что они являются только образами в нашем сознании. Эта одержимость началась с Декарта. Юм, Кант и Фихте были особенно изобретательны в своих попытках логически доказать правильность субъективистского сомнения в существовании объективного внешнего мира. К счастью, удалось доказать абсурдность всех подобных попыток. Восприятие здравого смысла восторжествовало, как будет объяснено далее. Для восприятия внешнего мира требуется объективное сознание. О том, что мы не можем воспринимать объективно, мы не можем знать ничего. Таким образом, для восприятия сверхфизической объективной реальности требуется сверхфизическое объективное сознание.

⁵Декарт взял термин «субстанция» у схоластов. Они познакомились с понятиями духа и материи, как их представляла персидская религия. Дух олицетворял свет и добро, материя – тьму и зло. Тем самым, термин «материя» был предан анафеме в спекуляции. Вместо этого употреблялся очень неопределенный термин «субстанция», означавший нечто необъяснимое, нечто, что, как предполагалось, лежит в основе качеств вещей. Используя термин «субстанция» вместо термина «материя», Декарт избежал риска быть обвиненным в союзничестве с силами тьмы.

⁶Все состоит из субстанции, будучи тем, что независимо от всего остального. Бог есть «абсолютная субстанция». Человек относителен, а это значит, что он состоит из двух

субстанций: тела, которое состоит из материальной субстанции, и души, которая состоит из нематериальной субстанции.

⁷На самом деле, это всего лишь новые названия для представлений Хрисиппа о теле как видимой и о душе, для большинства людей, невидимой материи. Фикция нематериальной субстанции определенно была изменением к худшему, поскольку она подразумевает противоречие. Слово «субстанция» – это просто другое слово для обозначения материи.

⁸Поскольку субстанция, в отличие от материи, не должна была состоять из атомов, он должен был найти способы перефразировать ее. Он сделал так, чтобы тело состояло из протяжения, а душа – из мысли. В результате объективные понятия стали субъективными. Подобным же образом субъективизировались позже все объективные понятия, пока все не стало субъективным.

⁹Затем нужно было объяснить отношение между телом и душой. Это была псевдопроблема, которая вызывала бесконечную головоломку и порождала самые фантастические излишества. Взаимодействие тела и души, согласно Декарту, осуществлялось через особых жизненных духов. Другие считали, что божество вмешивается в каждый отдельный случай, устраивая все к полному удовлетворению. И некоторые догадывались, что это постоянное чудо было предопределено богом раз и навсегда.

5.19 Гоббс

¹Гоббс исходил из схоластики, но перенял для своей философии рассуждения от теософов и физикалистов. Следующие его высказывания можно назвать эзотерическими.

²Вся внешняя реальность материальна. Душа тоже материальна, хотя и слишком тонка, чтобы ее можно было наблюдать. Всякое движение предполагает материю. Проявления души – это, помимо субъективных ощущений, еще и движения в материи. Эзотерика согласна с тем, что мыслительным ассоциациям в мозге соответствуют физиологические функции клеток мозга, но она также утверждает, что мозговой субстанции недостаточно самой по себе. Как и всем другим основным видам сознания, ментальному сознанию соответствует собственный вид материи.

³Гоббс выражает эзотерическую аксиому, говоря, что наука состоит в выводе действий из причин и причин из действий. Несмотря на свой в остальном весьма туманный физикализм без атомной теории, Гоббс способствовал этими определениями упрочению физикалистского мировоззрения в Англии.

⁴Очевидно, что восприятие физикалистов значительно превосходит все другие философские теории. Они могут объективно исследовать по крайней мере один мир, физический мир. Тем самым они сохраняют свой здравый смысл. Они не отрицают существования внешнего мира. То, что противоречит здравому смыслу, то есть установлению фактов с помощью ума, не может согласоваться с реальностью. Это тоже эзотерическая аксиома. Здравый смысл придерживается объективной реальности.

⁵Примитивная атомная теория Эпикура в целом оставалась преобладающей в физикалистских кругах. После открытия электричества движение атомов было объяснено как вызванное электромагнитными силами. Эта теория не была оставлена до тех пор, пока ядерная физика в XX веке не начала свое так называемое расщепление атомов. Эти эксперименты опровергли догму о «неразрушимости материи». Согласно эзотерике, неразрушимы только первоатомы. Вся составная материя растворима. Однако ядерная физика, пытаясь исследовать структуру материи, не достигла физического атома. Задолго до того, как ученые откроют физический атом, материя стала невидимой даже под самыми мощными микроскопами. Материя кажется «растворяющейся в ничто». Это, конечно, породило предположение, что «материя растворяется в энергию». Нет энергии, свободной от материи. Энергия – это материя, токи «точек силы». Чем выше вид

материи, к которому принадлежит молекула, тем меньше в ней содержания материи и тем больше ее энергетический эффект. Когда-нибудь, когда будет возможно расщепить физический атом, будет получен новый основной вид материи, относящийся к эмоциональному миру, который недоступен большинству людей.

5.20 Спиноза

¹Спиноза исходил из Декарта. Он взял у него термины «субстанция», «протяжение» и «мысль». Но он улучшил теорию, сделав одну субстанцию из двух. Вместо этого этой субстанции были приданы два основных качества: протяжение и мысль (или тело и душа: материя и сознание). Он определял субстанцию как «то, что существует само по себе и воспринимается через само себя». Бог или субстанция или природа – это и разум, и закон природы, и формирующий принцип, и механическая необходимость. Богом мы живем, движемся и существуем. Добро положительно, зло отрицательно.

²Следует добавить, что в эзотерике слово «душа» имеет двоякое значение: оно означает сознание как качество всей материи, а также определенный вид материальной оболочки для монады.

³Если назвать, подобно Декарту, материю и сознание двумя различными субстанциями или, подобно Спинозе, рассмотреть их как одну субстанцию, имеющую два атрибута, материя и сознание тем не менее остаются двумя различными принципами, двумя различными аспектами. Эти два различных аспекта нельзя сделать тождественными или параллельными. Полученный таким образом «монизм» – это всего лишь игра слов. Ни материя, ни сознание не могут быть выведены друг из друга. И то, что не может быть объяснено чем-то другим, само по себе является изначальным и своей собственной основой и причиной. Сознание так же абсолютно, как и материя.

⁴Для Спинозы материя и сознание были разными сторонами одной и той же реальности. Тем самым он упразднил псевдопроблему какого-либо особого взаимодействия между телом и душой.

⁵Психофизический параллелизм лишает и материю, и сознание всякой самостоятельности. Он также не может объяснить движение (силу, энергию, собственное движение, волю). Сознание без движения пассивно. Всегда очевидно, что ни один из трех аспектов реальности нельзя опустить или отрицать без того, чтобы результат не был неясным, противоречивым, вводящим в заблуждение.

⁶Другая проблема, которую тщетно пытались решить философы, – это проблема отношения между свободой и необходимостью, между свободой и законом. Спиноза подошел к разгадке настолько близко, насколько это возможно для спекуляции. Порядок, определяемый законом, царит как во внешней объективной реальности, так и во внутренней субъективной реальности. Все, что происходит, происходит в соответствии с относящимися сюда законами. Человек несвободен постольку, поскольку его поступки всегда определяются мотивами и самым сильным мотивом. Он может освободиться, работая над тем, чтобы сделать любой мотив самым сильным. Оказалось, однако, что большинство мотивов лежат в подсознательных комплексах, которые утверждаются автоматически и спонтанно.

⁷Спиноза тщетно пытался решить свою главную проблему – проблему противоположности механических и целесообразных причин хода событий.

5.21 Лейбниц

¹Лейбниц, будучи посвященным ордена розенкрейцеров, научился, что существование имеет три равноценных и неразделимых аспекта: материю, движение и сознание; что весь космос состоит из первоатомов (монад); что монады – единственно неразрушимые вещи во вселенной; что все материальные формы растворяются, когда они выполнили

свою задачу; что формы природы составляют восходящую серию все более высоких видов жизни; что монады развиваются (приобретают способность воспринимать все более высокие виды вибраций во все более высоких видах материи) после того, как они пробудились к сознанию, войдя в оболочки и действуя как оболочки монад на более высоких стадиях развития.

²Конечно, ему не позволяли, да он и не осмелился бы так представить дело своим совершенно неподготовленным и непонимающим современникам. Таким образом, он должен был найти способ намекнуть на истину. Результатом всех трудов и остроумием, потраченных на это, было просто множество нелепостей. Невозможно сделать эзотерику понятной путем экзотерического перефразирования и приспособления к господствующим фикциям.

³Лейбниц взял у Декарта фикцию нематериальной субстанции как существенное определение монады. Как уже отмечалось, субстанция не может быть нематериальной, поскольку субстанция не может быть ничем иным, кроме материи. На самом деле, в этом отношении он находился под влиянием своего эзотерического знания высших видов материи.

⁴Он противоречил самому себе, когда оспаривал существование физического внешнего мира (Беркли), но тем не менее утверждал, что пространство, время, материя и движение имеют относительную, хотя и не абсолютную реальность. Без уточнения того, что подразумевается под абсолютным и относительным в каждом конкретном случае, любое такое разделение совершенно произвольно и бессмысленно.

⁵Лейбниц был математиком и стал жертвой своих математических понятий. Он считал, что атом «бесконечно» делим. Поскольку должен был существовать предел материальной делимости, монада, которая неделима, должна была быть «нематериальной». Она была просто математической точкой силы. (Эзотерическое определение гласит: первоатом – это наименьшая возможная твердая точка первоматерии и для индивидуального сознания.) Занимая эту позицию, Лейбниц лишил себя возможности объяснить существование внешнего мира, так как даже бесконечное количество ничто никогда не может образовать даже наименьшей материальной величины.

⁶Его трудность в объяснении отношения между телом и душой привела Лейбница к принятию абсурдной фикции «предустановленной гармонии». Это построение объединяет несколько идей, не имеющих особой связи друг с другом: закономерность, предопределение, аналогичное соответствие, индивидуальное своеобразие, единство всего, целесообразность, развитие. Бог раз и навсегда установил отношение не только между телом и душой, но и между взаимными восприятиями всех монад. Тела действуют так, как если бы они не обладали сознанием, а сознание – как если бы оно не обладало телом, и оба действуют так, как если бы они влияли друг на друга. Монады не нуждаются ни во внешнем мире, ни друг в друге для того, чтобы развиваться, но все это происходит как совместный часовой механизм внутри душах монад.

⁷Постоянно поражаешься той огромной массе остроумия и глубокомыслия, которую философы могут потратить на построение одного абсурда за другим. При этом псевдорешения псевдопроблем формулируются с такой талантливой убедительностью, что тот, кто не обучен философии, всегда убежден, что философ, которого он избрал своим интерпретатором реальности, действительно нашел «философский камень». Необученному нелегко отстоять себя против подавляющей аргументации остроумного мыслителя. Как легко даже так называемые образованные люди становятся жертвами превосходного ума, показывают ученики всех великих. Это особенно заметно, когда появляется «модный философ», обобщающий взгляды своего времени или выражающий то, что большинство людей готово принять. Без знания реальности философы будут беспомощно сбиваться с пути каждой новой причуды. В результате это приводит к тому, что

философия – это не постижение реальности, а неспособность видеть сквозь фикции, особенно самосконструированные.

⁸Еще одна вещь, которую можно заметить в этой связи, – это то, как поразительно легко, кажется, превратить самую абсурдную фикцию в идею фикс, просто повторяя ее достаточно часто. Можно также обнаружить, что люди испытывают бесконечные трудности в избавлении от тех ложных представлений, которые они однажды приобрели. Поэтому Бэкон и считал, что в философских школах ученики учатся «верить». И многие люди настолько влюбились в свою фиктивную систему, что о реальности и знать не хотят. Вся философия была субъективистской спекуляцией воображения вообще или односторонним рассмотрением только аспекта сознания.

5.22 ВТОРОЙ СУБЪЕКТИВИСТСКИЙ ПЕРИОД

¹Бэкон разрушил схоластическую систему для всех непредубежденных, остроумных мыслителей. Было много тех, кто пытался выдвинуть новые системы. Из них вышло немного. Вольтер был прав, восклицая: «О метафизика! Мы сейчас так же далеко продвинулись, как и во времена первых друидов.» (Философы, напротив, регрессировали. В последнее время они даже пытались отречься от своего наследия.) Физикализм Эпикура, каким его представил Гоббс, все больше проявлял себя среди естествоиспытателей и объективистов. А что еще было возможно?

²Только объективный ум дает объективные факты о внешней, материальной реальности. Без более высокого объективного сознания индивид ограничен физическим миром, и поэтому для него не может быть никакой «метафизики» (науки о сверхфизической реальности). У нормального философа есть только три возможности: либо принять традиционную теологию или авторитетную эзотерику, либо продолжать спекулятивный фикционализм.

³Когда казалось невозможным исследовать объективную материальную реальность с помощью объективного ума, возникла мысль, что субъективный разум следует использовать в попытке исследовать мир сознания. Так начинается спекулятивный подход к теории познания. Обнаружив существование сознания, многие люди охвачены желанием исследовать его, не имея ни малейшего представления о том, к чему они приступили. Было бы легче переплыть Атлантику. (Что-то, что психологи должны принять во внимание.) Те, кто полностью погружается в аспект сознания, теряют контакт с аспектом материи и тем самым теряют необходимый критерий истины, который сдерживает излишества воображения. Любая попытка разделения сознания, кроме как с помощью материи, обречена на провал.

⁴Для Локка и Юма, английских субъективистов, главной проблемой было то, как мы приобретаем знание о внешнем мире. Они исходили из чувственных восприятий как единственного источника всякого знания. (Отсюда разделение реальности на «чувственный мир» = физический мир и «духовный мир» = сверхфизическое.) Однако будет видно, что если человек достаточно долго сосредоточивается только на восприятиях, то в конце концов он не увидит ничего, кроме этих восприятий, как если бы они были их собственным происхождением и объективное восприятие предметов внешнего мира не было бы вызвано (заметьте это!) и определено материальными предметами. Субъективисты кончают тем, что думают, что они могут воспринимать только восприятия предметов, а не сами предметы. Так называемые позитивисты более позднего времени завели это рассуждение еще дальше, говоря, что внешние материальные предметы с логической точки зрения состоят из чувственных восприятий, так как восприятия – это единственное, что мы можем осознавать.

⁵Абсурдность, что чувственные восприятия нашего физического организма являются необработанным материалом для всех видов сознания: желаний, чувств, мыслей,

интуиций, волеизъявлений, – относится к этим фантастическим фикциям. Для эзотерика существуют иные способы восприятия материальной реальности, нежели через физические органы чувств.

⁶Из трех субъективистов, Локка, Беркли и Юма, только Беркли сделал свой субъективизм настолько абсолютным, чтобы отрицать даже объективное существование материального внешнего мира. Для Локка материя еще существовала, хотя и воспринималась недостаточно. Юм считал, что внешний мир может существовать, но что мы не можем «доказать», что он существует. И нельзя сказать ничего определенного о том, чего нельзя доказать. Всеобщий, имеющий силу повсюду опыт человечества, очевидно, не разрешил этого вопроса.

5.23 Локк

¹Локк справедливо считал попытки предыдущих философов объяснить реальность неудовлетворительными. Ему тогда в голову пришла мысль, что нужно исследовать, в состоянии ли наш разум разрешить философские проблемы. Первое, что нужно было сделать, – это определить возможности и пределы познания.

²Эта попытка была обречена на провал, как и в те времена, когда ее предприняли софисты. Эта мысль привела к появлению новых псевдопроблем. Здравый смысл говорит нам, что мы можем иметь знание только о том, что мы пережили, и того опыта, что мы обработали. Наши возможности приобретения знания проявляются в результатах исследований: правильном прогнозировании и техническом применении. Они также являются доказательством правильности знания.

³Согласно Декарту, идеи человека были либо врожденными, либо приобретенными посредством объективного ума (чувственных восприятий), либо созданными самим человеком посредством обработки субъективным разумом содержания ума. Локк отрицал возможность врожденных идей, утверждая, что ум ребенка с самого начала подобен чистому листу бумаги. Разум получает все знание из объективного опыта ума.

⁴Поскольку именно через объективный ум мы познаем качества физических объектов, здравый смысл, конечно, считает, что не должно быть основания для отрицания определенных качеств предметов. Но, увлекшись мыслью, что мы получаем все знания «от чувств» и, следовательно, что все кажется чувственными восприятиями, и будучи не в состоянии объяснить некоторые из этих чувственных восприятий (звуки, запахи, цвета), Локк прибег к предположению, что некоторые качества являются только субъективными, а не одновременно объективными восприятиями. Однако он осознал, что существует внешний мир. Мы умеем делать точные расчеты затмений Солнца и Луны и предсказывать многое другое. Все это не может быть простым совпадением. Предметы должны существовать, но предположительно мы не можем знать о них больше, чем можем измерить и взвесить.

⁵Локк, таким образом, совершенно произвольно и с роковыми для философии последствиями приступил к разделению качеств предметов на первичные и вторичные. Первичные качества он приписывал предметам. Во вторичных он им отказал. К первичным или так называемым количественным качествам, которые каждый мог измерить, взвесить и сосчитать, относились форма, твердость, вес, движение, число. К вторичным или «качественным» качествам относились звук, цвет, запах, тепло, холод и т. д. Эти качественные качества, таким образом, должны были быть просто субъективными восприятиями у нас, которые мы приписывали предметам.

⁶Отрицая определенные качества предметов, Локк лишил себя самого главного аргумента, когда пытался спасти существование внешнего мира. В своей беспомощности, вызванной самим собой, он прибег к выходу сказать, что было бы противоречием здравому смыслу верить, что мир не таков, как мы воспринимаем его нашими чувствами.

Именно в этом здравом смысле он усомнился при разделении качеств.

⁷Эзотерика также не признает врожденных идей. Но монада сохраняет в своем под- сознании латентную память о том, что она пережила в предыдущих существованиях. Когда в новой жизни мы вступаем в контакт с подобными объективными или субъек- тивными реальностями, мы вспоминаем заново пережитый опыт, особенно если он был обработан в знание, качество или способность. Без нового контакта старое знание оста- ется латентным. Наша трудность заключается в том, чтобы знать, какой опыт мы имели ранее. В известной мере это явствует из того, что мы непосредственно узнаем, постигаем, понимаем или находим легким для овладения, будь то теологические, философские и т. д. системы или любой вид таланта.

5.24 Беркли

¹Как только было положено начало лишать материю некоторых ее качеств, «логи- ческая последовательность» потребовала, чтобы она была лишена всех своих качеств. Беркли – так звали логика, который также был епископом. Он считал, что мы никогда не воспринимаем ничего, кроме наших собственных восприятий. Предметы со всеми их качествами – это всего лишь скопление восприятий, удерживаемых вместе в уме. Пред- ставления – не объективные восприятия, не являются копиями предметов вне нас, но копиями идей других людей. Существовать – это то же самое, что быть кем-то воспри- нятым. Нет внешнего мира. Вселенная с ее содержанием существует только в сознании бога, и именно мысли бога мы принимаем за объективную реальность.

²Просто повторяйте мысль достаточно часто, и в конце концов она станет неискорени- мой. Большинство философов – тому доказательство. Очень легко вообразить, что все есть воображение.

³Субъективисты, которые на самом деле беспомощно идиотизировали свой здравый смысл, предприняли две отчаянные попытки спасти себя от той беспомощности, кото- рую они навлекли на себя. Они должны прибегать либо к мысли бога, либо к чьему-то сознанию как к причине своего собственного восприятия Вселенной. Таким образом, некоторые считают, что пока на нашей Земле есть только одно животное, способное наблюдать Вселенную, Вселенная существует. Но когда это последнее сознание также будет уничтожено, субъективная Вселенная исчезнет. Объективной Вселенной ведь ни- когда не существовало.

⁴Такие вымыслы – не объяснения, а кувырки разума в фантазерство. Но философы полагали, что они могут объяснить все, строя фикции.

⁵Такой субъективизм часто основан на бессознательном круговом рассуждении: пред- ставление – это продукт мозга, а мозг – продукт представления. Таким образом, субъек- тивистам удалось устранить осознание того, что мозг – это объективная материальная реальность, а представление о мозге – объективное восприятие умом. Субъективизм не может объяснить, как возможно познание материального внешнего мира.

⁶Физическое эфирное объективное сознание устанавливает, что физический предмет, скажем камень, состоит из частиц, находящихся в постоянном движении. Софистика, которая никогда не может допустить, чтобы это было так, но всегда должна превратить это во что-то другое, говорит, что наше восприятие камня ложно, что является самой ошибкой субъективистов. Камень есть камень и такой, каким мы воспринимаем его своим физическим умом в «видимом» мире. То, что он воспринимается по-разному в другом мире, десятью различными способами в десяти различных мирах, не имеет дело с физическим восприятием реальности. Физики-ядерщики не знают, что им удалось про- никнуть в новый мир, «эфирный мир».

5.25 Юм

¹Одним из способов опровержения мнения является демонстрация абсурдности его последствий. Такова была услуга, которую Юм оказал философии. Он опроверг субъективизм, растворяя как субъект познания (душу, я), так и объект познания (внешний мир с его материальным содержанием). Все было просто бессмысленными восприятиями.

²Согласно Юму, все наши представления происходят из чувственных восприятий. Каждая отдельная часть составного представления происходит из наблюдений. Мы не можем «перейти» от субъекта к объекту, от субъективного сознания к объективной реальности; более того, мы не можем даже доказать, что существует внешний мир. Все есть только представления (идеи), построенные разумом и состоящие из различных видов чувственных восприятий. Юм убедительно показал, что субъективизм должен вести к скептицизму.

³Не может быть и я, душевного единства. Единственное, что мы встречаем в своем сознании, – это различные скопления восприятий. Душа – это термин, обозначающий серию мыслительных ассоциаций.

⁴Юм также оспаривал действительность закона причины и действия. Законы природы являются результатом привычных наблюдений. Мы устанавливаем ходы событий, разделяя их на «до», которое мы называем причиной, и «после», которое мы называем действием. Мы всегда видели, как одно следует за другим, и предполагаем, что они всегда должны это делать. Понятие причины мы выводим из субъективного ассоциативного принуждения.

⁵Юм не мог установить разницы между временной связью и причинной связью. У него не было опыта экспериментатора, который в своей лаборатории сам решает временную последовательность (причину), а также предсказывает следствие в каждом отдельном случае с неизменной уверенностью. Юм не понимал, что закономерность существования является необходимостью, поскольку в противном случае космос был бы хаосом. До сих пор не было найдено ни одного исключения касательно установленного закона природы, только то, что закон природы не имел той общей значимости, которую предполагало невежество.

⁶Юм был совершенным аналитиком, неспособным к синтезу. Его интеллектуальная близорукость сделала его непревзойденным демонстратором ошибок в выводах, но мешала ему открыть принципы или систему в своем собственном мышлении. Он совсем наивно исходил из философского суеверия, что в том, что не может быть доказано формальной логикой, всегда можно усомниться. Будучи истинным логиком, он больше полагался на свою логику, чем на свой опыт, больше полагался на свой субъективный разум, чем на свой объективный ум. Бесчисленные единодушные заявления бесчисленных людей не имели для него никакого значения. Он мог отрицать все, что, по его мнению, не могло быть логически доказано.

⁷Против такого философского суеверия эзотерика выдвигает фундаментальное положение, что доказательства субъективного разума являются фикциями, если они противостоят доказательствам объективного ума.

⁸Ум прямо и непосредственно переживает материальную реальность. Он отождествляется с предметом своего наблюдения согласно закону тождества и отождествления: я переживаю это. Утверждение субъективистов о том, что нельзя «перейти» от сознания к материальному предмету, является типичным философским фиктивным построением, которое звучит правдоподобно и парализовал мышление, но которое легко опровергнуть. Речь ни в коем случае не идет о «переходе» от любого отраженного образа к предмету. Прямое восприятие предмета превратили в представление, независимое от объекта, вместо самого предмета. Образ памяти – это не предмет. Наблюдение – это не отраженный образ предмета, а восприятие конкретного объекта. Переживание предмета – это не

произвольное субъективное восприятие, а объективное восприятие предмета в его конкретности, независимой от сознания. Все субъективистское рассуждение предполагает и тавтологию, и логический регресс, а потому логически абсурдно. Тавтология: то, что представляет себе сознание, оно должно представить себе посредством своего собственного представления. Регресс: представление всегда должно быть представлением о чем-то, оно – представление о представлении, которое в свою очередь является представлением и т. д. до бесконечности. Тем самым субъективизм логически опровергнут, чего еще не поняли позднейшие философы (Рассел и др.).

⁹Если бы предметы не были основанием знания, то человек не мог бы в сознании различать объективную реальность и вымысел воображения, не открывал бы вообще ничего объективного. Объективное сознание ума есть знание, так как объективное сознание воспринимает нечто независимое от сознания, определяется чем-то внешним по отношению к сознанию.

¹⁰Ум – это объективное сознание. Разум – это субъективное сознание. Таково первоначальное значение слов «ум» и «разум». Ум – это прямое, непосредственное, неразмышляющее переживание реальности. Попытка субъективистов объяснить это психологически нелогична и вводит в заблуждение, путает логическую проблему и психологическую. Разум – это орудие для обработки содержания ума. Разум получает весь свой материал реальности и материал знания от ума. Последующая проверка всегда доказывает правильность ума. Наши ошибки начинаются с сомнений в правильности ума, с неправильной обработки разумом, с гипотез и других видов догадок.

5.26 ФИЛОСОФИЯ РЕВОЛЮЦИИ

¹Чтобы правильно понять постсхоластическую философию, необходимо полностью осознать те невыносимые условия, в которых она возникла. В большинстве стран полная свобода слова была невозможна до конца XIX века (около 1880 года). Церковь с ее догматизмом и фанатизмом господствовала не только над государством, назначавшим чиновников и учителей, но и над общественным мнением с его неистовой агрессивностью. Церковь (у Вольтера были достаточные основания для его боевого клича: «Écrasez l'infâme, сокрушите гнусное!») внимательно следила за тем, чтобы не было допущено никаких новых идей. Таким образом, с непрерывными поклонами церковному авторитету и усердными заверениями в своей верности догматической системе теологической тирании философы должны были обсуждать новые идеи как заблуждения умов, затуманенных дьяволом, заблуждения, которые они упоминали только для того, чтобы эффективно их опровергнуть. Часто употреблявшаяся уловка состояла в том, чтобы высмеивать и преувеличивать до такой степени, что интеллигенция, знавшая о применяемом методе, должна была видеть, что предполагаемый смысл был совершенно противоположен тому, что было сказано. «Великий Кант» – это пример того, как даже самая яркая сатира могла пройти незамеченной. Не в силах понять его оговорки, он отверг всю философию Локка просто на том основании, что Локк, продемонстрировав, что мы ничего не можем знать о невидимом, заявил, что можно доказать существование бога с той же неоспоримостью, что и математическое доказательство. Кант не подозревал, что он упустил прекрасную возможность улучшить сатиру, указав на то, какой большой потерей для человечества было то, что Локк не представил этого доказательства. Следующее высказывание лорда Шефтсбери, покровителя Локка, показывает, насколько осторожными должны были быть философы. Лорд Шефтсбери ответил даме, которая слышала, как он сказал, что «умные люди на самом деле исповедуют только одну религию», и хотела бы знать, что это за религия. «Мадам, – сказал он, – умные люди никогда ничего не говорят.» Они знали, что служит к их миру. Вообще-то следует добавить, что истине всегда было тесно.

²При обсуждении этого вопроса догматической нетерпимости не будет лишним сказать кое-что и об условиях более поздних времен. Как правило, именно профессора университетов составляют научный авторитет, устанавливая догмы дня и решают, что считать истинным или ложным. Пионеры исследований, которые еще не завоевали профессуру и осмеливаются опережать свое время, настолько опережать, что научное мнение – медленно отстающее – не может угнаться, объявляются некомпетентными, если они осмеливаются противостоять преобладающим взглядам, и убиваются молчалием. Существует довольно общее понимание того, что это препятствовало развитию.

³Даже гарантированная конституцией свобода слова имеет свои риски. Из-за отсутствия у масс рассудительности, ослепляющей силы эмоциональных аргументов в сочетании с эгоистическими интересами индивидов и классов, толпу можно убедить поверить в то, что хотят от нее властолюбивые демагоги. Пропаганда с ее психозами оказывает огромное оглушающее действие, как это доказывали миллионы раз фашизм, нацизм и большевизм. Пресса, кино, радио и телевидение убедительно показали, как быстро может быть снижен уровень вкуса, культуры и рассудительности даже так называемых образованных классов. Не имея основы знания, человечество будет сбито с пути бесчисленными фантазерами.

⁴Иногда на троне оказывался «вольнодумец», который позволял философам говорить свободно. После публикации (обычно и в качестве меры предосторожности анонимно) их работы не могли быть легко подавлены, но им было позволено оказывать свое влияние тихо. Было замечено, что никакая тирания не смогла в конечном счете помешать голосу свободы быть услышанным. Еще один урок истории состоит в том, что любой властью злоупотребляют, какой бы она ни была (не в последнюю очередь демократией и властью большинства).

⁵Из кабинетов тех, «чьи ночные светильники озаряют мир», донеслись до образованных классов взгляды, которые к концу XVIII века должны были потрясти Европу. Сначала робкие и осторожные, а затем все более смелые в своей борьбе против тирании мнений и угнетения, эти пропагандисты проложили дорогу для общественного мнения, которое должно было преодолеть деспотизм теологической диктатуры. Провозглашая неотъемлемые права человека с энтузиазмом и пламенным восторгом, они пробуждали поработанные души из их состояния унижения.

⁶Философы революции были типичными эклектиками. Их пропаганда, смесь фактов, полуправды, умствования, сентиментального романтизма и революционного пафоса, воспламенила умы и запустила процесс растворения установившегося порядка вещей, процесс, который продолжается до сих пор. Наиболее важными из них в культурном отношении (на пару столетий опередившими свое время) были Вольтер и Руссо. Философия Вольтера была смесью Ньютона, Локка и Шефтсбери. В то же время он пропагандировал те либеральные идеи, которые произвели революцию в Англии. Его героическая, неутомимая, самоотверженная борьба за справедливость, терпимость, гуманность, свободу мысли и любовь к человечеству против всех сил тьмы не может не вызывать восхищения. В этом его стремлении ему помогало множество энциклопедистов и популяризаторов. Они в целом пропагандировали физикализм, не подозревая о существовании высших материальных миров, одинаково закономерных.

⁷Апостолы невежества думают, что нужно просто снести все и «впустить воздух и свет», чтобы пустыня превратилась сама собой в рай. Просто провозгласите свободу, и все люди станут святыми. Просто проповедуйте братство, и все они станут ангелами. Просто уничтожьте унаследованное, и вы создадите идеальное общество. Просто скажите массам, жизненному невежеству, что они все понимают и всех жизненных проблем больше нет. Вольтер позже осознал опасность популяризации: «Как только массы начинают рассуждать, все пропало.» «Как только массы принимают учение, оно тем самым

становится ложью.» (Кьеркегор)

⁸Испытывая власть идей над собой и переоценивая их власть над всеми другими, у кого они не были латентны, эти идеалисты (культурная элита) упускали из виду то, что то, что для них, как для культурной элиты, было необходимым освобождением, не было лучшим для тех, кто видел в свободе лишь вожденную возможность произвола и своеволия. Для культурного индивида неуважение и непочтительность являются признаками эмоциональной грубости и варварства. Это понимание нашло свое самое ясное выражение в древней китайской культуре, которая теперь погибла в новом цивилизационном варварстве. В истинной культуре все, связанное с диктатурой (бесправием), исключено. Знание предназначено для тех, кто уже приобрел его, а вместе с ним и понимание закономерной свободы и ответственности, которая сопутствует свободе. Для людей, находящихся на стадии варварства, гуманность – это то же самое, что требовать прав без обязанностей. Равенство ведет к презрению ко всему высшему. Глупец не только есть хозяин своей собственной мудрости, что является его очевидным правом быть, но он хочет быть авторитетом и для мудрых.

⁹Все революционные идеалисты виновны в этих и подобных им неправильных выводах. Они верят, что идеи, побуждающие их жертвовать всем ради истины, справедливости и свободы, латентны и у других людей. Они верят, что если только несколько человек покажут пример, то все остальные последуют за ними. Сколько этих людей с болью в сердце видели, как их идеалы, более дорогие, чем что-либо, были растоптаны в пыль теми, кому они пытались помочь, презираемые эгоизмом и жестокостью! Сколько из них сами стали жертвами слепой ярости освобожденных масс!

¹⁰Среди всех этих неблагоприятных сангвиников был только один реалист – Руссо. Именно ирония судьбы сделала Руссо избранным философом французских революционеров, и поэтому многие ошибочно судили о нем. Приведенных ниже цитат из него должно быть достаточно. Они весьма многозначительны: «Лучшая естественная конституция – это та, согласно которой мудрые правят невеждами. Демократия – это образ правления, подходящий не для людей, а для расы богов. Никогда не было и никогда не будет настоящей демократии.» Руссо не питал иллюзий относительно ценности той философии, науки и культуры, которые были у него перед глазами. Он даже зашел так далеко в своем презрении к поверхностности и легкомыслию аристократии своего времени, что объявил разум никуда не годным, а мыслящего человека выродившимся животным. По его мнению, культура и философия помогли развратить людей. Вольтер поблагодарил его, саркастически заметив, что у него «появилось желание ходить на четвереньках». Конечно, люди неправильно поняли Руссо, который под «возвратом к природе» подразумевал освобождение от искусственности и притворности, которые всегда характеризовали европейскую культуру.

¹¹В учебниках французская популярная философия обычно упоминается в связи с немецким гуманизмом, революцией другого рода. Лессинг, Гердер, Шиллер и Гете были посвященными розенкрейцерами, представлявшими суверенную точку зрения, совершенно отличную даже от профессиональных философов (Канта и т. д.), которые все еще имели дело с принципиальным мышлением стадии цивилизации. Они показали, что достигли перспективного мышления стадии гуманности, которое облегчает соприкосновение с миром идей. Как и в Древней Греции, именно эти гуманисты, пирамиды в Сахаре немецкой культуры, сделали свою эпоху временем нового блеска в европейской истории. До тех пор немецкая «культура» была французской. Эти люди сделали из полуварварского немецкого языка совершенный литературный язык. Они пробудили к жизни немецкое своеобразие и освободили литературу от подражания классическим и французским образцам, а мысль – от господствующего умствующего рационализма. Они вынудили церковь открыть в Евангелиях весть о любви, единственно спасительную, на

которую до тех пор мало обращали внимания. Они стали поборниками правды и справедливости, терпимости и гуманности. Истинное величие этих людей до сих пор не понято.

¹²Лессинг, которого называли исследователем истины и врагом лжи, подчеркивал различие между богословским догматизмом церковных соборов, евангельским учением о Христе и эзотерическим учением Христа. Показывая законы стиля, он заложил основы современной эстетики. В своей работе о воспитании человечества он объяснил развитие культуры и правового представления от стадии полного невежества до конечной цели в просматриваемом в дали будущем. Различные религии отмечают различные стадии развития. Ни одна религия еще не сказала последнего слова. Человечество продвигается шаг за шагом, направляемое непрерывным откровением, через идеи, эзотерического знания. Насколько он опередил свое время, лучше всего явствует из того, что он осмелился указать на то, что перевоплощение (а не метемпсихоз, подразумевающий, что человек может переродиться животным) является единственно возможным способом соединения всеведения, бесконечной доброты и всемогущества божества с очевидным существованием зла и кажущейся несправедливостью жизни.

¹³Отношение людей к новым идеям, их нетерпимость и маниакальное преследование всех носителей идей, их неспособность воспринимать идеи реальности, конечное признание которых может быть только вынужденным медленно и поодиночке, были одними из причин, по которым знание держалось в секрете. Знание реальности предназначено только для тех, кто не может злоупотреблять властью, для тех, кто готов пожертвовать собой ради служения человечеству, эволюции и единству. Как и все другие ордена эзотерического знания, розенкрейцеры учили, что все существование – это гигантский процесс развития. Монады, которые в минеральном царстве имеют лишь возможность активного сознания, в каждом высшем царстве приобретают более высокий вид сознания, все большее участие в космическом совокупном сознании. Лейбниц намекнул на эту основную идею, и Лессинг внес несколько относящихся сюда идей.

¹⁴Гердер разработал философию истории. Для философов так называемого просвещения история была историей человеческой глупости и жестокости. Для Лессинга это была история медленно пробуждающегося разума. Гердер видел в истории стремление индивида к своеобразию. В человеке вся природа пробуждается к ясности и самообладанию. Не вдаваясь в подробности, он описывает, как душа живет между воплощениями в сиянии яркого пространства и ищет свой путь обратно на землю, чтобы обрести самосознание и самоопределение, развить самосознание в совокупное сознание, охватывающее все больше (эзотерически: приобретать все больше идей интуиции как подготовку к окончательному пониманию системы эзотерического знания). Гердер подчеркивал, что историк должен войти в описываемые им эпохи и попытаться понять каждый период с точки зрения его своеобразных условий и способов рассмотрения. У нас есть проблеск идеи истории как пробуждающегося разума, идеи, вокруг которой Гегель должен был поднять большой шум, должным образом приводя ее в беспорядок. «Юм считал, что истоки религии следует искать в страхе человека перед неизвестным. Гердер считал, что она является первой попыткой первобытного человека объяснить существование. Ветхий Завет, давший Вольтеру неисчерпаемый источник сатиры, был для Лессинга первой книгой для чтения человечества и для Гердера подлинной народной поэзией. История жила в виде сказки, а сказка – в виде истории.»

¹⁵Шиллер осознал, что категорический императив Канта был попыткой заменить моисеев диктат «ты должен» совестным «предписанием долга» под видом самоопределения, а потому не выражением истинной автономии; что мораль есть свобода, а не принуждение (даже изнутри). Шиллер отказывался принимать любую существующую форму религии на религиозных основаниях и любую господствующую философию на логических основаниях.

¹⁶Гете, великий синтезатор, усвоил бóльшую часть собранных идей человечества. Знатоки найдут везде в высказываниях посвященных намеки, которые выдают источник их знания. В таких случаях историки тщетно ищут первоначальные влияния. Каждый накладывает свой отпечаток на идеи в соответствии с собственным своеобразием. Таким образом, только те, кто способен дать им самостоятельное выражение, созрели для них.

¹⁷Будучи посвященным, Гете получил знание некоторых фундаментальных фактов. Например, он знал о высших мирах и о том, как невозможно человеку, воспринимающему только видимый мир, пытаться самостоятельно объяснить существование. Он также знал, что между сознанием и материальной реальностью нет пропасти, что сознание прямо и непосредственно переживает эту реальность, что материя, движение (энергия) и сознание являются различными аспектами одной и той же реальности.

¹⁸Всякое понимание зависит от участия индивида в космическом разуме. Все существа имеют столько этого, сколько им нужно для того, чтобы иметь возможность развиваться дальше, сколько у них есть приобретенных опыта и способности к выражению опыта на своем уровне развития. Человек продвинулся так далеко, что он способен постигнуть, что есть нечто большее, чем видимое, что высшее существование не может быть понято на низшей стадии развития, что человек будет способен постичь смысл существования, как только он получит требуемые факты.

¹⁹Согласно эзотерическому представлению об искусстве Гете, художник должен стремиться открыть первичные формы, которые в формах жизни природы стремятся к совершенству, и поместить общее в частное, как и законосообразность в природе. Художник должен стремиться превзойти природу. Для художественного изображения подходит только то, что выражает идею. Произвол субъективизма Гете справедливо охарактеризовал как необузданность.

²⁰Благодаря Шиллеру, который понимал Платона лучше, чем кто-либо до него, который очистил кантовское словоблудие и сформировал свою собственную разумную теорию познания, Гете научился понимать то, что Кант с своей абсурдной схоластикой не мог объяснить. Шиллер показал, что мы можем постичь частное только из общего, что идея есть общее, что идея необходима для правильного восприятия, что идея дает возможность поместить факты в их правильные контексты, что идея может правильно объяснить реальность.

²¹Как и все посвященные, Гете знал, что все достигнуто наивысшей божественной стадии через различные божественные промежуточные стадии. Одно и то же божественное единство жизни есть во всем, как внутри всех существ (бог имманентный), так и вне собственного существа (бог трансцендентный). Именно бог–природа производит все во всех, заставляет каждое существо достичь своей конечной судьбы. Религия – это то единство, которое человек ощущает, когда переживает, как в необходимости жизни (Закон = совокупность всех законов природы и законов жизни) все взаимодействует для достижения наилучшей возможной цели.

²²Мы здесь для того, чтобы иметь опыт и учиться на нем. Свообразие ищет себе те условия, в которых можно учиться. Наше развитие зависит от того, как мы используем время для познания реальности и законов жизни, приобретения знания, качеств и способностей. Мы можем учиться у всего. Нет ничего банального, ничего слишком простого, и нет незначительного опыта, если мы правильно его понимаем. Как люди, мы становимся готовыми к более высоким задачам, когда усвоили все, что находится в пределах человеческого понимания.

²³Считалось, что Гете принял неудачное кантовское построение так называемого морального закона с его долгом повиновения, чувством принуждения и упразднением свободы (как только обнаруживается фиктивность кантовской автономии). Ничто не может быть более ошибочным. Будучи посвященным, Гете знал о великом Законе,

совокупности всех законов природы и законов жизни, которые мы сами должны искать, находить и учиться трудно применять, если мы хотим достичь высшего, быть способными отождествляться с божественными реальностями. Именно этот закон, а не фикцию Канта имел в виду Гете.

²⁴Бог–природа управляется вечными, непоколебимыми законами, которые исключают произвольность своеволия. Мы подчиняемся законам природы, даже когда пытаемся не уважать их. Мы действуем по ним, даже когда считаем, что действуем против них. Зло тоже по-своему служит добру. Закон развития ведет все к окончательному завершению.

5.27 ФИЛОСОФИЯ РОМАНТИЗМА

¹Многие читатели могут подумать, что весь этот романтизм можно было бы смело опустить в обзор, который только намеревается проследить человеческое мышление к в его стремлении к истинно разумному объяснению существования. Однако эти романтики все еще играют слишком большую роль, чтобы это было возможно. Давно пора должным образом указать на их причудливые ошибки. По большому счету история философии – это история ошибок. Ее значение заключается в том, что она объясняет необходимость знания фактов для высказывания мнений, что невежество без фактов о существовании порождает только абсурдные вымыслы и причуды, что нельзя даже правильно задать вопросы, пока не знаешь правильных ответов.

²Философия романтизма продолжала дезорганизовывать менталитет, процесс, начавшийся с софистов, был продолжен схоластами, чтобы коснуться дна с Гегелем. То, что пришло с тех пор, – это инфантильные попытки подражания.

³Эти романтики – лучший пример риска погрузиться в мир мыслей настолько глубоко, чтобы потерять контакт с реальностью и принять фантазии за факты или аксиомы. Так легко забыть, что понятие и реальность вовсе не обязательно имеют какое-то отношение друг к другу. Несомненно, системы необходимы для понимания реальности. Но мы должны довольствоваться построением ориентирующих систем обзора, пока не соблаговолим изучить эзотерическую систему. До тех пор мы должны ограничиться попытками подогнать факты, установленные исследованием, к их правильному контексту.

⁴Своим смешным высказыванием (принятым философским потомством) о том, что «реальность соответствует нашим представлениям», Кант (подобно софисту Протагору в свое время) широко распахнул дверь для философского фантазерства. Недвусмысленно он проявил типичную тенденцию субъективизма, тенденцию к суверенному произволу. Это становится очевидным у него и у трех его ближайших последователей: Фихте, Шеллинга и Гегеля. Читая их, можно подумать, что слушаешь лекции в эмоциональном мире, на которых на практике демонстрируется, как материя подчиняется малейшему намеку сознания, и, таким образом, что реальность – всего лишь плод воображения. Такая ошибка была бы объяснима как в эмоциональном, так и в ментальном мире. Но это не относится ни к нашему видимому миру, ни к миру платоновских идей. А физический мир – это тот, в котором мы находимся и которого мы должны придерживаться, когда мы хотим попытаться понять его реальность. Мы узнаем о других мирах, когда доберемся туда. В данном контексте они не имеют отношения к делу. Каждый мир – это отдельная вещь, хотя существуют определенные аналогии.

⁵Субъективисты проявляют явную склонность к произволу. У романтиков этот произвол проявился в их своевольном истолковании непреходящей реальности.

⁶Обманувшись его собственным названием своих книг, мир назвал Канта критическим философом. Насколько незаслуженно это почетное звание, будет показано, когда мы будем говорить о Канте. Это общая черта у людей, что они думают, что они что-то, что они лишены всех возможностей быть. Самообман велик, и желание – это отец мысли. Именно Кант завел философию в тупик, где его подголоски все еще блуждают,

ментально дезориентированные.

⁷Характерной чертой Фихте, Шеллинга и Гегеля является их стремление к конструированию, делающее восприятие поверхностным, попытка загнать идеи в искусственные ящики, не понимая стоящей за ними реальности.

⁸Фихте и Шеллинга называли трансцендентальными философами. Это должно означать, что они были философами имманентности и держались в пределах возможности познания нормального индивида, то есть в пределах физического существования, единственно разумного для тех, кто не приобрел каузального ума. На самом деле они тоже были «метафизиками», хотя и еще более фантастического толка.

⁹Философия Гегеля была провозглашена некоторыми как абсолютная философия. При этом они определили неразумное как «абсолютное». В понятийном отношении абсолют – это то, что аксиоматично.

¹⁰Шеллинг и Гегель изучали все, что могли достать во всех дисциплинах, которые, конечно, были тогда еще в зачаточном состоянии, чтобы найти материал для своих систем воображения. Они усердно пользовались потоком идей, исходивших от тех многих гуманистов, которые с середины XVIII века активно работали над повышением уровня культуры. Они засунули эти идеи в смирительную рубашку своих фиктивных систем, не беспокоясь о том, что идеи при этом были сильно искалечены.

¹¹Учебники истории философии дают совершенно ложное представление об этой спекуляции, так как абсурды были отсеяны, идеи удалены из своих нелепых обрамлений, и все это, таким образом, было сделано довольно презентабельным. То, что комментаторы спустя годы считали возможным усмотреть в трудах своих предшественников, часто ошибочно приписывалось им. Вы должны обратиться к собственным произведениям этих романтиков со всеми их бесконечными словоблудиями, их утомительным жонглированием понятиями и придирками к словам. Тогда вы увидите, что их хваленые идеи были отчасти старыми эзотерическими идеями, отчасти такими, какие можно найти в современной литературе. Единственно оригинальной была их новая формулировка. Эзотерик устанавливает, что прочное не было новым, а новое не было прочным.

¹²Многие люди изучают философию неправильно; они вырывают идеи из контекста, заставляя их терять то значение, которое они имели для разных мыслителей. Эти идеи были известны древним, но они были неверно истолкованы и плохо обработаны в более поздних системах. Существенна сама критика, показывающая ментальную остроту восприятия различных философских толкований, критика многих неправильных представлений об идее.

¹³Снова и снова встречаются такие фразы, как «сказал Спиноза», «сказал Фихте» и т. д., до бесконечности, предваряющие то, что они никогда не имели в виду. Таким образом, им приписывают идеи, которых у них никогда не было, поскольку они неправильно их понимали. Открытия и наблюдения более поздних времен вчитываются в их работы. Они использовали эти слова, но не понимали их разумного содержания или содержания реальности. Надо остерегаться всезнаек-последышей, которые своими умствованиями пытаются объяснить, что «они действительно имели в виду».

¹⁴Возможно, не так уж далеко то время, когда изучающие философию, читая труды этих романтиков, будут с удивлением спрашивать себя, как такое могло быть написано, напечатано и общепринято разумным. Как метко заметил Шопенгауэр, характерной чертой немецкого менталитета является склонность видеть в непостижимом бездны глубокомыслия, и предпочитать смотреть в облака за тем, что лежит у собственных ног. В схоластике тоже обнаруживается та же тенденция делать все как можно более сложным, а самоочевидное – непостижимым, пытаясь объяснить это с бессмысленным глубокомыслием. Кроме того, образование в те дни было заметно схоластическим, сковывающим мышление. У образованных людей потребность освободиться от этих

оков мысли была настолько велика, что они были готовы принять все, что освободит их от интеллектуальной тирании, которую они чувствовали все более угнетающей. При выборе между различными абсурдов они выбрали новый, который был представлен именно таким образом, который привлекал тех, кто имел схоластическое сверхобразование. Конечно, не было никакой возможности опровергнуть фантазерство фактами исследования, так как в те времена естественная наука, которая является единственной, которая может дать нам знание по крайней мере физической реальности, едва существовала.

5.28 Кант

¹Философия Канта оказала такое разрушительное и парализующее мышление влияние, что, к сожалению, необходимо подробно рассмотреть некоторые наиболее важные из его многочисленных произвольных построений. Нелегко было обнаружить и опровергнуть их ложность. У значительного числа философов, математиков и естествоиспытателей ушло более 150 лет на то, чтобы устранить все фикции Канта.

²У многих авторов учебников по истории философии, равно как и общих энциклопедий встречается неискоренимая, казалось бы, фраза о том, что Кант был чудом остроумия и глубокомыслия. Бесчисленные ученые заработали себе докторские степени и профессуры благодаря его философии. Каждый считал себя способным показать, что Кант должен был иметь в виду по тому или иному вопросу. Все выдвинутые различные толкования были защищены с большим количеством доказательств. Поскольку никто не мог понять его, только самые трезвомыслящие осмелились предположить, что, возможно, великий Кант ошибся в какой-то незначительной подробности. В письме к своему другу Беку Кант сам признавался: «Я признаю, когда пишу это, что не понимаю даже самого себя.» (Неудивительно, что в конце концов он оказался слабоумным.) Учитывая, сколько требуется для достижения такого осознания, было бы не слишком смелым сказать, что это лучшее, что когда-либо говорил Кант. Лихтенберг сатирически заметил, что философы, будучи не в состоянии понять Канта, обвиняли не Канта, а свой собственный разум. Кроме того, казалось бы, неспособность Канта выразить свое мнение должна была быть достаточным предупреждением. Ни один здравомыслящий интеллект не напишет так. «Неясное письмо – это неясное мышление.» Давно пора показать Канта таким софистом, каким он был. Ницше охарактеризовал его, недоброжелательно, но отнюдь не без основания, как «переросшего понятийного калеку».

³Кант был схоластом, логицистом, психологистом, субъективистом, позитивистом, агностиком, прагматиком, антиметафизиком и метафизиком. Все эти различные взгляды всегда находили у Канта что-то полезное. Неудивительно, что он стал тем авторитетом, на которого все могут ссылаться.

⁴Многие ошибки Канта включают, среди прочего, его разделение реальности на явление и вещь в себе; его абсурдное утверждение, что материя есть нечто совершенно неизвестное и лишенное качеств; его неудачные изобретения пространства и времени как форм созерцания, «чистого» разума, категорий, априорных синтетических суждений, антиномий разума, «практического» разума, категорического императива и трех «трансцендентных» идей. И с таким безумием они идиотизировали всех изучающих философию.

⁵Кант был схоластом. Вся его философия имела дело с формой и содержанием схоластики. Странными были вещи, которые он делал из них. Форма стала «чистым» разумом (пустым разумом без содержания). В эту форму он соорудил двенадцать различных ящиков, которые он получил из форм суждения схоластики. Им было дано впечатляющее название категорий (собственно: предельные абстракции). В эти ящики он рассортировал все чувственные восприятия человека, сказав, что мы не можем воспринимать реальность иначе. Это равносильно утверждению, что мы не могли бы воспринять моря

и континенты земного шара иначе, как через сетку долгот и широт. Он не указал никаких единиц восприятия, которые логически синтезировали бы психологические восприятия. Его категории – произвольные построения. И он не объяснил, как возникли те единицы восприятия, или понятия, которыми пользуется деятельность ума. Эти единицы позже привели к различию между тем, что первично в логическом, и тем, что первично в психологическом отношении.

⁶То, что Хегерстрему (Hägerström) так и не удалось освободиться от Канта, показал его неизменный лозунг: «Метафизика должна быть уничтожена.» Это было вполне в духе Канта. То, что Кант был агностиком, несмотря на то, что он говорил о религии, явствует из его отрицания существования духовной реальности.

⁷Кант был субъективистом. В первом издании своего теоретического труда он отрицает существование материального внешнего мира, которому было позволено существовать только в нашем представлении. Это явствует из следующей цитаты: «с устранением мыслящего субъекта должен исчезнуть весь телесный мир.» «Или: «Мир перестает существовать, когда мы отворачиваемся от него». Абсурдность этого способа рассмотрения иллюстрируется у передового ученика и «престолонаследника» Канта, согласно которому «наивно говорить, что предметы существуют не только в нашем представлении, но и реально существуют», и «геологические процессы не имеют объективного существования, так как не существовало сознания, которое могло бы наблюдать их. Вся космология Лапласа собственно не может быть истинной, ибо она есть описание предметов, которых никогда не было, поскольку они ведь могли существовать только в мозгу.» (Parerga § 28 и § 85). Это означает, что мы ничего не можем знать о том, что является объективной основой и критерием нашего знания: о самих предметах.

⁸Во втором издании Кант пытался «спасти» существование внешнего мира. Ирония философской судьбы состоит в том, что потомки, веря в непогрешимость Канта, не имея нити Ариадны и не находя выхода из гротескного лабиринта, сделали «чудовище» в нем самым большим из всех.

⁹Кант был психологистом, под которым понимается теоретик познания, пытающийся заменить логическое восприятие реальности объяснениями чувственной физиологии.

¹⁰Кант был логицистом. Видимый мир был построением субъективных понятий. Последующие романтики взяли это за отправную точку и построили реальности из фикций (как это делали схоласты), которые не имели ничего общего с реальностью. Только в XX веке философы в целом осознали, что знание реальности состоит из фактов, помещенных в их правильные контексты, и что эти контексты составляют единственно реальную систему знания. До тех пор, пока эта система не будет полностью построена, мы должны довольствоваться временными системами, чтобы иметь возможность ориентироваться в реальности.

¹¹Пространство и время не являются формами созерцания, независимыми от материи. Достаточно указать, что как физический, так и эмоциональный и ментальный материальные миры, как и все еще более высокие миры, имеют свои собственные виды пространства (измерения) и времени (длительности) и что они определяются природой материальной реальности. Благодаря деятельности своего ума ребенок уже в первый год жизни автоматически вырабатывает правильные «инстинктивные» представления о ряде качеств, принадлежащих к материальной реальности, которые впоследствии благодаря деятельности разума будут сформированы в понятия. Автоматизм ума – это главным образом инстинктивный, механический процесс – один из многих процессов, постоянно происходящих в подсознании, – который превращает переживаемую множественность в те единицы восприятия, которые делают деятельность ума возможной или облегчают ее. На более высокой ступени развития разума этой деятельности соответствует концепция идей, которая есть также процесс обретения единства.

¹²Например, восприятие пространства развивается путем наблюдения форм материи, а восприятие времени – путем наблюдения различных видов временных интервалов. Как математическое понятие, физическое пространство строится посредством определений его трех измерений таким же образом, как и другие математические основные понятия (аксиомы) строятся из тех элементов опыта, которые дает ум.

¹³Ум обеспечивает необходимые условия, материал реальности для описания реальности или установления фактов. Разум перерабатывает этот материал путем размышления. Если результат неверен, то это вина не ума, а разума. Ум наблюдает за движением Солнца по небу. Объяснение разума, что это происходит потому, что Солнце движется, в то время как земля стоит неподвижно, неверно. Некоторые вводящие в заблуждение оптические преломления («оптические противоречия») ум будет исправлять путем дальнейшего наблюдения. Правильные объяснения разума обычно пришли много позже. Разум получает весь свой материал реальности и материал знания от ума. Разум – это наша способность к обработке, расследованию и конструированию. Последующая проверка всегда доказывает правильность ума. Наши ошибки начинаются с обработки разумом, с гипотез, теорий и всех других видов объяснений.

¹⁴Сильно раздули априорные синтетические суждения, этот вымысел Канта. Правильное объяснение априорного в нашем восприятии давным-давно дал Платон. По его мнению, существует другой вид уверенности, чем уверенность обычного опыта. Эта уверенность является результатом воспоминания заново понятий, приобретенных в предыдущих воплощениях. Таким образом, все априорное в конечном счете получено из опыта. Непогрешимость математики в остальном обусловлена тем, что она наглядно представляет собой точное построение аксиом, полученных из опыта физической реальности и трех измерений физической материи. Кстати, животные тоже приобрели ту же априорную уверенность, которая проявляется в их инстинктивном и спонтанном доверии к всеобщей закономерности жизни, несмотря на их незнание оснований и причин. Кантовские определения аналитических и синтетических суждений неверны, так как основаны на его смешении психологических и логических критериев.

¹⁵Многие изобретения Канта включают в себя его так называемые антиномии разума. Конечно, в самом разуме нет противоречий. То, что мы используем довольно много взаимно противоречащих гипотез, зависит от отсутствия у нас фактов, требуемых для объяснения. Каждое применение закона тождества абсолютно. Согласно закону тождества, понятие как понятие абсолютно. Каждое дедуктивное заключение абсолютно. Каждый факт абсолютен. Будучи поставленным в отношения к другим понятиям, понятие приобретает относительное значение. Антиномия разума означала бы, что что-то в самой функции нашего разума заставляет нас помещать факты в неправильные контексты. Это явная бессмыслица.

¹⁶Кроме того, произвольное деление Кантом реальности на явление и вещь в себе вводило в заблуждение. Он нашел у элеатов термины «феномен» (физическая реальность) и «ноумен» (ментальная реальность). Не понимая этих двух совершенно правильных различий, Кант сделал феномен, или видимый мир, иллюзорной реальностью (*Erscheinung* = внешность), материей, лишенной всех качеств, и ноумен (*Ding an sich* = вещь в себе) – непостижимой причиной иллюзорной реальности. Кант также определил совершенно произвольный и непреодолимый предел между исследованным и еще не исследованным, между тем, что может воспринять нормальный индивид, и тем, что может установить высшее объективное сознание. Чтобы еще больше подчеркнуть эту противоположность, Кант переопределил слово «трансцендентальное», чтобы обозначить противоположность трансцендентного. «Трансцендентальное» должно было означать «в пределах человеческой способности к восприятию». «Трансцендентное» означало то, что находилось за этими пределами, то, что было непостижимым, непонятным,

иррациональным, метафизическим. Трансцендентальное – это обработка разумом физического опыта. («Трансцендентное» и «трансцендентальное» не различаются в употреблении других языков.) Кант называл свою философию трансцендентальной философией. Со свойственной ему неясностью и двусмысленностью он также называл ее метафизикой. Конечно, прошло много времени, прежде чем стало общесоизвестным, что Кант отверг все «метафизическое» как непостижимое для разума. С присущей ему самоуверенностью он объявил, что «никакой метафизики сверхчувственного никогда не будет написано». Кант не был бы Кантом, если бы и в этом вопросе не противоречил самому себе. О «вещи в себе» мы ничего не можем знать, он решительно утверждает. Тем не менее он дает два совершенно непонятных сведения по этому поводу, оба из которых, конечно, ложны. Таким образом, он утверждает, что материя, которая на самом деле содержит все качества жизни, лишена всякой характеристики и абсолютно лишена качества. Говорить о «внутренности природы» (совершенно правильно, конечно, эзотерически) – это, говорит он, «чистое воображение». Далее он утверждает, что сверхфизическая реальность, о которой ничего не известно, находится «за пределами пространства и времени». Это вводящее в заблуждение выражение Канта с тех пор стало крылатым. Таким образом, Кант считал, что пространство и время принадлежат к феноменальному миру (видимому миру, трансцендентальному), а не к метафизической (трансцендентной, сверхфизической) вещи в себе. В своем незнании реальности он не подозревал ни о существовании тех высших миров, существование которых утверждают как эзотерика, так и индийская философия йоги, ни о том, что выражение «вне пространства и времени» обозначает пифагорейский хаос, вне космоса. Можно сказать, что Кант, как и схоласты, делал все возможное, чтобы ввести в заблуждение и оглупить. Только с появлением современной ядерной физики те оковы, которые он пытался выковать для научных исследований, были разрушены. Тем самым исчезают и те «пределы естественных исследований», которые, как полагал в свое время д-р Буа-Реймон, он мог определить. Для исследований (хотя бы и инструментальных) нет пределов, как и для развития сознания.

¹⁷Кант не осознавал того, что своими чувствами мы принадлежим к эмоциональному миру, своими мыслями – к ментальному миру, своими интуициями – к миру идей. Он был совершенно лишен какого-либо инстинкта высшей реальности, какого-либо чувства переживаний, имевшихся на стадии мистика. Он был щедр на сарказм, когда высказывался о более высоком существовании, чем физическая жизнь. Его критика Сведенборга (которого он упорно называл Шведенбергом) показывает, что он был неспособен воспринимать что-либо из высшей реальности. Сочинения Сведенборга, содержащие много эзотерических фактов в символическом представлении, он отвергал как «четыре тома ин-кварти, полные безумия». Но, во всяком случае, сколько понимания можно ожидать от человека, способного на эту типичную для Канта пустую фразу: «Легко видеть, что всякое предчувствие есть плод воображения, потому что как можно воспринять то, чего еще не существует?». Что касается Сведенборга, то он обладал эмоциональным объективным сознанием и видел в эмоциональном мире много вещей, которые он интерпретировал с помощью тех неправильных представлений о природе этого мира, которые он ранее составил себе. Все ложные представления, которые человек приносит с собой, находят подтверждение в эмоциональном мире. Вот почему его называют миром иллюзий.

¹⁸Кроме своей «критики» чистого (теоретического) разума Кант создал также «критику» (чистого) практического разума. Все, что можно сказать об этом, – это то, что такого особого разума нет и что кантовская критика его есть не более критика, чем теоретическая, а просто построение воображения.

¹⁹В своей первой так называемой критике Кант опроверг лжемудрые доказательства существования бога, бессмертия души и свободы воли. Согласно его теоретическому

разуму, мы не можем ничего знать о трех трансцендентных идеях, ибо они принадлежат к трансцендентному, а не к трансцендентальному. Но когда он пришел к построению своего практического разума, он снова нуждался в них. Используя какую-то поэтическую абракадабру, он сделал трансцендентное трансцендентальным. То, что нам нужно, должно быть правдой. Сделав это, он заложил первые основы прагматизма, нового вида логики, создавшего школу. Правда, всегда существовала тенденция в этом направлении. Вольтеру нужен был бог, а Сундбергу, шведскому архиепископу, – ад, «чтобы держать крестьян в узде».

²⁰Однако Канту нужны были и доказательства в поддержку его трех трансцендентных идей: Нет никаких платонических идей. Но теперь есть эти трое. Без этих трех не может быть никакого нравственного существа. Опыт показывает, что существуют нравственные существа. Следовательно, трансцендентные идеи должны существовать. А затем – сальто: нравственность, понятие добродетели, не может быть почерпнутой из опыта, поскольку никто не соответствует понятию добродетели и, следовательно, не является нравственным существом.

²¹Кант изобрел «нравственный закон». Этот термин, правда, был придуман Фихте, который всегда доводил худшие вымыслы Канта до абсурда. Но это была мысль Канта. Он назвал свое построение категорическим императивом: ты должен. Итак, вот снова схоласт с формой и содержанием. Форма была «чистым» (пустым) практическим разумом без всякого содержания, с повелением: повинуйся. Содержание состояло в повиновении приказам власти, а также в соблюдении принципов, выработанных самим собой.

²²Теологи создали из этого изобретения Канта новую дисциплину: моральную теологию. Во-первых, три трансцендентные идеи, о которых утверждал Кант, что существуют, после того, как он доказал, что их нет. И затем, в дополнение к этому, его впечатляющая переформулировка старого моисеева закона: ты должен. Безусловно, твердая опора.

²³Согласно Канту, нравственное поведение состоит в подчинении правилу. Мы всегда можем знать, как нам следует себя вести, уверяет он со свойственной ему самоуверенностью. Нам нужно только заботиться о том, что то правило, которое мы изобретаем, может быть сделано законом, который может быть действителен для всех при любых обстоятельствах. (Уже это абсурд.) То, что не может быть выведено из принципа, не может быть правильным действием. Тот, чье поведение не руководствуется принципами, аморален. Так, например, человек не должен позволять своему поведению определяться мотивами любви, ибо любовь – это эмоция, а не принцип. Не должно было быть никакого другого чувства, кроме чувства принуждения. Уже то удовлетворение, которое сопровождает выполнение долга, было сомнительным. Заметьте, что это было предписано человеку, существу, которое он объявил непоправимо злым, «животному, которое нуждается в хозяине». Добавьте к этому, что «толпа (*das gemeine Volk*) – это сплошные идиоты».

²⁴Позвольте эзотерику добавить несколько комментариев к этим последним утверждениям, абсурдным как с точки зрения логики, так и с точки зрения психологии. Всякое правовое представление в конечном счете основывается на понимании смысла и цели жизни и ее закономерности. Закономерность можно увидеть в принципе взаимности: «око за око» у варваров и «поступайте с другими так, как хотите, чтобы они с вами поступили» у цивилизованных. Когда человек действует умышленно, он всегда определяется мотивами: физическими, эмоциональными или, когда он окончательно покинул эмоциональную стадию, ментальными мотивами. Никакие правила не могут быть абсолютизированными. Действие обусловлено совокупностью реальных обстоятельств, которые почти никогда нельзя предвидеть. Даже после действия мы часто не можем решить, правильно ли мы поступили. Правильное действие предполагает мудрость, и она

не может быть получена из правил, которые в лучшем случае не могут быть более чем ориентирующими. Лучшие действия – это спонтанные, которые приходят из бессознательного, как только мы приобретаем правильное отношение к жизни. Тот, кому нужно исследовать и анализировать, спорить с самим собой, кто нуждается в том, чтобы на него влияли правила или сентиментальность, или чтобы его убеждали, не обладает той спонтанностью, которая вытекает из жизненного понимания.

²⁵В своем учении о праве Кант требует абсолютного подчинения произволу правящей державы и считает, что человек должен подчиняться бесчеловечным мерам. Многие высказывания Канта показывают его бесчеловечность. Достаточно привести два примера: «незаконнорожденный ребенок находится вне закона, поэтому общество может разрешить его убийство» и: «никакой закон не может снять позор с незамужней матери.» (Как насчет соблюдения закона здесь!)

²⁶Заслуга Канта в том, что он помог нам увидеть абсурдность псевдофилософской спекуляции воображения. Но эту заслугу он разделяет с большинством философов.

²⁷«Посткантианцы» (очень обширное понятие, если оно означает всех, кто ссылается на Канта) в основном перефразировали то, что он сказал, все еще утверждая, что это то, что сказал Кант, то есть частичная правда, иногда очень мало правды.

²⁸Один очень типичный пример логических излишеств позднейших кантианцев: «Если бы наше знание было абсолютным, то законы природы задушили бы у нас всякую самостоятельность мышления, и собственное существование человека было бы бессмысленным. Мы либо полностью потерялись бы в мире, либо были бы вынуждены отстаивать свою значимость догматическими средствами. Как обстоят дела, мы можем беспрепятственно следовать нашему опыту, ибо те понятия, которые делают опыт возможным, в то же время гарантируют суверенитет и свободу человека, исключая знание абсолюта и объясняя ту роль, которую мы сами должны играть в мире. Сам наш орган познания, который мешает нам иметь какое-либо знание об абсолюте, есть тайна и загадка, гарантирующая существование абсолюта и наше участие в нем.»

²⁹Это чрезвычайный пример остроумного и глубокомысленного вздора в духе Канта. В нем нет ни единого разумного слова, то есть слова, согласующегося с реальностью. Мы становимся свободными, устанавливая законы природы и применяя их. Если бы знание как знание не было абсолютным (факты в их правильном контексте), то не было бы и знания. Тайна и загадка ничего не гарантируют. Естествознание не ограничивается видимым в настоящее время. Исследования «бесконечны». Когда мы исследовали физический атом с его содержанием целой серии все более высоких атомных видов, только тогда мы достигнем всеведения наивысшего космического мира.

5.29 Фихте

¹Фихте исходил из Канта, и его заслуга состояла в том, что, преувеличивая причуды Канта, он делал абсурды еще более очевидными. Его остроумные тонкости романтического фикционализма не имеют ничего общего ни со здравым смыслом, ни с реальностью. Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель глубоко презирали здравый смысл, который, тем не менее, является предпосылкой для приобретения высших видов ментального сознания.

²И Фихте, и Канту было трудно объяснить, как они пришли к своим категориям. Кант сконструировал «чистую апперцепцию», которая вызывала их в воображении. Фихте эта конструкция показалась довольно подозрительной, и вместо ее он изобрел другой способ демонстрации непостижимого, а именно «умственное воззрение» как первоисточник знания.

³Фихте взял исходным пунктом то, что кантовская «вещь в себе» совершенно излишня. Если мы ничего не знаем о ней, то, конечно, она и не существует – так что: долой ее! Это уничтожило последний кусочек материальной реальности. Поскольку реальность

подчиняется нашим представлениям, поскольку все может существовать только в сознании, именно я создает все. И поэтому он декретировал: «Я противопоставляет себе не-я», и из себя оно вызывает всю вселенную.

⁴Субъективисты, которые вопреки здравому смыслу сумели вообразить, что материального внешнего мира нет, тщетно пытаются объяснить общезначимое и неизбежное восприятие реальности.

⁵Здравый смысл, который при всей скромности является наивысшей инстанцией человека, возражает против того, что если отрицается объективное существование предметов, то все знание сводится к сплошному фантазерству. Предметы – это объективность сознания и корректив субъективности.

⁶Фихте переименовал категорический императив Канта («ты должен» моисеева диктатора), назвав его «нравственным законом». Историки философии и теологии провозгласили это изобретение великим интеллектуальным открытием. С помощью подобного они всегда умели парализовать мышление и произвести впечатление на невежество и нерассудительность.

⁷Фихте своим отрицанием материальной реальности, объективности и неизбежности существования, своим гротескным вымыслом, что я творит все существование из самого себя, заложил основы немецкого романтизма и националистической истерии.

⁸Именно это подходило фантазерам, не знающим жизни, воображающим себя богами-творцами, достаточно могущественными, чтобы переделать реальность. Этот безграничный индивидуализм верил, что может диктовать жизни произвольные законы. Эти беспомощные, бессильные попытки романтиков уйти от реальности в конце концов привели к поклонению иррациональному, нереальному, ложному, фальсифицирующему жизнь и последовательно к полной капитуляции разума «в верности вере». Ницше можно назвать ответвлением романтизма, все его творчество – это яростные построения иллюзий и фикций XIX века, лишенных содержания реальности. Вслед за ним пришли все эти высокомерные обезьяны-сверхлюди. Можно было подумать, что это был низший предел. Но, кажется, низшего предела нет.

⁹Фихте был тем «философом», который считал, что выбор философии индивидом определяется его этическим взглядом на существование, а не его знанием или способностью воспринимать реальность. Вот что происходит, когда человек лишает себя объективного критерия. Все становится «фиктивным».

¹⁰В своих «Речах к немецкой нации» Фихте утверждает, что противоположность между немецким и иностранным – то же самое, что противоположность между добром и злом. Немецкий (недавно построенный) – единственно подлинный язык, а немцы – единственно реальная нация. Иметь характер и быть немцем – это одно и то же. Только немцы способны к самостоятельному мышлению. Они одни принимают жизнь всерьез. Только у немцев можно образовывать массы. Только немец «способен на истинную, разумную любовь к своей нации».

¹¹Это значит быть последовательным субъективистом.

5.30 Шеллинг

¹Шеллинг – типичный эклектик, охотящийся за идеями и подхватывающий все, что ему попадает. Ему всегда приходилось делать из них что-то новое, так что это никогда не должно было быть этим, но всегда должно было быть переделано в что-то другое. Идеи были переработаны, чтобы они соответствовали жаргону, а затем запущены в виде новых гениальных идей. Он жонглировал естественнонаучными, логическими, телеологическими, метафизическими, мистическими и эстетическими понятиями. Все эстетизировалось и испарялось. Он мог бы опубликовать статью под названием «Мировые эпохи», в которой ни слова не было сказано о мировых эпохах. Кьеркегор, посетивший

его лекции, называл его «грозным болтуном». Это естественно напоминает об излияниях «оратора»: «Мы ищем тень, и когда мы нашли эту тень, мы стоим с пеплом в пустых руках.» Может быть, именно при чтении чего-то подобного Гете нашел меткую сатиру: «Обыкновенно человек верит, что если только он слышит слова, то при этом должно быть что-то мыслимое». Лихтенберг мог бы добавить, что люди считают блестящим то, что находится за пределами их постижения. Или, как кто-то сказал: «Не то чтобы я это понимаю, но звучит неплохо.» Те, кто способен возмущаться этой шуткой за счет разрекламированных «великих», конечно, никогда не были среди тех воинствующих душ, для которых было жизненно важно найти реальность и которые в этой легкомысленной игре со священными истинами находили только пустые слова, фразы, абсурды.

²Шеллинг пытался создать систему из своих идей. Однако все это казалось весьма туманным и слабо мотивированными причудами. Конечно, она была произнесена со всей самоуверенностью прирожденной напыщенности, так что произвела впечатление на нерассудительность. Но те, кто отказывается позволить себя обмануть, вместо этого поражаются всей этой софистике. Можно словно видеть, как эти фикционалисты сплетаются в коконы своих собственных понятий, пока не окуклятся ментально. Они сидят внутри со своей вселенной.

³Это не значит отрицать, что многое из этого может звучать довольно разумно. И ему хватало умения формулировать. Было много метких афоризмов, таких как: «Природа – это бессознательный дух, дух – сознательная природа». Под влиянием идеальной эстетики Шиллера Шеллинг придумал фразу: «Красота есть бесконечное, конечно представленное.»

⁴Несмотря на все свои попытки систематизировать существование, и Фихте, и Шеллинг в конце концов, по крайней мере в завуалированных терминах, вынуждены были признать поражение и то, что они действительно ничего не постигли. Человечество постепенно начинает понимать, что прежде, чем что-либо может быть сделано из духа или природы, требуются факты. Таким образом, Фихте капитулировал, заявив, что теоретическая философия не может решить свои проблемы, но ведет к этике. Затем Шеллинг, в свою очередь, позволяет этике вести к эстетике. По правде говоря, жалкий результат после стольких шумих.

5.31 Гегель

¹Философов следует изучать в их собственных трудах, а не в какой-либо истории философии. Чтобы узнать Гегеля, нужно прежде всего прочесть его «Феноменологию духа». Тот, кто при этом не считает себя будто помещенным в приют для пустословящих, вполне подойдет для того, чтобы «пасти свиней у гегельянцев», как гласило крылатое выражение. Он нашел свое призвание. «На непроторенных тропах будущего он может видеть следы упорядочивающей руки.» Заинтересованные могут ознакомиться с докторской диссертацией Фалена.

²Гегель был очень начитан и хорошо знаком с современной ему ученостью, трудами философов и историей. Он знал, как все это использовать. Историческое невежество признало за Гегелем бóльшую часть усвоенных им идей, например, что какой-то разум проявляется в истории, что противоположность есть рычаг развития, что прошлое существует в настоящем, что идеи составляют систему, являются частями целого, что в системе они имеют относительную значимость, даже если как новые они кажутся абсолютными, что они обнаруживаются в ходе развития.; что идеи могут быть отрицаемы и что их противоположность также содержит идею, так как идеи включают в себя, а не исключают, как понятия; что той цели единства, к которой философия стремится через разумное постижение реальности, религиозный человек пытается достичь через эмоции и проблески, а художник – через открытие красоты. Все эти идеи, простые и ясные,

существовали задолго до того, как их усложнил Гегель, самый крайний из всех субъективистов.

³Идея эволюции витала в воздухе. Она появилась у Гердера, Гете, Ламарка и других. На это часто намекали древние: Гераклит, Аристотель, Плотин и другие. Гегель решил сделать из этих идей систему, процесс откровения духа, процесс, который породил вселенную и особенно проявился в истории философии, которая была «самой сокровенной частью мировой истории». Идея Гегеля состояла в том, что мировой процесс есть логический или диалектический процесс и что его действительной движущей силой является противоречие.

⁴Уже во времена Канта осознали, что те двенадцать категорий, на которых он основывал свое восприятие реальности, несостоятельны. Однако они, в отличие от Шопенгауэра, не осознали, насколько абсурдна вся эта процедура: думать, что можно втиснуть реальность в искусственные ящики. Вместо этого они продолжали фабриковать новые категории.

⁵Гегель создал категории реальности, истории философии, всемирной истории, которую он превратил в «философию истории». Если исторический ход событий не укладывался в его категории, он просто переделывал историю. Такие пустяки не беспокоят великий ум. Как и реальность, история обязана была соотноситься с путями, намеченными разумом Гегеля. Если реальность не согласуется с его построениями, тем хуже для реальности. Если вы знаете, как должна выглядеть реальность, не нужно спрашивать, какова она есть. Две рациональные нормы: «пусть это будет этим» и «не принимайте ничего без достаточного основания» («есть ли для этого факты»), очевидно, неприменимы к «гениям». В гегелевском разуме проявилась феноменология духа. В истории философии мы можем проследить эволюционный процесс духа или то, как диалектическая самостоятельность понятий порождает вселенную, государство, религию и, наконец, абсолютный разум Гегеля; все это чисто субъективные явления, поскольку «объективность» есть иллюзия. Читатели Гегеля пренебрегли его абсолютным субъективизмом, но, надо признать, он хорошо замаскирован.

⁶Диалектический мировой процесс работал в соответствии с определенным методом, открытым Гегелем: методом тезиса, антитезиса, синтеза. Гегель открыл то, что говорит известный трюизм, что культурное развитие, по-видимому, идет путем противоречий. Это связано со сменой поколений. Новое поколение, всегда недовольное условиями, находит большинство вещей неправильными, каковыми они и являются на самом деле, и, делая поспешные выводы, предполагает, что обратное будет правильным. Это вековое понимание того, что во всем есть зерно истины; что значимость и применимость новых (вновь открытых) идей часто переоцениваются. Идея обсуждается со всех возможных сторон, снова и снова до тошноты. Она помещается во все возможные контексты, применяется к похожему и непохожему. Это приводит в конечном счете к реакции против преувеличений, причем сама реакция преувеличивается. Требуется время, чтобы сделать идею относительной, помещая ее в правильный контекст. То, что так должно всегда происходить, было патентом Гегеля, и это было так, потому что таков метод работы мирового духа, но не Наполеона, которого он считал мировым духом, сидящим верхом на коне. Согласно Гегелю, любое изменение означает воплощенное противоречие. В своем суверенном произволе он сделал субъективное объективным, а объективное — субъективным.

⁷Гегелевская диалектика тезиса-антитезиса-синтеза зависит либо от объективного незнания и, следовательно, от возможных противоречивых гипотез, либо от смешения абсолютного и относительного, либо от смешения логического и языкового способов выражения. Мы выражаем себя в абсолютных, а не относительных утверждениях. Если бы язык содержал ряд удобных релятивизмов, то отсутствие релятивизации оказалось

вызванным объективным невежеством. По-видимому, логический формализм затормозил понимание общей значимости теории относительности. Критерием разума является реальность. Противоречие подразумевает непонимание, невежество. Разум полон противоречий из-за своей неправильной обработки содержания ума. Если субъективность и объективность противоречат друг другу, то вина лежит на субъективности. Наша субъективность в сочетании с нашим объективным невежеством заставляет реальность казаться нам нелогичной, так же, как логика более глубокого понимания часто кажется нелогичной для более простой логики невежества.

⁸Во второй половине XVIII века естественные исследования определенно начались в большинстве отраслей науки. Одно открытие быстро следовало за другим. Шеллинг и Гегель внимательно следили за исследованиями своего времени. Нужно было собрать воедино материал для систем. Они взяли все, что могли достать. Не предполагая, что исследования все еще находятся в зачаточном состоянии, они думали, что они уже достигли своих крайних пределов. Таким образом, они могли взять их материал таким, каким он был, и сделать из него абсолютную систему знания. Гегель зашел дальше всех в своей суверенной предприимчивости. Он не только построил систему, но и думал, что сможет доказать, что так должно быть, а не иначе. Результат, конечно, был гротескным. Например, он пытался доказать, что в Солнечной системе не может быть больше семи планет, что железо становится тяжелее при намагничивании, что закон тяготения противоречит закону инерции и другие безумства. Когда позже были сделаны новые открытия, которые выявили его нерассудительность, его система рухнула с треском.

⁹И какой это был крах! После 1830-х годов того, который среди естественников упоминал слово «философия», высмеивали и считали слабоумным. К сожалению, теперь они тоже стали философами и начали спекулировать.

¹⁰То, что философскую часть системы Гегеля не поразила эта участь, зависит от того, что философы стараются сохранить как можно больше фикционализма. Философия из первоначального стремления разрешить загадку существования именно выродилась в самоцель. Она стала изучением истории философии, и тогда, конечно, они стремятся придать ей видимость разумности и замазать фикции. Пытаясь «объяснить» все нелепости, они увеличивают смещение понятий. Эзотерик может позволить себе быть более безжалостно откровенным и признать, что вся философия – это спекуляция воображения невежеством, и как таковая вводит в заблуждение. Упсальские философы Хедвалль, Хегерстрем и Фален, особенно Хедвалль (о котором Гедениус пишет: гениальная работа Карла Хедвалля о теории познания Юма – одна из самых оригинальных и остроумных диссертаций, когда-либо обсуждавшихся в шведском университете»), показали, что все философские системы, построенные до сих пор, логически несостоятельны. Они не одобряли попыток историков философии устранить принципиальные ошибки путем психологизирования и тем самым сделать историю философии историей, а не философией. Но даже они не понимали, что ментальное сознание не может решить проблему реальности.

5.32 РЕАКЦИЯ ПРОТИВ ФИКЦИОНАЛИЗМА

¹Одно научное открытие за другим опровергало диктаторские утверждения Гегеля и проясняло, что реальность есть нечто совершенно отличное от построенных воображения романтиками-фикционалистами. Реакция против спекулятивных систем, господствовавших до тех пор над всем мышлением, была, конечно, бурной. Не только естествоиспытатели, но и образованная публика утратили доверие к философии. Вместо этого они обратились к здравомыслящим ученым с их превосходящим восприятием реальности касательно физического мира. Люди думали, что могут обойтись и без философии. К сожалению, те физикалисты, которые стремились популяризировать

естественнонаучный общий взгляд, не обладали требуемой для этого способностью, что только усугубляло дезориентацию.

²Отказ от истории философии, однако, означал бы лишь повторение одних и тех же ошибок в мышлении. История философии – это история ошибок. Философия не помогает нам ни найти «истину», ни объяснить существование. Она показывает нам, как мы не должны мыслить. Она показывает ошибки в мышлении, неизбежные для человеческого интеллекта. И это достаточно значительно. Единственно разумный способ рассмотрения экзотерической философии состоит в том, чтобы считать истиной то, что остается после совершения всех ошибок. Мы постепенно приблизимся к истине, следуя путем отброшенных ошибок. Как только философы осознают это, они будут относиться к попыткам решения философских проблем совершенно иначе и более критично. История философии должна быть беспощадной критикой, а не попытками сохранить всевозможное фантазерство. Как и сейчас, она в целом серия фальсификаций. Нелепости философов были замазаны или опущены в решающих пунктах, чтобы сделать все это более разумным, несмотря на то, что ошибки часто даже не были обнаружены.

³Есть только два разумных взгляда на существование: взгляд здравого смысла или система реальности, предоставленная гилозоикой. Карл Хедвалль, философ из Уппсалы, с его выдающейся логической проницательностью и здравым смыслом, доказал не только то, что прямое, неразмышляющее восприятие реальности объективным умом является единственно правильным, но и то, что субъективный разум вводит в заблуждение и что ум, который может только установить факты, незащищен против теорий разума. И эта незащищенность делает возможными философские ошибки.

⁴Нет конца исследованиям. У человека нет возможности прийти к какому-либо окончательному результату касательно существования. Экзотерическая «истина», система абсолютного знания – это конечная цель исследования, о которой мечтают. Человечеству предстоит еще очень многое сделать, прежде чем оно исследует физический мир и откроет все физические законы. Для нормального индивида знание реальности – это, в сущности, результат естественных исследований. Задачи философии должны быть ограничены имманентной критикой, исследованием принципов, понятийным анализом и созданием систем обзора, ориентирующих на результаты, полученные исследованием. Философская критика показывает ошибки систем, их неверные основания, внутренние противоречия и абсурдные следствия. Эта критика будет постепенно выявлять все больше ошибок в системах вместо того, чтобы, как сейчас, пытаться их замазать. При анализе понятий нужно поступать осторожно. Все человеческое мышление пронизано вспомогательными понятиями, без которых нельзя обойтись, пока они не будут заменены фундаментальными фактами, либо научными, либо эзотерическими. Лишая себя вспомогательных понятий, мы никогда не находим правильных понятий, а только лишаем себя требуемого материала для мышления.

⁵Еще остается упомянуть четырех философов, поскольку каждый из них нашел и особо выделил одну платоническую идею, согласующуюся с реальностью: Шопенгауэр – всемогущую слепую волю; Гартман – бессознательное; Спенсер – фундаментальный принцип эволюции; и Бергсон – интуицию. Признается, что те системы, которые они строили на своих идеях, были неудачными. Но сами идеи получили свои памятники и таким образом были сохранены для истории идей, наследницы философии.

⁶Наконец, несколько слов о прагматизме. Он, как и семантика, бесконечно типичен для заблуждения дезориентированного разума, для понятийной неясности и беспорядка в мыслях современности. Это произвол субъективизма во всей своей красе. Прагматизм – это философский аналог иезуитизма теологии, который они тщетно пытаются реабилитировать. Прагматизм – это представление о том, что цель оправдывает средства, одетое в философию. Говорят, что так называемая истинностная ценность идеи зависит от ее

пригодности для достижения желаемой цели. Ложь не только может называться истиной, но и является истиной, если она служит определенной цели. Нацисты и большевики также использовали эту идею. Прагматизм также включает в себя попытки сделать научные гипотезы основой системы знания. Такие попытки обречены на провал, поскольку никакие гипотезы не являются надежными в конечном счете. Прагматизм, первоначально относившийся к «целесообразности» или «жизнеспособности» (как к истине), приобрел все более широкое значение, что-то вроде философии имманентности.

⁷Оглядываясь назад на тот путь, который прошла европейская философия в течение своих 2500 лет (зодиакальной эпохи Рыб), можно обнаружить, что человечество медленно приобретало идеи реальности. Человечество должно было поместить эти идеи в фиктивные системы, чтобы воспринять их и сохранить для потомства. Шаг за шагом люди невольно заманиваются в реальность, заменяя свои фикции идеями реальности. Потребность индивидов в ментальной самодеятельности была удовлетворена тем, что им было позволено строить свои собственные системы воображения, более или менее логичные. Бесконечным трудом индивид должен формировать для себя новые миро- и жизневзгляды, используя те идеи реальности, которые постепенно раскрываются, пока человечество не увидит, что знание реальности недоступно человеческому разуму, пока оно не осознает превосходство эзотерики как рабочей гипотезы. Именно этих идей современный понятийный анализ пытается лишить человечество.

5.33 Шопенгауэр

¹Реалистическое воспитание Шопенгауэра, заставившее его смотреть на жизнь и опыт как на источник всякого знания, спасло его от схоластического жонглирования понятиями. Изучая философию, он сразу же увидел нелепость конструирования категорий и построения систем из пустых понятий, пустых потому, что лишенных содержания фактов реальности. Узость его изучений (Упанишады, экзотерический Платон и Кант) помешала ему увидеть ложность трех из многочисленных догм Канта: субъективизма, пространства и времени как форм созерцания и разделения реальности на феномены и вещи в себе. Приняв эти три, он испортил свою собственную систему. Пространство – это измерение, а время – длительность. Время – это способ измерения последовательности событий.

²Первоматерия (хаос) не имеет пространства. Пространство возникает только с космосом. В космосе именно материя делает возможным восприятие пространства, движение делает возможным восприятие времени, а процессы природы делают возможным для нас установление законов природы или причинности – все это различно в разных мирах.

³Согласно эзотерике, реальность имеет три аспекта: материю, движение и сознание. Декарт и Спиноза подчеркивали аспекты материи и сознания, Шопенгауэр же придерживался аспектов движения и сознания. Поскольку все три аспекта абсолютны и, следовательно, не могут быть выведены ни из чего другого, любая попытка объяснить мир, которая не принимает во внимание все три аспекта, обречена на неудачу.

⁴Всю свою жизнь Шопенгауэр колебался между субъективизмом и объективизмом. На самом деле субъективизм был теорией, которая боролась против всего его инстинкта жизни и чувства реальности; вот почему он так сильно подчеркивал причинность материи как замену объективной материи. Никто и не мог изобразить реальность так, как он, никто так не подчеркивал тот факт, что непосредственный опыт реальности является источником всех наших знаний. Иногда реальность для него – майя, ложная видимость, иллюзия. Но чаще всего реальность – это то, чем она предьявляет себя. «Характер природы – это совершенная честность.» Здесь он почти спотыкается об аксиому Хедвалля, что именно наши теории вводят нас в заблуждение, что наш объективный ум беззащитен перед фикциями нашего субъективного разума с их внушающей силой. Именно это

колебание сделало его систему полной противоречий. Понятно, почему Хедвалль, для которого всякое противоречие было мерзостью, называл его романистом. Тем не менее ни один философ новейшего времени не высказал столько эзотерических истин, как Шопенгауэр. Бесконечно типично, что величайший философ XIX века был наиболее презираем профессиональными философами.

⁵Критика Шопенгауэром Канта и его последователей относится к числу наиболее остроумных из когда-либо завершенных. Он блестяще опроверг большинство кантовских софизмов, фиктивность кантовского как теоретического, так и практического «чистого разума». Если бы ему представилась возможность заново вспомнить свое латентное эзотерическое знание, то от Канта-физикалиста ничего бы не осталось.

⁶Интересно отметить четыре его отличия относительно первичных способов восприятия человеком реальности: причины и действия физического хода событий, основания и следствия логического мышления, самоочевидные аксиомы математики, не нуждающиеся в доказательстве, несвобода воли в том, что воля всегда определяется сильнейшим мотивом.

⁷В своем учении о воле Шопенгауэр видел глубже, чем любой другой философ. Воля, источник движения, есть первосила, вечно слепая, динамичная, то есть вечно самодействующая, неисчерпаемая, всемогущая. Для объяснения того, как эта слепая воля может производить целесообразные формы жизни, Шопенгауэр прибегает к системе формирующих «платоновских идей». Шопенгауэр так правильно понял идеи Платона, что это живые силы, каузальные элементалы с идеями, заряженными энергией. (Согласно эзотерике, медленно пробуждающееся сознание во все более высоких царствах обретает все большую способность присваивать слепую динамическую энергию первобытия, которая, таким образом, становится волей.) Его недостаток психологического понимания, недостаток, который заставил его упустить из виду тот факт, что эмоциональность имеет свою собственную реальность, привел к тому, что он не смог придерживаться теории абсолютной слепоты воли. Он именно приписал эмоции воле, придав ей тем самым своего рода сознание; смешение эмоциональности и воли (см. абзац 3.4.7).

⁸И в своем учении этики Шопенгауэр занимает исключительное положение. Он ясно дал понять, что, несмотря на все проповедование, разумная мораль никогда не выдвигалась, что они даже не смогли договориться о ее содержании, основаниях или мотивах. То, что было произведено, – это собрание фикций, произвольностей, табу и априорных мыльных пузырей.

⁹Никакие эгоистические мотивы не годятся. Единственно разумные мотивы – это праведность и сочувствие, но они никогда не подчеркивались ни в одной этической системе, хотя проглядываются у Руссо. К сожалению, Шопенгауэр использовал этот неудачный, отрицательный термин сострадание (Mitleid), который вызвал яростную оппозицию Ницше. Тот, кто страдает с другим, просто бесполезно добавляет к страданиям в мире, вскоре становится комком нервов и поэтому сам нуждается в помощи вместо того, чтобы эффективно оказывать помощь другим.

¹⁰Заповеди и требования зависят от награды и наказания, поэтому они не категоричны, как сказал Кант, но условны. Разумное и праведное действие не обязательно одно и то же; благородное не обязательно разумно, а разумное не обязательно благородно. Долг связан с готовностью принять обязательство. Так называемая совесть – это комплекс страха, суеверия, предрассудков, тщеславия, привычек и других качеств, пропорции которых варьируются в зависимости от способностей, воспитания и влияния окружения.

¹¹Религия также обсуждается в интересном диалоге. Нужно уметь различать религию, которая есть стремление людей к миру идеалов, и церковь с ее невежеством, нерассудительностью и ненавистью. Со своими бесконечными приговорами и осуждениями, с своей нетерпимостью и своими преследованиями, своими пытками и сожжением на

костре церковь утратила все притязания быть авторитетом истины и справедливости. Эти выражения ненависти осуждают церковь, задачей которой было проповедовать любовь. Однако нельзя отрицать, что церковь также сделала много хорошего. В эпоху варварства она боролась с беззаконием, оказывала облагораживающее влияние на грубые нравы и обычаи, занималась благотворительностью, охраняла наследие учености и поощряла искусство украшать свои храмы.

¹²Шопенгауэр был психологически прав в своем мнении, что изучающие философию в университетах ищут не истину, как они думают, а доказательства уже имеющихся у них верований.

¹³Шопенгауэр считал, что он может найти общую черту у святых всех времен: умерщвление воли к жизни посредством квиетизма и аскетизма. Его латентный инстинкт святого вводил его в заблуждение, когда он переживал страдания в мире. В противоположность своему жизненному, здоровому, реалистическому инстинкту жизни он был теоретическим пессимистом. По его мнению, это связано с тем, что жизнь является делом слепой первоволи и не имеет абсолютного смысла и разумной цели. Мировая история, будучи мировым судом, не показывает развития, только бесконечное повторение бесцельности и безрассудства. Но именно так она и сделала бы, если бы человеческое царство было наивысшим природным царством.

¹⁴Конечно, такой взгляд на жизнь оказывает парализующее действие. Согласно эзотерике, жизнь не есть страдание. Страдание – это плохая жатва от плохого посева. Я (монада) воплощается для того, чтобы иметь опыт и учиться на нем, познавать реальность и жизнь. Она не разрушает требуемое для этого орудие (организм) аскетизмом и морализмом, угнетающими и девитализирующими взглядами. Нирвана Будды – это не угасание я, не конец, а начало, вхождение в высшее природное царство. Даже физическая жизнь наконец станет раем, как только человечество обретет здравый смысл, праведность и чувство единства, понимание того, что то, что не является любовью, есть ненависть.

¹⁵Многих очень раздражала резкая критика Шопенгауэром трех «философастеров», Фихте, Шеллинга и Гегеля. Вместо этого они должны были высоко ценить то, что существует кто-то, кто осмеливается возразить против скандального бесчинства. Бесспорно, он намного превосходил их как по остроумию, так и по чувству реальности (если не считать его теоретической зависимости от первоначального, абсолютного субъективизма Канта). Когда-нибудь в будущем увидят, насколько верна его критика.

¹⁶Характерно, что именно те, кто очень долго пребывал в ментальном мире между воплощениями, являются легкой добычей философии иллюзии (согласно которой вся материя есть иллюзия).

5.34 Гартман

¹Вклад Эдуарда фон Гартмана в историю философии состоит в утверждении им идеи о том, что бессознательное является основным фактором существования и необходимым для понимания реальности. Если бы не эта идея, не было бы причин упоминать о нем, потому что он не произвел ничего другого, имеющего непреходящую ценность. Как обычно в философии, рамки, в которые он поместил эту идею, были неудачной конструкцией. Сама идея была отнюдь не нова. Она предлагается в системе Пифагора. (Монады с самого начала бессознательны. Их сознание и деятельность сознания развиваются в процессе проявления.) Гартман часто прибегал к бессознательному как к мистической основе объяснения, когда другие объяснения не были доступны. Конечно, этого делать не следует, хотя психоаналитики и делают это.

²Несмотря на фиаско Канта и Гегеля, несмотря на уничтожающую критику Шопенгауэра, Гартман не видел абсурдности конструирования категорий. Как это всегда бывает с субъективистами, когда им приходится иметь дело с досадным внешним миром, он

исходил из естественнонаучного установления, что материя существует, поскольку это единственно возможная основа объяснения. Получив таким образом возможность пользоваться фактами исследования, объективное стало субъективным, как по мановению волшебной палочки, и поместилось в построенные им ящики.

³Гартман – типичный эклектик, собирающий все идеи своих предшественников и пытающийся сделать из них систему. Его система поражает читателя своей многогранностью и богатством содержания.

5.35 Спенсер

¹Герберт Спенсер исходил из результатов естественных исследований и пытался объединить установленные факты в систему знания. Благодаря своим обзорам такие системы облегчают ориентацию в дисциплинах. Система показывает, как далеко продвинулись исследования. Он принципиально не позволял субъективному разуму судить о том, что не может быть найдено в содержании объективного ума. Таким образом, он является типичным философом имманентности с правильным инстинктом, что то, что противоречит здравому смыслу, не может быть согласовано с реальностью. Абсурд бесполезен в качестве рабочей гипотезы.

²Еще до Чарльза Дарвина Спенсер разработал свою теорию эволюции, согласно которой эволюция – это прогрессивное изменение от несвязной (некогерентной) однородности к связной (когерентной) неоднородности структуры и функции. Идея развития, конечно, стала замечаться еще в XVIII веке, в частности Ламарком. Но только после того, как Спенсер продемонстрировал универсальность закона развития и его действенность во всех сферах жизни, особенно в биологии, социологии и психологии, он стал общепринятым. Его «система синтетической философии» была обобщением современной науки. Можно возразить, что он слишком часто использовал принцип аналогии. Общество – это не физиологический организм. Когда аналогия заводится слишком далеко, она больше запутывает, чем объясняет.

³Согласно эзотерике, механический ход событий, будучи в согласии с вечными законами природы, служит великой космической цели: развитию каждого атомного сознания от бессознательного до всеведения. Переживания и опыт индивидуального сознания и выработка их добавляются к тому запасу латентного опыта в подсознании, который неуклонно увеличивается на протяжении воплощений и позволяет индивиду все больше постигать и понимать, приобретать знание о реальности и жизни, открывать законы существования и учиться разумно применять их. Будучи целесообразными, законы жизни делают возможным развитие сознания.

⁴Конечно, Спенсер не пользовался благосклонностью профессиональных философов. В противном случае они должны были бы увидеть, что он действительно является образцовым философом, задачей которого должно бы быть ориентирование в реальности и предоставление обзоров достижений исследований. Вместо этого современные философы на самом деле просто занимаются своей так называемой теорией познания, проблемой возможности знания. Когда философы выяснят философские псевдопроблемы и ошибки в мышлении великих мыслителей, они смогут обратить свое внимание на обобщение результатов исследования реальности.

5.36 Бергсон

¹Бергсон пришел в соприкосновение с эзотерикой во время учебы. Он имел возможность познакомиться с ее идеями и позднее использовал столько из них, сколько он сам понимал или мог использовать для своей эзотерической философии.

²Согласно Бергсону, пространство однородно и представляет собой количество без качества. Это и правильно, и неправильно. Бесконечное, безграничное пространство,

содержащее в себе бесчисленные космосы, само по себе однородно. Но в то же время это «пространство» есть сама первоматерия, обладающая всеми неисчерпаемыми качествами жизни, какими они появляются в атомизированной проявленной материи.

³Время не имеет измерения. Использование линии для обозначения времени было неудачным, совершенно злополучным сравнением, которое породило множество неправильных представлений. Только пространство имеет измерение. Время – это то единство, которое связывает прошлое с настоящим и будущим. Время – это продолжительность, непрерывное существование, длительность. Объективное время всегда связано с пространством в последовательности событий. Оно является мерой процессов и поэтому может быть разделено на периоды, или временные циклы. Время и объективно, и субъективно. Космос (в первоматерии) состоит из проявленной материи и есть то, что мы называем пространством, в котором существуют все миры. Время – это способ измерения общего процесса, в котором происходит весь ход событий. Как пространство, так и время можно разделить на сколь угодно малые единицы, и для нас они являются способами измерения и градации.

⁴Согласно Пифагору, космос наполнен взаимопроникающими материальными мирами различной степени плотности, вплоть до самого грубого, физического мира. Ни один из этих миров не является нереальным, ложной реальностью, иллюзией. Все они имеют объективное материальное существование. Конечно, существа в низших мирах не способны объективно воспринимать материю в высших мирах. Но они способны субъективно воспринимать вибрации этих высших миров, хотя и не могут отнести эти проявления жизни высшим видам материи. Только эзотерика может дать требуемые правильные объяснения этих явлений.

⁵Прошлое существует в настоящем. Для каузального я нет прошлого планетарных атомных миров 47–49, как и для 43-я солнечносистемных атомных миров 43–49. Монада учится на всем своем опыте и, следовательно, постоянно развивается. И внутренний мир сознания, и внешний мир материи постоянно меняются. Понятие сохраняет удерживает общее, характерное, совместное в ряде частных вещей.

⁶Интуитивная идея «творческой эволюции» была той, которую Бергсон наиболее успешно сформулировал. Великая космическая эволюция не работает по заранее установленному плану. Ставится только конечная цель: все монады обретают всеведение обо всем космосе. Бергсон ясно понял, что эволюция сама создает условия и возможности для своего роста. Эти условия, однако, зависят от своеобразия каждого существа, от атомов до планет, солнечных систем и т. д. (Поскольку вся материя обладает сознанием, каждая материальная форма – это существо на определенном уровне развития.) Прошлое при этом ограничивает возможности будущего. Неизменяемый план упразднил бы закон свободы, согласно которому каждая монада имеет право на ту свободу (обусловленную пониманием и способностью), которую она однажды приобрела и продолжает закономерно применять. Эволюция нащупывает все мыслимые пути, чтобы найти наиболее подходящий для всех и каждого.

⁷Еще одна интуитивная идея Бергсона проявляется в его утверждении о возможности интуиции. Уча этому, он возвращался прямо к Платону. Именно интуиция открывает нам мир идей. Это особый орган познания, который дает нам правильные идеи, правильное знание реальности. Лишь немногие люди прошли свой путь через различные «слои сознания» ментального мира и преуспели в завоевании сознания интуиции. Даже большинство философов все еще находятся в двух низших областях мышления умозаключением и принципиального мышления. Об истинной интуиции нельзя говорить, пока индивид не овладеет перспективным мышлением и системным мышлением. Однако та «интуиция», которую Бергсон пытается описать, – это скорее тот латентный синтез опыта, который является самоприобретенной бессознательной системой мышления

индивида и спонтанно определяет его представление о реальности и жизни.

5.37 Заключение

¹В настоящее время человечество переживает новый период как субъективизма, так и скептицизма. Это результат разрушения теологического догматизма, зарождающегося понимания фиктивности философской спекуляции и расщепления ядерной физикой догматических понятий естествознания. Все старые системы распались, и на их место невозможно поставить новую экзотерическую систему. Последовательный субъективизм ведет к полной дезориентации в существовании, суверенному произволу, беспринципности и безответственности.

²Поскольку правовое представление исходит из жизневоззрения, которое, в свою очередь, основано на мировоззрении, то общий распад систем привел к распаду правовых понятий, а значит, и к всеобщему беззаконию. «Люди часто испытывают глубокую неуверенность в том, что правильно, а что нет. Они даже не уверены в том, что правильно и неправильно – это не что иное, как старое суеверие.» Теологи во многом виноваты в таком положении дел, так как они упорно противились примирению религии и науки. Они, по-видимому, не могут освободиться от иллюзий и фикций господствующей религии.

³Как может быть только одна религия (общая для всех мудрецов всех времен, а именно религия любви и мудрости), так может быть только одна философия (одна истинная система мышления) и одно истинное научное восприятие физической реальности. Когда, в конце концов, исследование с помощью индукции сможет построить эту систему, оно достигнет своей цели. Но это все еще очень далекая цель.

⁴Уже в 600 году до н. э. Будда ясно дал понять, что человеческий разум не может решить проблемы существования, не может решить проблемы философии.

⁵Эзотерика – это краткое изложение тех основных фактов о реальности, смысле и цели жизни, которые были предоставлены планетарной иерархией и всегда были доступны элите в тайных орденах знания, но которые в настоящее время разрешены для публикации. Без этого знания люди всегда будут спорить обо всех фундаментальных проблемах, и каждый мыслящий человек будет тратить свое время на то, чтобы с трудом приобрести свое собственное фиктивное восприятие существования. Только эзотерика составляет общую основу религии, философии и науки.

⁶Гилозоика вынуждает разум принять единственную «рабочую гипотезу», которая согласуется с реальностью и никогда не может быть заменена чем-то лучшим в будущем.

⁷Философы всегда охотились за «общезначимым и необходимым», логически неизбежным. Гилозоика, если мы правильно понимаем ее, показывает нам именно «логически необходимое», логически неизбежное.

⁸Ни религия, ни философия, ни наука не могут дать незыблемой основы, на которой нам можно было бы строить свое жизневоззрение.

ДОПОЛНЕНИЕ

5.38 Современная философия

¹На протяжении веков философы искали – хотя и на ощупь, инстинктивно – какое-то объяснение существования, смысла и цели жизни, пытались ответить на три вопроса Сфинкса: Откуда? Как? и Куда? Они не смогли увидеть, что это невозможно, так как им не хватало знания реальности и предпосылок этого знания. Они все еще и не догадались, что видимая реальность – это крошечная часть полной реальности. Они все еще так же уверены в своих заблуждениях, как священники и знахари всех времен.

²Философия ограничена физической реальностью, и поэтому физически вся философия остается физикализмом и сверхфизически субъективизмом: спекуляциями без содержания реальности. Чтобы говорить о сверхфизическом, нужно иметь фактическое знание о сверхфизических мирах.

³Знание реальности состоит в системе субъективных понятий реальности, основанных на фактах объективной, материальной реальности и в согласии с ними. Когда эти факты будут установлены и помещены в их правильные контексты (исторические, логические, психологические и причинные), человек будет обладать истинным знанием реальности.

⁴У философов отсутствует сверхфизическое объективное сознание, и поэтому они неспособны установить факты в сверхфизических мирах. Философы начинают это осознавать, что является большим шагом вперед. Они осознают, что то, что не поддается объективному изучению, остается субъективизмом. История философии показывает, что вся философия была субъективистской; построения воображения, не соответствующие реальности. Но вывод, сделанный из этого трезвого осознания современными философами, ложен. То, что философы потерпели неудачу, отнюдь не доказывает, что не может быть никакого иного знания, кроме физического.

⁵Когда мысль без фактов занимается сверхфизическими вещами, она остается субъективной, будучи неспособной видеть свою собственную субъективность. Логические доказательства старых философов оставались всецело в рамках субъективности и не имели критериев объективности, и поэтому их спекуляции никогда не согласовывались с реальностью. Вина не лежит на логике за то, что ее используют неправильно.

⁶Естествознание стремится исследовать физическую, но не сверхфизическую реальность. Оно еще не знает, что физическая материя состоит из сверхфизической материи и что причины хода событий следует искать в сверхфизической материальной реальности.

⁷Психологи занимаются аспектом сознания. Ввиду отсутствия сверхфизического объективного сознания они вынуждены ограничиваться сознанием таким, каким оно проявляется и может быть воспринято в организме.

⁸Современные философы сделали крайние выводы из полного фиаско философии или вернее субъективизма. Они задаются вопросом, являются ли традиционные понятия реальности субъективистскими абстракциями, не имеющими аналогов в реальности, и поэтому они начали отбрасывать все такие понятия, не зная, что эти понятия реальности были получены из орденов эзотерического знания. Они не осознают, что и их новая спекуляция есть субъективизм. Они на самом деле пытаются отбросить понятие «объективной реальности».

⁹Неспособность правильно судить влияет на реальность. Или что следует сказать об этом глубоком замечании?

¹⁰«Это наивное представление, что реальность – это объективная величина, данная раз и навсегда. Трое людей смотрят на слона, и каждый по-своему воспринимает его размер. Таким образом, в действительности они видят трех разных слонов.»

¹¹Очевидно, люди больше не осознают разницы между субъективным восприятием и объективной реальностью. Таким образом, философы вернулись к субъективизму и индивидуализму софиста Протагора. Измерение покажет, что дело в трех индивидуальных, неверных восприятиях одного и того же слона. Никогда не может быть больше одного слона.

¹²Во все века здравый смысл не доверял спекуляциям философов, и этот врожденный инстинкт реальности (приобретенный в предыдущих воплощениях) всегда оказывался верным. Спрашивается, почему во все века философы пренебрегали здравым смыслом, который, в конце концов, является наивысшим разумом человека.

¹³То, что можно отвергнуть то объективное восприятие реальности, которое монады приобрели в ходе своей эволюции через четыре природных царства, является

достаточным доказательством возможности заблуждения разума.

¹⁴Подобно тому, как культура (литература, искусство и музыка; хотя не любого рода литературы, искусства и музыки) в наше время во всех отношениях встала на путь, ведущий к культурному разложению, то же самое верно и в отношении современной философии.

¹⁵Такой мыслитель, как Бертран Рассел, сумел сохранить здравый смысл в отношении своего жизневоззрения, но этого нельзя сказать о его последователях. (Нет ничего невообразимого в том, что они могли быть перевоплощениями греческих софистов.) Они даже не знают, что такое здравый смысл, полагая, что восприятие общечеловеческого опыта неверно и не предполагая разумности существования. Они верят, что могут построить новый способ видения (так называемую семантику, новый вид заблуждения), тем самым делая последний обман хуже первого. Это значит объявить философский разум банкротом. Философия более чем когда-либо стала дисциплиной, стремящейся объяснить самоочевидное (будучи результатом накопленного человечеством опыта). абсурдами. Философия, которая первоначально была рабыней теологии, теперь стала рабыней физической науки. Бедное человечество!

5.39 Бертран Рассел

¹Рассел, несомненно, является лучшим объектом изучения для эзотерика, желающего проиллюстрировать философско-научное мировоззрение нашего времени с его достоинствами и ограничениями. Он самый подходящий и по многим другим причинам. Он продемонстрировал фиктивность мнимых знаний теологии, философии и науки, которые человечество унаследовало от своих предков на протяжении веков. Он пытался освободить людей от огромного бремени богословских догм, воюющих с разумом, и моральных табу, враждебных жизни, которые делают невозможной совместную жизнь людей без трений. Он показал недостатки политических идеологий нашего времени: капитализма, социализма, фашизма, марксизма. Он разъяснил необходимость поиска новой основы для жизневоззрения. Одним словом, он пытался работать на реформуляцию в большинстве сфер человеческой жизни.

²Влияние Рассела вполне понятно. Его здравый смысл в сочетании с его свободой от традиционных догм мышления во всех сферах человеческой жизни, его обширное образование, его историческая и общественно-политическая ориентация, его интеллектуальная честность и страстная правдивость дали ему авторитетное положение в философском и научном мышлении нашего времени.

³С самого детства лорду Расселу, конечно, прививали религиозные и социальные заблуждения британского общества. Но как только интеллект, подобный расселовскому, пробуждается, чтобы подвергнуть эти догмы, истинный первородный грех человечества, логическому и фактическому анализу, мало что остается от всего того, что человечество все еще принимает как истину. Но для этого требуется нечто большее, чем острота ума и аналитические способности. Это требует прежде всего мужества: мужества мыслить, мужества проверять надежность, мужества сомневаться даже в том, что человек сам принял, мужества сообщать результаты своей работы, мужества стоять в одиночестве, покинутым всеми, против мира.

⁴Первые реакции со стороны его социального окружения, академического мнения, ученых и его друзей были бурными. Позже, когда его критика ударила по политическим верованиям толпы, начались массовые беспорядки.

⁵Подобно всем, прокладывающим путь в джунглях иллюзий и фикций человеческого невежества, Рассел был признан виновным в святотатстве и преследовался толпой всех социальных классов.

⁶Отнюдь не верно, как утверждают брахманы, что более высокая социальная каста

является доказательством более высокой стадии развития. Индивиды на всех стадиях развития могут воплощаться в любой касте. Все зависит от закона жатвы, закона судьбы или от того, какую жизненную задачу человек сам себе выбрал.

⁷В дальнейшем будут рассмотрены только два аспекта творчества Рассела: Рассел как теоретик познания и социальный философ в более широком смысле.

⁸Это изложение взглядов Рассела дается с оговоркой. Само собой разумеется, что мыслитель, который на протяжении всей своей долгой жизни проводил исследовательскую работу, издавая книгу за книгой, также исправит ранее высказанные мнения. Постоянно растущее понимание влечет за собой постоянные модификации. Рассел никогда не останавливался, чтобы спросить себя, противоречит ли его последняя работа тому, что он написал ранее. Таким образом, когда высказывание, сделанное в одной из его книг, подвергается критике, это не обязательно означает, что оно отражает окончательный взгляд Рассела по этому вопросу.

⁹Рассел стремился освободить человечество от бесчисленных парализующих мышление догм в большинстве сфер жизни, причем не только исторически сложившихся, но и современных фикций, провозглашенных великими интеллектуальными открытиями.

¹⁰Сначала будет обсуждаться мировоззрение Рассела в отношении философии и науки с особой критикой относящихся сюда восприятий.

¹¹Во второй части будет рассмотрено его мировоззрение, как оно выражается в его взгляде на теологию, политику и общую социальную философию.

5.40 МИРОВОЗЗРЕНИЕ

¹Мыслящий человек, желая получить представление о существовании, приобретает мировоззрение на внешнюю, объективную, материальную реальность и мировоззрение на эмоциональную и ментальную жизнь, принадлежащие к внутреннему, субъективному сознанию.

²Сам материал знания состоит из установленных фактов. Наука составляет их в теории и объясняет их с помощью гипотез. Теории можно разделить на исторические, логические (фактические), психологические и причинные. Теория является полной только в том случае, если все факты установлены относительно рассматриваемого предмета. Такого практически никогда не бывает. Гипотеза должна быть отброшена, когда она не может объяснить также новые факты, которые могут быть добавлены. Продолжительность гипотезы была рассчитана статистически как десять лет в среднем.

³Научные исследования уже заполнили целые библиотеки фактами, касающимися трех аспектов существования: реальности материи, движения и сознания. Химия, геология, астрономия и биология рассматриваются как фундаментальные науки о материи; физика – как наука о движении; психология – как наука о сознании. Остальные дисциплины могут быть упорядочены под этими заголовками, за исключением истории, которая предоставляет факты о прошлом относящихся сюда явлений.

⁴Чтобы факт был принят наукой как факт, он должен быть устанавливаем для всех.

⁵Наука в целом, как система знаний, представляет собой обобщением фактов, теорий и гипотез. Именно научная система обеспечивает обзор, ориентирующий на результаты исследований.

⁶Можно сказать, что это и есть отправная точка восприятия естественником реальности и естествознания.

5.41 Философия

¹Именно через математику Рассел пришел к логике. Еще в молодости он заинтересовался отношением математики и логики, обнаружив, что геометрические аксиомы не могут быть доказаны логически. Он исследовал природу математического знания,

пытаясь сделать математику синтетической наукой и в то же время придать логике характер, аналогичный характеру математики. Он пытался показать, что математика есть дальнейшее развитие логики, что математика есть логика, применяемая к количественным отношениям. Сведя математику к логике, он обнаружил нерешенные противоречия в самой логике. Он полагал, что может решить их с помощью символической логики и логических типов (которые склонны сбивать с пути истинного). Он пришел к выводу, что чем больше развита логика, тем меньше она может доказать. Знание, которое дает логика, состоит в утверждении, что «если что-то истинно, то истинно и что-то другое». Это, однако, то, что всегда было известно: если предпосылки верны, то вывод, сделанный из них, также верен.

²Ни логика, ни математика не являются обособленными науками, которые могут производить знание, но являются вспомогательными в обращении с неисчерпаемыми отношениями материи и энергии и в решении относящихся сюда проблем. И логика, и математика требуют материала для работы. Без фактов полученные результаты – это просто игра с символами. При соединении логики и математики всегда существует значительный риск смешения качества и количества. Логика имеет дело с качеством, математика – с количеством.

³Сначала логика была переоцениваема, теперь они аналогично переоценивают важность математики. Сущность всякого знания – это установление фактов и помещение их в правильные отношения во все более широких взаимосвязанных контекстах.

⁴От логики Рассел перешел к философии с ее псевдопроблемами, которые никто не смог решить, так как никто не смог правильно сформулировать проблемы. Введенный Брэдли в философию Гегеля, Рассел вскоре обнаружил несостоятельность спекуляций этого романтика.

⁵Рассел тщательно изучил историю европейской философии с ее отчетами о том, что историки узнали о спекуляциях греков и римлян о существовании и его явлениях, и результатов, полученных мыслителями средневековья и нового времени с их догадками.

⁶Установив, что никакие спекуляции не дадут знания о реальности, Рассел столкнулся с неизбежной фундаментальной проблемой всех субъективистов: возможно ли вообще знание о существовании? Ему казалось, что Юм сформулировал этот вопрос наиболее ясно. Расселу не больше, чем Юму, удалось найти логическое (объективное или фактическое) доказательство существования внешнего мира. Поэтому он и оставался неизлечимым скептиком в отношении теории познания.

⁷Исследуя элементы сознания в восприятии человеком материальной реальности, он нашел, как и многие субъективисты до него, что они состоят из чувственных восприятий. Он не осознал, что это психологическая теория, уводящая нас от логического восприятия объективной реальности. Напротив, он считал свое собственное восприятие логицизмом.

⁸Способ, которым предмет становится воспринимаемым посредством процессов в нервных и мозговых клетках, может быть физико-психологической проблемой, но не логической. Утверждение, что «мы не видим предмет таким, каков он есть», логически неправомочно. В вопрос о том, являются ли предметы тем, чем они кажутся, понятие внешнего вида было введено неверно. Ум прямо и непосредственно воспринимает физические предметы в их объективной материальности. Как субъективисты-логицисты, так и субъективисты-психологицисты переосмысливают опыт с помощью теорий, что логически неверно. Во все века основной тенденцией философских спекуляций было, по видимому, никогда не «позволять этому быть этим», а пытаться сделать «это» чем-то другим (предпочтительно чем-то очень глубоким), и при этом они отбросили закон тождества.

⁹Представление Рассела о неразрешимости философских проблем привело его к предположению, что мы используем слова, которые не имеют аналогов в реальности, и

что философские проблемы были вызваны неправильным использованием языка. Поэтому он считал своей задачей написать новую историю философии.

¹⁰В ней он чаще всего удовлетворяется изложением взглядов различных философов в связи со способами рассмотрения, наличными в их времена, хотя довольно часто его собственный скептицизм просвечивает. Что же касается досократских философов, то ему, конечно, было предоставлено употреблять то, что о них рассказывала историческая традиция.

¹¹Критика Расселом спекуляций новейших времен о сверхфизическом хорошо свидетельствует как о его здравом смысле, так и о его логической остроте. Это были предположения невежества, не заслуживающие даже называться гипотезами. Такое нельзя критиковать слишком сильно, потому что эти причуды обладают огромной способностью выживать, постоянно заново мешая здравому смыслу и правильному восприятию реальности.

¹²История часто оказывает нам медвежью услугу, сохраняя заблуждения прошлого таким образом, что невежественная в жизни нерассудительность продолжает принимать их как существенные элементы знания. Идеи реальности тонут во всей этой коллекции фикций. Как представители мудрости, философы должны были считать себя способными выражать мнения обо всем и все объяснять. Неудовлетворительные решения проблем дополнялись новыми фикциями, пока перспектива того, что человечество когда-нибудь найдет выход из лабиринта, не казалась все более отдаленной.

¹³Заслуга Рассела состоит в том, что он помог освободить человечество от ряда философских фикций, передаваемых на протяжении всей истории философии. Еще большая работа была проделана в этом отношении, и с более весомой существенной аргументацией критика была высказана уппсальскими философами Хедваллем, Хегерстремом и Фаленом. Они выявили логическую ошибку субъективистского мышления. Они вместе пришли к пониманию, лучше всего сформулированному Хедваллем, что неразмышляющее восприятие объективным умом объективной реальности (в противоположность реальности субъективного разума) является правильным, что большой недостаток объективного ума, к сожалению, заключается в его незащитности против теорий субъективного разума, которые все еще доминируют в философском мышлении. Но, конечно, они были высмеяны другими современными философами, которые хотели сохранить свои верования.

¹⁴К сожалению, сам Рассел отошел от своего тезиса о том, что задача философа – задавать вопросы, а не отвечать на них. Он стремился решать проблемы по-своему. Он проявил большую изобретательность в замене старых фикций новыми. Подобно всем другим субъективистам, которым не хватает осознания и понимания общезначимости восприятия объективным умом материальной реальности, Рассел считал, что опыт дает только субъективную, а не объективную уверенность.

¹⁵Не зная, что фундаментальные понятия реальности, восходящие к доисторическим временам, были неверно истолкованы философами, он пришел к выводу, что эти понятия не соответствуют реальности.

¹⁶Он пытался заменить эти вековые, научно подтвержденные понятия объективной реальности субъективными понятиями, определяемыми чувственными восприятиями. На его взгляд, понятия, которые не могут быть прослежены до чувственных восприятий, являются несостоятельными понятиями. Здесь он показал, что не научился видеть разницу между субъективной и объективной реальностью. Понятийные аналитики до сих пор не поняли, что понятия реальности требуют объективного знания объективной, или материальной, реальности.

¹⁷При чрезвычайно ограниченном знании нашего времени (науке удалось исследовать около одной миллионной части реальности) понятийный анализ неизбежно приведет к

распаду всех понятий реальности. Даже те из них, которые являются лишь временными вспомогательными понятиями, должны быть сохранены до тех пор, пока факты, окончательно установленные исследованием, не позволят заменить их лучшими. Однако это дело исследования, а не понятийного анализа.

¹⁸Поскольку ему, как и Юму, не удалось логически доказать существование внешнего мира, он (не зная о логическом опровержении субъективизма уппсальскими философами) присоединился к критике Юмом понятия субстанции. С другой стороны, он считал, что есть основания для принятия понятия причинности, что открытие законов природы является существенным в естественных исследованиях, что законы вероятности предполагают существование еще не открытых законов. Не было бы удивительным, если бы каузальный объективист (обладающий способностью изучать предыдущие воплощения, значит, не так называемый ясновидящий) обнаружил, что Протагор, Юм и Рассел были воплощениями одного и того же индивида.

¹⁹Что касается познания сверхфизической реальности, то он пришел к обычному выводу, что, поскольку все объяснения философов, выдвинутые до сих пор, явно абсурдны, мы не можем ничего знать о ней. Будучи проницательным логиком, он понимал, что нельзя, конечно, отрицать существование того, о чем ничего не знаешь.

²⁰Напрасно он пытался освободить человечество от бремени философии. Это может делать только эзотерика.

5.42 Наука

¹Естественная наука стремится исследовать видимую, физическую реальность. Это определяет его задачу и в то же время его неизбежное ограничение. Наука – это физикализм.

²Все знания должны основываться на фактах. При оценке ценности реальности мнений нужно учитывать не степень их вероятности, которая зависит от их согласия с ранее существовавшими мнениями, а те факты, на которых эти мнения основаны. Без фактов все мнения – чистый вымысел. При недостаточном количестве фактов все мнения вводят в заблуждение. Остроты и глубины ума, воображения и логики, веры в патент святого на всеведение – этого недостаточно. Но чем более непостижимо глубокой можно было сделать философию, тем более правильными казались ученикам философов нелепости. Они благоговейно склонялись перед непостижимо блестящим и тем самым отрицали свой собственный здравый смысл, если он у них был.

³Наука продвигается медленно, шаг за шагом, устанавливая факты. Эти факты обобщаются в теориях и объясняются гипотезами. И теории, и гипотезы постоянно изменяются посредством вновь установленных фактов. Факты, теории и гипотезы соединяются в систему мышления, которая рассматривается как научная истина. Эти временно господствующие системы ориентации, которые показывают, как далеко продвинулись исследования, постоянно меняются из-за новых фактов с новыми теориями и гипотезами. Факты, которые не укладываются в господствующие системы теорий и гипотез, считаются сомнительными. Факты, которые невозможно установить методами исследования, используемыми учеными, не рассматриваются как факты. Из этого следует, что наиболее важным качеством гипотезы является не то, что она истинна, а то, что она вероятна: приемлема для науки с ее чрезвычайно ограниченной способностью объяснять.

⁴Есть также несколько психологических препятствий для исследований. Одно из них – это почти непреодолимая трудность отказа от лелеемых фиктивных систем, приобретенных ценой большого усилия. Другое препятствие заключается в том, что для ученого, слишком опережающего свое время, всегда существует значительный риск того, что академическое мнение, верующее, относящееся скептически, чаще всего презрительно, ко всему новому, отстающее от времени – эта непоправимая система

гильдий – объявляет его ненадежным, некритичным, ненаучным фантазером.

⁵Естественно, ученые показали себя способными быть такими же догматичными, фанатичными и нетерпимыми, какими были теологи в древности. Конечно, Рассел ясно представляет себе это стремление к власти, присущее человеческой природе. Он боится также, что после политической тирании, сменившей тиранию теологическую, мы испытаем тиранию научную, что придет день, когда наука будет претендовать на власть регулировать все. Медицинская наука, и не в последнюю очередь психиатрия, начала проявлять такую тенденцию. Врачи уже обладают властью отбросить законные права индивида и запереть нежелательного человека на всю оставшуюся жизнь, или освободить бандитов, чтобы позволить им продолжать свое ремесло. Против всех таких тенденций необходимы энергичные меры. Медицинская экспертиза не должна быть высшей инстанцией. С нас довольно духа гильдии. Это не дело врачей, чтобы быть судьями. То, что преступники безответственны, мы все равно знаем.

⁶До того как ядерная физика расколола весь догматизм, основанный на гипотезах о неразрушимости материи и энергии, большинство революционных открытий были отвергнуты как «противоречащие законам природы». С осознанием того, что еще не исследован ни один процент законов природы, эта конкретная фраза должна исчезнуть.

⁷К сожалению, физики-ядерщики не знают, что их приборы позволили им проникнуть в физический эфирный мир.

⁸У ученых есть все основания, как теперь видят величайшие из них, согласиться с мудрым Сократом, признавшим свое безграничное невежество. Не за горами то время, когда самоуверенность, будь то догматическая или скептическая, будет рассматриваться как свидетельство нерассудительности. Наука непригодна как состоятельное мировоззрение.

⁹Рассел начинал как математик. Он не внес никакого собственного вклада в естественные исследования. От математики он перешел к логике и там попытался помочь сориентировать ученых, которые, будучи крайне озадачены тем, что ядерная физика разрушила фундаментальные догмы науки, даже начали сомневаться, существуют ли вообще какие-либо законы природы. Без законов космос был бы хаосом, которым он явно не является. И он доказал, что «в самой природе вещей теоретически невозможно доказать, что ряд явлений не подчиняется законам». Он утверждал, что задачей естествознания является установление законов и что требуемое знание явлений будет отсутствовать до тех пор, пока не будут найдены законы, управляющие ими.

¹⁰Рассел делает все возможное для борьбы с научным догматизмом и соглашается с тем, что короткая жизнь научных гипотез является достаточным доказательством нашего огромного невежества.

¹¹Рассел – физикалист. Тем самым он не может видеть, что первопричины процессов лежат в сверхфизическом. Он считает, что нельзя, конечно, высказываться о неизведанном; только то, что еще не существует никаких фактов, приемлемых для науки, чтобы доказать существование сверхфизического. Для него это решает вопрос на данный момент. Его усилия как научного логика состояли в том, чтобы сформулировать логику фактичности, которая довольствовалась бы констатацией фактов и законов природы. Никакие объяснения не даются без эзотерики. В этом проявляется здравый смысл Рассела и его превосходное научное понимание.

¹²Самая сомнительная часть критики Рассела состоит в том, что он хочет устранить те понятия реальности, которые составляли основу научного способа рассмотрения. Здесь его логика терпит неудачу. Если логика не может судить о природе реальности, то она также не в состоянии судить о содержании реальности фундаментальных понятий науки. Это не аргумент, что эти понятия были неверно истолкованы философами и учеными, не обладающими знанием об этой самой реальности. Попытки Рассела заменить

фундаментальные понятия своими собственными построениями, по-видимому, ведут лишь еще дальше от реальности.

¹³Тривиальное положение Рассела о том, что материя – это не то, чем кажется, – это очень старая «мудрость», но все равно неудача. Материя – это всегда то, чем она кажется, но вдобавок нечто совершенно иное и неизмеримо большее того, о чем могут мечтать философы и ученые.

5.43 Критика мировоззрения

¹То, что теория познания, проблема возможности познания, вопрос о том, знает ли человек то, что он знает (что показывает, что он не знает), была центральной проблемой, занимавшей западных философов в течение почти трех столетий, бесконечно типичен для ментальной дезориентации Запада.

²Вот что происходит, когда в течение двух тысяч лет люди принимают всевозможные суеверия и богословские нелепости за истину или знание реальности. В результате сам принцип разума, рассудительность, инстинкт реальности стали настолько идиотизированными (в соответствующих отношениях), что не могут быть использованы. Если это будет продолжаться, то даже логический закон тождества будет поставлен под сомнение. Логика будет использована для разрушения логики.

³Рассел очень хорошо понимает, что ни теология, ни философия, ни наука не предоставили разумного объяснения существования. Он часто сомневался, сможет ли человек когда-нибудь решить эту проблему.

⁴Для Рассела, как и для других философов и ученых, «видимая» реальность – это единственно существующая реальность.

⁵Теперь теологи а-ля Андерс Нюгрен верят в то же самое. Они верят, что «душа» (по-видимому, то же самое, что сознание мозга) умирает вместе с телом и что в судный день бог создаст новую землю, на которой человечество будет жить, и восстановить все, что когда-то было. Таким образом, западные люди являются физикалистами.

⁶Рассел, как и все другие субъективисты, должен быть тем, чем они являются: физическими существами в физическом мире. Но они делают все возможное, чтобы усомниться в этом факте, мобилизуют все аргументы логики и психологии, чтобы доказать, что реальность – не реальность. Попытка объяснить внешнюю, объективную, материальную реальность чувственными восприятиями характерна для современных субъективистов, независимо от того, называют ли они себя психологистами или логицистами.

⁷Если вы лишаете человека понятий, вы лишаете его способности понимать. Если вы лишите человека понимания реальности материи, движения, энергии, развития и т. д., вы изловчитесь еще больше идиотизировать человечество, окончательно уничтожить его способность воспринимать реальность.

⁸Сомневаться в существовании внешнего мира, в том, что мы можем воспринимать его таким, каков он есть в данной нам физической реальности, – значит сомневаться в собственном здравом смысле и во всяком правильном восприятии реальности.

⁹Тот факт, что существуют сверхфизические материальные миры, в которых мы воспринимаем материальную реальность по-разному, несколько все более высоких состояний агрегации космической материи, отнюдь не опровергает физического восприятия реальности, единственно правильного в физическом мире.

¹⁰Чтобы суметь судить о правильности понятий реальности, нужно обладать знанием реальности и знанием структуры материи и природы энергии, которые совершенно отличаются от знаний современной науки. Это фундамент, которого философам всегда недоставало, и, кажется, они все больше пытаются избежать его получения. Вот почему стремление современных понятийных аналитиков заменить старые фикции новыми и

еще более дезориентирующими фикциями – это просто новая форма фикционализма.

¹¹Весьма прискорбно, что Рассел так и не ознакомился с богатой современной индийской литературой по йоге, литературой, изданной на английском языке. Это досадный недостаток в оснащении тех, кто собирается критически относиться к проблемам философии.

¹²Если бы, кроме того, у него была возможность изучить древние пифагорейские рукописи, его комментарии о Пифагоре были бы совсем другими. К сожалению, ему приходилось полагаться на то, что современные учебники по истории философии говорят о гилозоике и досократских философах. Не понимая мировоззрения этих мыслителей, неизбежно неверно истолкуешь их преемников, Платона, Аристотеля и т. д., как свидетельствует обращение с ними Рассела.

¹³В образовании самых ученых экзотеристов нашего времени очень многого не хватает. Остается надеяться, что весьма обширная эзотерическая литература вскоре станет доступной и непосвященным, разумеется, только в тех ее частях, которые могли бы послужить основой для точного восприятия реальности. Это поставило бы европейскую философию какова она на сегодняшний день в истинном свете и показало бы ее как тот фикционализм, которым она всегда была и иначе будет оставаться.

¹⁴Наука совершенно не знает реального состава материи. Она не знает того факта, что «первопричины» физических процессов лежат в сверхфизическом.

¹⁵На самом деле слово «сверхфизическое» вводит в заблуждение, поскольку физическая материя состоит из шести молекулярных видов (состояний агрегации), три высших из которых науке неизвестны.

¹⁶Есть слабая надежда, что философы и ученые смогут пробудиться, чтобы увидеть необходимость для них приобрести способность исследовать высшие миры. Возможно, следующие примеры заставят их немного задуматься над этим.

¹⁷Ядерная физика занимается расщеплением «химического атома». Это в действительности эфирная молекула, которая сама по себе содержит сорок девять различных слоев материи.

¹⁸Когда метеорологи придут к пониманию того, что физические эфирные молекулярные виды являются истинными причинами метеорологических явлений, у них появится по крайней мере некоторая перспектива начать поиск недостающих, неизвестных факторов.

¹⁹Когда врачи увидят, что большинство причин болезней следует искать в физической эфирной материальной оболочке организма, медицинские исследования вступят на совершенно новые пути.

²⁰Когда философы приобретут знание о трех аспектах реальности, они будут в состоянии мыслить в соответствии с реальностью и находить решение ряда неразрешимых иначе проблем.

²¹Философам еще не удалось решить основную проблему существования: троичность, три равноценных, нераздельных аспекта бытия. Со времен греческих софистов во всей истории философии господствовал субъективистский способ рассмотрения. Когда же философы поймут, что «мысли – это вещи», «мысли – это энергия», материальные энергетические явления, что все выражения сознания имеют свои материальные аналоги? До тех пор, пока они не установят это, не может быть конца философскому фикционализму, бесконечной мании спекуляции жизненным невежеством.

5.44 ЖИЗНЕВОЗЗРЕНИЕ

¹Хотя расселовское восприятие реальности несостоятельно, как и всякая другая философия, его правовое представление с благородным пониманием истинно человеческих отношений согласуется со знанием смысла и цели жизни. Постоянно видно, что те, кто

достиг стадии гуманности, не нуждаются в эзотерическом знании сверхфизического, чтобы вести разумную, целесообразную и счастливую жизнь. Их подсознательный инстинкт позволяет им видеть насквозь эмоциональные иллюзии, господствующие над человечеством, и ментальные фикции, относящиеся к ним, видеть, что те учения, которые до сих пор претендовали на то, чтобы быть основанными на сверхфизическом, из-за идиотизации ими здравого смысла были величайшими препятствиями для развития сознания. Сколько времени пройдет, прежде чем их латентное понимание даст о себе знать и в мировоззрении, и они увидят извращенность всякой спекуляции?

²Наша задача состоит в том, чтобы исследовать физический мир (но не высшие миры, пока мы не приобретем высший ум) и иметь опыт и приобретать качества и способности, возможные в физическом мире, чтобы сделать самое лучшее из нашей физической жизни. Рассел, как и все, кто достиг стадий культуры и гуманности, подчеркивал, что в отношении ко всем людям всеобщая добрая воля и правильные человеческие отношения являются существенными. Мы должны научиться отбрасывать все предлоги для трений, не только терпеть, но и радоваться индивидуальным (и самостоятельным!) представлениям всех как доказательству их собственной рассудительности на своем уровне. Это совершенно отличается от того, чего достигло религиозное сектантство со своими фанатизмом, морализмом, нетерпимостью, критикой и осуждением, которое, напротив, во многом способствовало отравлению человеческой частной и общинной жизни.

³Индивиды сумели решить самые важные для себя жизненные проблемы благодаря приобретенным ими самими качествам и способностям. Но человечеству еще предстоит пройти долгий путь и, строго говоря, не удалось решить ни одной из своих многочисленных жизненных проблем. Люди наследуют свои иллюзии и фикции и никогда не задумываются о том, чтобы исследовать содержание реальности и жизненную ценность (важность для жизни) этих фикций. Это было обвинение столь же ужасное, сколь и оправданное, которое Гете бросил против кажущейся непоправимой обломовщины: «Es erben sich Gesetz' und Rechte wie eine ew'ge Krankheit fort» (подобно вечной болезни, законы и права передаются по наследству). И швед Тегнер мог бы добавить свое: «Одно лишь варварство было когда-то отечественным.» Это можно сказать обо всех народах.

⁴Очевидно, что представитель культуры калибра Рассела должен открыть для себя многое из остаточного варварства в нашей хваленой цивилизации. Тем более яростными были его нападки на леность, инертность, трусость, отвращение к реформам, необходимость которых ясно видно.

⁵Прискорбным результатом этого слепого к жизни эгоизма стало то, что идеи реформ, сформулированные идеалистами, подхватили некомпетентные демагоги, которые, апеллируя к извечным притязаниям общественной зависти на новые, но отнюдь не меньшие несправедливости, своим бездумным планированием и опрометчивыми реформами сумели погубить все ценное, что иначе можно было бы спасти от разрушения.

⁶Критика Расселом традиционных способов рассмотрения и бесчеловечных условий, а также ошибок современных диктатур и демократий вызвала, как всегда, возмущенные протесты. Она принесла ему тюремное заключение, отстранение от должности профессора и потерю друзей. Толпа всех социальных классов всегда должна была выражать свою ненависть, не подозревая, как она себя разоблачает. Расселу в значительной мере довелось испытать то удивление, которое многие люди испытывали перед человеческой слепотой, неспособностью видеть, даже нежеланием видеть, разумность оправданной критики. Ницше считал, что это часть человеческой природы – принимать свои привычки (включая привычки мышления) в тысячу раз серьезнее, чем даже свои интересы, что-то, что нужно наблюдать ежедневно. Этот вопрос должен быть более тщательно изучен теми педагогами, которые односторонне подчеркивают важность «хороших привычек».

⁷Похоже, что пройдет еще некоторое время, прежде чем люди увидят, что идеи относительны и что истинная ценность идеи проявляется ясно только тогда, когда она помещена в свой правильный контекст.

⁸В большинстве идей есть что-то разумное, но это подавляется абсолютизацией. Существует относительное оправдание для различных политических идеологий, различных религий, взглядов различных коллективов. Есть что-то правильное в интроспективном субъективизме, бихевиоризме, витализме и в других психологических взглядах. Чего не хватает, так это той перспективы, которая покажет относительную обоснованность этих взглядов.

⁹Рассел – один из тех, кто искал требуемые перспективы для необходимых синтезов.

5.45 Теология

¹Теология относится к области субъективного сознания, а ее догмы – к сверхфизике. Религия есть то чувство, привлечение, которое не нуждается в разуме или, во всяком случае, ослабляется, если оно заключено в несостоятельных понятиях разума.

²Тот, кто, подобно Расселу, знает на собственном опыте обманчивость чистой субъективности, кто исследовал в истории то, что называлось религиозными истинами, кто установил, что нет ничего абсурдного, что не было бы принято в то или иное время, что то, что благородство и здравый смысл должны считать сатанинским, все еще проповедуется, от того нельзя ожидать снисходительности в его окончательном суждении о таких заблуждениях.

³Одну вещь история убедительно прояснила и наше собственное время также продемонстрировало, а именно то, что общая рассудительность человечества не больше, чем то, что людей можно заставить поверить во что угодно. Что же это такое, что до сих пор считается «истинным, неподдельным словом божьим»? Это: еврейский Ветхий Завет и бумажные папы двух еврейских сект: христианский Новый Завет и мусульманский Коран. Будда ясно дал понять, что священных писаний нет, есть только те, которые невежество называет священными. И планетарная иерархия гарантирует, что не будет никаких «священных писаний»: «Мы далеки от мысли создать новую иерархию для будущего угнетения находящегося под властью духовенства мира.»

⁴Рассел говорит о себе, что он не знает, следует ли ему называть себя атеистом или агностиком. Но он должен быть в состоянии согласиться с высказыванием Шефтсбери о том, что «умные люди на самом деле исповедуют только одну религию», одну истинную религию, религию мудрости и любви – религию здравого смысла. Несмотря на то, что эта религия всегда имела своих представителей во всех сектах, никогда не было секты, которая имела бы право заявлять то же самое.

⁵В исторические времена эти секты отличались нетерпимостью, фанатизмом и манией преследования, с религиозными войнами, убийствами, пытками и сожжением на костре – все это во славу бога. Они все еще провозглашают доктрины, враждебные жизни и знанию, которые воюют с божественной любовью, здравым смыслом и фактами, окончательно установленными исследованием. Если бы церковь вновь обрела ту власть, которой обладала когда-то, мы бы вновь пережили такие ужасные времена.

⁶Очевидно, что, критикуя догмы теологии, Рассел наложил на себя необычную для себя сдержанность. Он был в значительной степени удовлетворен изучением некоторых из бесчисленных суеверий, в которых в прошлые дни считалось безбожным сомневаться.

⁷Что же касается понятия греха, на котором зиждется вся теологическая догматическая система, реальной основы церковной власти, благодаря которой церковь смогла сохранить свою железную хватку над умами людей, то Рассел довольствовался веселым сарказмом. Природа, не похожая на его холодный интеллект, возможно, дала бы жестокое выражение негодованию, которое каждый благородный ум должен испытывать по

поводу сатанинской лжи о «грехе как преступлении против бесконечного существа, которое требует бесконечного наказания в вечном аду» – это ужасное богохульство из ненависти к божественности всего сущего. Более того, богословы придумали поддержку этому сатанизму в виде столь же богохульной догмы ненависти, догмы «божьей карающей праведности».

⁸После этой ужасной лжи полезно вспомнить учение Будды и Христа о законе посева и жатвы. Это означает, что ошибки, которые мы совершили из-за нашего невежества и неспособности в отношении законов природы и жизни, являются причинами, следствия которых нам придется испытать, являются способами, которыми мы усваиваем необходимые уроки жизни.

⁹Рассел указывает, что в борьбе, продолжавшейся со времен Коперника и Галилея, наука всегда побеждала, опровергая одну теологическую нелепость за другой. Он не сомневается, что в конце концов церковь будет вынуждена отказаться от своей догмы о непогрешимом авторитете Библии, этой книги легенд, ненавистных учений и абсурдов. Это также радостный знак времени, что все больше людей приобретают достаточную и самостоятельную рассудительность, чтобы осмелиться усомниться в этих комплексах, привитых почти неискоренимо в детстве, ужасающего, гневного, злобного, мстительного бога, который из-за этого качества ненависти, самоправедности, не может простить, не отдав убить своего единственного сына. Это злодеяние, несомненно, должно быть худшим из всех.

¹⁰Рассел тщательно исследовал ряд суеверий, которые богословы проповедовали на протяжении столетий и которые, хотя и после долгой борьбы с разумом и наукой, они были вынуждены оставить при себе.

¹¹Казалось бы, однако, что Рассел слишком оптимистичен в отношении результатов критики и борьбы науки и здравого смысла. Информация сама по себе будет иметь мало эффекта, если люди не думают, что смогут извлечь из нее личную выгоду. Кроме того, это факт, что на нынешней стадии своего развития человечество в отношении эмоциональной жизни все еще находится в сферах отталкивающих эмоций. На этой стадии разум имеет второстепенное значение, часто он является трудным источником волнения. Эти люди принимают свои эмоции за свое истинное существо. А эмоциональный мир с его ненавистью (48:5-7) и любовью (48:2-4) – это мир религии. Эмоциональность оживляет, дает жизнь и силу. Ненависть – это эликсир жизни человечества.

¹²По-видимому, оптимизм Рассела был основан на историческом опыте, согласно которому постоянно растущая потребность человека в «большем свете» и его стремление к нему всегда будут удовлетворены.

5.46 Мораль

¹Также Рассел указал, что термины «мораль» (от латинского) и «этика» (от греческого) из-за злоупотребления невежеством словами потеряли свой истинный смысл правового представления и проблем совместной и социальной жизни.

²Шопенгауэр был первым, кто показал, что до сих пор ни один философ не преуспел в превращении морали в науку или в установлении каких-либо состоятельных оснований для утверждения, что существуют абсолютные или объективные нормы. Его ученик Ницше пошел еще дальше, заявив, что традиционные моральные способы рассмотрения бесполезны в жизни, если не сказать враждебны ей.

³Это было окончательное освобождение морали от моральной теологии, и наконец она стала предметом публичного обсуждения. Ряд мыслителей объяснял затем субъективность морали (правовое представление определяется уровнем развития), а не ее иллюзорность, как это объясняли пророки лжемудрости. Хегерстрем показал, что нельзя говорить об этической науке, а только об истории этики.

⁴Никто не оспаривал того, что определенные правила (общественные законы) необходимы для того, чтобы люди могли жить вместе без трений, и что без них была бы война всех против всех и упорядоченное общество было бы невозможно; такие правила, как не убивать, не воровать, не обманывать, не клеветать и т. д. Самое простое из них – это извечное правило взаимности: относитесь к другим так, как вы хотите, чтобы они относились к вам. Эзотерик устанавливает роковые ошибки относительно законов свободы и единства.

⁵Критика не была направлена против этих самоочевидных осознаний. Есть философы морали, которые даже не видели этого! Она была направлена против множества табу и произвольных условностей, лишенных разумного смысла, которые усилили всеобщее недоумение, затруднили совместную жизнь людей и усилили, казалось бы, неискоренимую ненависть с ее вечным проклятием и осуждением. Беспомощно ослепленные собой, моралисты не замечают ни лицемерия, ни ненависти.

⁶Изучение основ представления о правильном и неправильном показывает, что они зависят от индивидуального представления о смысле и цели жизни. Это всегда дело индивида, согласится ли он с каким-либо из многочисленных коллективных представлений или займет ли он свою собственную позицию. Пока человечеству не удастся решить проблемы существования, мы не сможем надеяться на единое представление о наилучшем способе реализации смысла жизни. До тех пор всегда будут существовать различные представления о том, что правильно и что неправильно в политическом, социальном и культурном, а также в общем жизненном смысле, и значительная опасность того, что возникающие антагонизмы отравляют умы людей, затрудняют понимание и противодействуют разумным человеческим отношениям.

⁷Результатом всех этих традиционных, бесцельных запретов является общепринятый культ видимости, враждебность к жизни которого моралисты, по-видимому, совершенно не в состоянии осознать. Они разделяют лицемерие и цинично осуждают тех, кто отказывается делать фетиш из так называемого приличия. Именно против всего этого лицемерия, этого непоправимого культа лжи, который Рассел считал самой труднодоступной причиной зла, он направил свою уничтожающую сатиру. Стоит отметить, что Иешу осуждал только лицемерие, фарисейство и морализм. Абсолютная честность в своем отношении к условностям лицемерия была для Рассела делом совести, и это стоило ему большинства его друзей. Ничего не подделаешь, если «весь мир» против него. Именно этого и должен ожидать каждый первопроходец. Высказывание Шопенгауэра о том, что то, каковым индивид себя знает, имеет большее значение для его счастья, чем то, чем он считается, применимо к самостоятельным натурам. То, что некоторых это раздражало, было их собственной виной. К тому же, на нынешней стадии развития человечества справедливая оценка других людей абсолютно исключена. А люди не знают даже самых простых предпосылок оценки.

⁸Что касается отношения индивида к самому себе, то Рассел видел, что от воспитания в значительной степени зависит, удастся ли человеку растворить все негативные, тормозящие комплексы оценок, комплексы мнений, комплексы привычек (если упомянуть лишь некоторые из них), которые навязывает нам жизнь. Позитивные, способствующие жизни комплексы не связаны с проблемами, одинаково трудными.

⁹То, что Рассел говорит по этому поводу, свидетельствует о его здравом смысле, свободе от предрассудков, доброй воле, терпимости, гуманности и юморе – группе качеств, которые редко встречаются. Также редко божественное право индивида на свободу было столь блестяще проиллюстрировано: его право мыслить, чувствовать, говорить и делать то, что он считает нужным, в рамках равного права всех на ту же самую неприкосновенную свободу. Эта свобода имеет фундаментальное значение для счастливой личной жизни и, следовательно, для счастливого общества. Она противоположна той

примитивности, которая под свободой понимает право на своеволие и произвол, безжалостность и презрение к праву других.

¹⁰Как социальные существа, мы должны выбирать между уважением равного права всех или принятием войны всех против всех.

5.47 Проблемы воспитания и образования

¹Многие проблемы жизни, которые Рассел пытался прояснить с помощью чрезвычайно разумных, всегда достойных внимания мнений, включают в себя политические, социальные и педагогические проблемы.

²Его мнения в вопросах брака, секса, противозачаточных средств и т. д. демонстрируют свободу от предрассудков, исходящую от профессора, лорда и т. д., которая должна шокировать моралистов.

³В государственном управлении выдвижение на высшие посты обычно следует за тем гениальным принципом, согласно которому тому, кому бог дает должность, он даст и способность исполнять ее. И мы знаем, как все выглядит.

⁴Что же касается произведения детей на свет, то общественное мнение, как всегда бездумное, казалось бы, считает, что тем, кому бог дает детей, он также даст способность заботиться о них и воспитывать их. Несправедливо возлагать всю вину на божество, слишком лениво просить бога сделать то, что мы должны сделать сами.

⁵Когда люди подхватывают новую идею, она очень скоро становится неузнаваемой. Профессор написал что-то о комплексах, и сразу все «психологи» поняли, что это такое. Это был комплекс неполноценности и самая опасная из всех опасных вещей. Ни один профессор ничего не говорил о воспитании комплекса превосходства, комплекса своеволия, комплекса произвола, комплекса безжалостности, комплекса беззакония, поэтому умные эксперты ничего не знали об этом.

⁶По собственному опыту Рассел согласен с мнением, что воспитание ребенка должно быть завершено до достижения им одного года и в любом случае до достижения им трех лет. В этот период у ребенка не могут развиваться другие комплексы, кроме комплекса самоутверждения. Обращение невероятно простое, но непрактичное для нерассудительной сентиментальности: ребенок никогда не добьется своего ни в каком отношении. Кроме этой непоколебимой твердости, ребенок нуждается в доброте, нежности и заботе. Однако ребенок никогда не должен чувствовать, что он является предметом всеобщего интереса в своем важном я.

⁷Задача образования – дать знания и навыки. Желательное знание включает в себя то, что позволяет понять физический мир и физическую жизнь, как она есть сегодня: природу и то, как она работает, человечество с его расами и нациями, общество с его организациями и функциями, все, что необходимо людям, чтобы жить вместе без трений. Обзор того, как все это произошло, дает перспективы развития, понимание того факта, что вся жизнь – это изменение.

⁸Исследование устанавливает факты и помещает их в научные системы. Подходящий метод обучения противоположен этому. Он исходит из ориентирующего обзора системы и тем самым выясняет важность фактов. Перегрузка памяти фактами, которые легко доступны в справочниках, противодействует обзору, ясности, смыслу и, следовательно, пониманию; ибо понимание идет от общего к частному. Задача школы – учить принципам, методам и системам, и только столько фактов, сколько необходимо для их усвоения. Это облегчает приобретение перспективного сознания.

⁹К сожалению, высшее образование оставляет без внимания психологические проблемы жизни. И все же они имеют огромное значение. Большинство людей беспомощно предоставлены самим себе, чтобы решать свои собственные жизненные проблемы, с конфликтами между врожденными, подсознательными инстинктами жизни и стремлением

бодрствующего сознания ориентироваться. В наше время этот конфликт привел к увеличению числа неврозов. Не каждый способен решить эти проблемы и найти свой собственный выход из лабиринта, как это суверенно сделал Рассел. Конфликт часто усугубляется «борьбой за души» конкурирующих идеологий, особенно когда это приводит к напряженности в отношениях с родственниками, друзьями и окружением вообще. Люди, которые, может быть, и не знают этого, но достигли стадий культуры и гуманности, считают большую часть этого извращенной, воспринимаются другими и в конце концов самими собой как нежизнеспособные чудаки и возлагают вину за это на себя.

¹⁰Желательные навыки также включают знание международного культурного языка. В большинстве случаев этого достаточно для всех, кто не занимается филологией или историческими исследованиями. Рассел полностью разделяет распространяющееся понимание того, что латынь и греческий вовсе не так важны, как считалось до сих пор. Их изучение предполагает не только перегрузку памяти, но и огомную трату важнейших лет жизни. Обучение этим языкам не приводит к реальному пониманию относящихся сюда литератур. Большая часть обученного забывается через несколько лет. Более того, вся эта литература уже переведена на все культурные языки лучшими переводчиками, чем те, которые обучались в школе. И, наконец, то жизненное понимание, которое дала нам эта литература, было включено в более поздние культуры в течение нескольких столетий. Лучше мыслить самому, чем цитировать. «Классические» метафоры, встречающиеся в литературе, могут быть собраны и объяснены в специальной книге «Живая латынь».

¹¹То же самое в целом относится и к обязательному изучению других мертвых языков. Насколько духовенство способно читать текст Ветхого Завета без огласовок? Для них вполне достаточно дать описание письменного языка без огласовок и сообщить, что ученые всегда будут спорить о том, какие гласные правильны. Может ли историк религий лучше интерпретировать символику санскритских текстов, чем искусные востоковеды с их попытками перевода, помимо интерпретации, о которой спорят самые ученые индийцы и над которой эзотерики, знающие санскрит, могут только смеяться? С таким обучением человек приобретет кажущееся знание тщеславия и возможность произвести впечатление на нерассудительных.

¹²Книги Рассела изобилуют высказываниями, которые мгновенно проливают свет на проблемы такого рода. Хочется только, чтобы их читали все, кто хочет расширить свой кругозор и углубить свое понимание жизни. Без преувеличения можно сказать, что они являются частью современного общего образования в вопросах жизневоззрения.

5.48 Проблема демократии

¹Так же, как диктатура – это проблема власти, демократия – это проблема свободы.

²Никто до сих пор не смог удовлетворительно объяснить, что такое свобода, как она возможна, как ее достичь, как ее сохранить. Еще не было ясно видно, что свобода и власть – это одно и то же. Что их отличает, так это границы свободы и власти. Свобода воспринималась как право быть хозяином самого себя, а власть – как право быть хозяином других.

³Для свободы требуется не только право быть собой, но и способность быть им. «Знание – сила», если оно дает способность. К сожалению, есть способность без знания, и эта способность злоупотребляет властью.

⁴Свобода – это право индивида мыслить, чувствовать, говорить и делать то, что он считает нужным, в пределах равного права для всех. Злоупотребление свободой часто влекло за собой диктатуру. Свобода требует, чтобы все держались в этих пределах, чтобы все знали эти пределы, чтобы все были способны держаться в этих пределах. А люди

знают? Могут ли они без власти над собой?

⁵Свобода – это все еще нерешенная проблема. Вопрос в том, может ли она быть решена на нынешней стадии развития человечества.

⁶К проблеме демократии относится много проблем, все нерешенные, некоторые неразрешимые. Среди нерешенных проблем – право меньшинства, сдерживание злоупотреблений властью, предотвращение безмозглого законодательства.

⁷В дальнейшем будет кратко показано, что демократия – это псевдопроблема, поскольку не может быть бесклассового общества и совершенной справедливости. И это потому, что кажущаяся несправедливость природы делает это невозможным.

⁸Проблема справедливости и проблема классового общества тесно связаны между собой.

⁹К справедливости принадлежат, среди прочего, равенство и принцип равной оплаты. Из принципа равной оплаты (равной оплаты за равный труд) следует: разная оплата за разный труд, больше оплаты за больший труд, больше преимуществ за большую способность служить обществу, большие права за большие обязанности. Как к этому относится общественная зависть?

¹⁰Требование «равенства» во французской революции означало только: упразднение всех сословных привилегий (преобладающих социальных и политических, всеобщее считавшихся несправедливыми), равенство перед законом, право быть судимым только по способностям.

¹¹Но никогда не было и речи о том, чтобы все имели одинаковое социальное, политическое и т. д. влияние.

¹²Неравенство природы состоит в различиях в способности постигать, осознавать, понимать, приобретать знания, в различиях в таланте и способности работать. Никакое образование не может заменить врожденные способности, талант, гениальность.

¹³Самое большое, что может быть достигнуто, – это уважение к каждому как человеку. Нам еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы достигнем условий всеобщего братства. Мы должны будем быть довольны, если нам удастся реализовать всеобщую добрую волю ко всем без исключения и правильные человеческие отношения.

¹⁴Общее злоупотребление словом «справедливость» ясно показывает, что люди не знают, о чем они говорят. Люди просто никогда не смогут этого понять. Это также ясно из утверждения, что жизнь несправедлива.

¹⁵Не может быть бесклассового общества. Для постижения этого достаточно самого простого интеллекта. Даже Россия и Югославия вынуждены были признать это на практике.

¹⁶Принадлежность к классу есть естественный порядок вещей, определяется качествами и способностями индивида, его компетентностью, умением и калибром, совершенно независимо от его возможностей воспитания и образования.

¹⁷Именно на это неравенство намекал Платон, до сих пор совершенно неверно понимаемый, когда он набрасывал свое идеальное государство с его общественными классами. Именно это неравенство ясно увидел Руссо, когда сказал, что истинная демократия не может существовать.

¹⁸В государстве и обществе со всеми их организациями должны быть начальники и подчиненные, сгруппированные по способностям, и в этом заключаются классовые различия.

¹⁹В государстве, управляемом разумно, все, имеющие равные знания и понимание проблем государства, общества, экономики и наднациональных вопросов, должны иметь равное политическое влияние.

²⁰Это была беда, что с самого начала право голоса было поставлено в зависимость от экономики. Эта несправедливость должна быть отменена. На ее месте должны были быть

введены специальные экзамены на право голоса (со школой для избирателей) и право быть избранным. Нелепо, что даже самые невежественные люди, которые могут голосовать только так, как им внушают, имеют такую же власть, как и другие. В результате получается демагогия, а не демократия.

²¹Очевидно, что Рассел был очень хорошо осведомлен об этих проблемах.

²²Так обстоит дело с демократией, как и с другими политическими идеологиями. В каждой есть что-то разумное. И именно синтез относящихся сюда идей сделает возможной реальную идеологию, которая когда-нибудь в будущем даст разумное государство.

5.49 Проблема диктатуры

¹Проблема диктатуры – это проблема власти. Книга Рассела «Власть» – это блестящее историко-политико-социолого-психологическое исследование, раскрывающее обширное чтение, психологическое понимание и аналитические способности.

²Как ни странно, проблема власти, столь жизненно важная для человечества, привлекла мало внимания. Рассел с его зоркостью пояснил злоупотребления стремлением к власти в большинстве человеческих отношениях.

³Он с полным правом утверждает, что «из бесконечных желаний человека главными являются властолюбие и честолюбие». Он также ясно видит, что «только осознавая, что властолюбие является причиной деятельности, которая важна в общественных делах, история, будь то древняя или современная, может быть правильно истолкована». Он заботится о том, чтобы доказать, что «фундаментальным понятием в социальной науке является власть, в том же смысле, в котором энергия является фундаментальным понятием в физике. Как и энергии, власть имеет много форм ...» и «законы социальной динамики – это законы, которые могут быть сформулированы только в терминах, относящихся к власти, а не в терминах, относящихся к той или иной форме власти».

⁴Проблема власти включает в себя не только основное побуждение индивидов, но и различные виды организаций (государство, общество, политические партии и ассоциации в их бесконечном разнообразии) и, наконец, но немаловажно, власть иллюзий и фикций.

⁵В восемнадцати главах Рассел анализирует различные формы власти, философию власти, этику власти, моральные нормы и, наконец, различные меры, которые могут быть предусмотрены для предотвращения злоупотребления властью. После прочтения этой книги ни у кого не могло бы возникнуть сомнений в том, что такие меры необходимы, если бы он не видел этого раньше.

⁶«Предполагать, что безответственная власть только потому, что она называется социалистической или коммунистической, чудесным образом освободится от дурных качеств всякой произвольной власти в прошлом, – это просто детская психология.»

⁷В заключительной главе он пытается решить проблему «обеспечения того, чтобы правительство было менее страшным, чем тигры». Он рассматривает проблему в четырех разделах, посвященных политическим, экономическим, пропагандистским и психолого-педагогическим условиям.

⁸Неясно, действительно ли Рассел верит в возможность предотвращения злоупотребления властью. Время покажет, можно ли решить эту проблему до того, как хотя бы значительное, решительное меньшинство человечества достигнет стадии культуры. Большинство все еще находится на стадии варварства или близко к ней.

⁹Любая власть подразумевает злоупотребление властью, в лучшем случае из-за жизненного невежества. Таким образом, идеал никогда не будет достигнут. Но степень злоупотребления будет наименьшей, когда люди поймут, что власть совпадает и со свободой, и с законом (без закона нет свободы), когда власть используется прежде всего для защиты свободы.

5.50 Социализм

¹Рассел не является сторонником нереалистичного государственного социализма, который, даже в лучшем случае, должен препятствовать частной инициативе. Со мнением индивида не будут считаться. Когда государство является работодателем, оно не может быть принуждено забастовками и т. д. к уступкам, как это имеет место с частным работодателем.

²В социалистическом государстве ни один писатель, выражающий взгляды, которые не нравятся правителям, не будет публиковаться. Изобретатель с кажущейся невозможной идеей, как и все революционные идеи, не получит поддержки.

³Социалистическое государство не потерпит ни оппозиции, ни свободы слова, ни свободы печати. И кто будет решать, что человек может мыслить?

⁴При обсуждении политики в целом Рассел делает примечательное замечание, безнадёжно, конечно, что политические проблемы слишком важны, чтобы их можно было решать по каким-либо партийным линиям.

⁵Из всех политико-экономических систем Рассел предпочитает синдикализм: все, кто работает на предприятии, должны владеть им совместно, таким образом, как интеллектуальные работники, так и рабочие.

⁶Многое принадлежит к тайнам социалистической софистики:

⁷Например, что только рабочие, имеющие высокооплачиваемую работу и короткий рабочий день, имеют право на почетное звание рабочего, но не обучающиеся интеллектуальные работники, которые проводят неограниченное количество неоплачиваемых часов. Когда люди осознают, что лучше быть рабочим, то вскоре возникнет нехватка научных работников, ученых, учителей и т. д. Когда школьные учителя не будут иметь никаких прав против бандитской мелюзги, никто не захочет преподавать в школах. Это уже проблема в США, но не в России.

⁸Например, что люди не могут видеть, что необоснованные требования заработной платы вскоре сделают невозможным любое частное предпринимательство.

⁹Например, что те, кого называют «кровопийцами», с большим риском, с беспокойством и будучи облагаемыми налогами до разорения, все же помогают обеспечивать свою страну и поддерживать ее культуру.

¹⁰Например, что они попустительствуют всякого рода несправимости, произволу, своеволию, беззаконию, но мешают честным людям в большинстве дел.

¹¹Можно понять тех, кто задается вопросом, является ли бич диктатуры единственным способом привести людей в благоразумие.

¹²Социалисты считают, что право собственности является ключом ко всем проблемам, упуская из виду главное – право свободного распоряжения, которое дает еще большую власть. Если бы те, кто правит Россией, владели вещами, то их власть действительно была бы намного меньше, чем сейчас.

¹³Социал-демократы носят фальшивый ярлык. Демократ не может быть социалистом, а социалист – не демократ.

5.51 Марксизм

¹Пророка русского коммунизма, немца Карла Маркса, Рассел довольно суммарно отвергает. Он не считал нужным тратить время на возражение этому примитивному физикалистскому восприятию истории, абсурдной социологии и гротескной политико-экономической теории. Он ясно видел извращенность всей этой пропаганды ненависти, которая соответствует эмоциональному мышлению низшей эмоциональной стадии, удовлетворяя относящиеся сюда потребности иллюзий: зависти и других проявлений ненависти.

²Вопрос, однако, состоит в том, не стоит ли изучить относящиеся сюда иллюзионизм и

фикционализм психологически. Во всяком случае, они подтверждают высказывание Платона о том, что «миром правят идеи».

³То, что этот самоочевидный факт не был общепризнан, является столь же хорошим показателем, как и любой другой, в отношении нынешнего интеллектуального стандарта. Какие невыразимые страдания пришлось перенести человечеству из-за религиозных и моральных идей! Чего стоят нам сегодня идеи безумного национализма! Когда идеи влияют на движущую силу эмоций, они ведут к действию. Когда эмоции пробуждаются на низшей эмоциональной стадии (стадии отталкивания), результатом являются действия ненависти. Но существенное – это осознание того, что безумие – это безумные идеи, что идея – это первоначальный импульс. Вот почему корень зла – невежество.

⁴Завоевания марксизма опровергают гипотезу самого Маркса о том, что у человека есть только физические потребности. Даже на самой низкой стадии развития он нуждается в эмоциональных иллюзиях и ментальных фикциях. Их сила часто превосходит физические потребности. Одно из доказательств этого – русский народ среди прочих.

⁵Что касается иллюзии «диктатуры советского пролетариата», то Рассел довольствуется лаконичным замечанием, что под этим, очевидно, подразумевается коммунистическая партия. Это чудовищно, что рабочие во многих странах поддаются обману очевидной лжи большевистской агитации, слепые к новому рабству, которое лишило рабочих их человеческих прав. Человечество не продвинулось дальше, чем к тому, что Россией и Китаем правят бандиты.

⁶Советскую систему осуждает отчасти ее бесчеловечность, ее варварское презрение к божественному праву индивида на неприкосновенность, отчасти ее тирания мнений. Это чистая пародия, что этой силе позволено участвовать в работе Организации Объединенных Наций для человечества только для того, чтобы уничтожить эту самую работу, эту силу более страшную, чем католическая церковь в средние века, эту силу, цель которой – стереть с лица земли все нации, сделать всех людей рабами физически и духовно, и своими сатанинскими методами попытаться задушить всякое стремление найти и провозгласить истину.

Сноска переводчика на английский

Из того, что сообщает Лоренси в своей книге «Знание жизни Четыре» 1.29.1, явствует, что этот раздел «Знания реальности» был написан самое позднее весной 1958 года.

Вышеприведенный текст представляет собой эссе «Взгляд одного эзотерика на историю европейской философии» Генри Т. Лоренси. Эссе представляет собой пятый раздел книги «Знание реальности» Генри Т. Лоренси. Copyright © 1979 и 2021 Издательского фонда Генри Т. Лоренси (www.laurency.com). Все права защищены.

Последние исправления внесены 2023.05.21.